Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Борьба за Советы на Севере.

(1918—1919).

Истпарт Архангельского Губкома ВКП. (б).

ИЗДАНИЕ
Кооп. Т-ва „ПРИЗЫВ".
1926.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

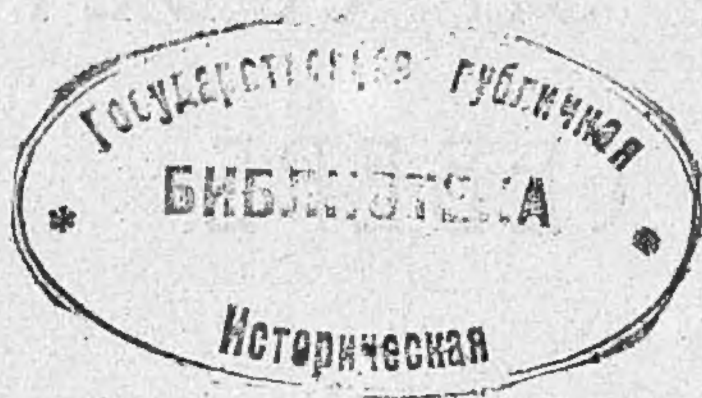
БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ НА СЕВЕРЕ.

(1918—1919).

Истпарт Архангельского Губкома ВКП (б).

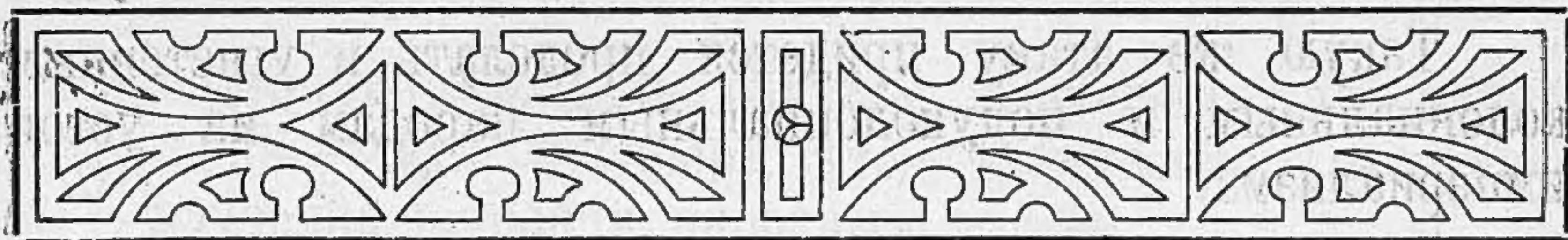

ИЗДАНИЕ
Коопер. Т-ва „ПРИЗЫВ".
1926.

Типогр. Кооп. Т-ва „ПРИЗЫВ“.

Гублит № 200. Архангельск, 1926 г. Тираж 2000.

К истории гражданской борьбы на Севере.

I.

Чем дальше мы отодвигаемся от первых этапов Октябрьской революции и периода гражданской борьбы и интервенции,—тем величественнее и прекраснее вырисовываются перед нами картины героических боев рабочего класса и революционного крестьянства с силами внешней и внутренней контр-революции.

Октябрьская революция и отдельные этапы и эпизоды гражданской войны к настоящему времени нашли уже широкое отражение как в воспоминаниях и описаниях непосредственных участников и очевидцев боев, так и в научно-исторической и художественной литературе и произведениях современного искусства.

Но к сожалению—мы все же должны констатировать, что борьба в целом и ряд ее отдельных этапов и эпизодов—еще и до сих пор мало освещены и недостаточно изучены. А те описания и художественно-исторические наброски, которые имеются—недостаточно популяризированы и известны широким рабоче-крестьянским массам.

Перед коммунистической партией, руководившей всем ходом гражданской борьбы, выдвигается в настоящий момент огромной важности задача—восстановить весь ход Октябрьской революции и гражданской борьбы и ознакомить с ним широкие рабоче-крестьянские массы Советской страны и всего мира.

Классовая борьба международного пролетариата с буржуазией еще не закончена: пролетариату еще не раз и не два придется идти в атаку на твердыни капитализма.

Такую же атаку придется проделать и угнетенным колониальным и полуколониальным народам на устои империализма.

Опыт классовой борьбы в СССР—лучшая школа для рабочего класса и угнетенных народов всего мира.

Но этот опыт—не меньшая школа и для нашей молодежи, непосредственно неучаствовавшей в революционных схватках. На опыте революционной, классовой борьбы должна учиться и воспитываться наша молодежь.

II.

Гражданская борьба на Севере—одна из героических страниц борьбы пролетариата и революционного крестьянства с внешней и внутренней контр-революцией.

Она распадается на два периода: первый—со времени организации Советской власти до ее падения (январь—август 1918 г.); второй—со времени падения Советской власти до ухода „союзников" и разгрома белогвардейщины (август 1918 г.—февраль 1920 г.).

Первый период сопровождался рядом отдельных схваток с внутренней контр-революцией в Холмогорском, Шенкурском, Онежском уездах и городе Архангельске.

Во второй период—схватка вылилась в вооруженное столкновение не только с внутренней, но и с внешней контр-революцией: впервые наша Красная Армия на территории Советов вступила в бой с армиями „союзников", вооруженными „до зубов" и имевшими на своей стороне количественный и технический перевес. Но несмотря на все усилия „союзников" и белогвардейцев, Красная Армия отразила их натиск и вышла из борьбы победительницей.

И вот теперь—эта гигантская борьба вызывает к себе усиленный интерес со стороны трудящихся масс Архангельской губернии и в особенности—со стороны ее непосредственных участников и очевидцев.

К сожалению,—мы также должны констатировать, что революция и борьба на Севере до настоящего времени мало описаны и не нашли достаточного освещения в печатных

изданиях,—(если не считать нескольких воспоминаний и одной—двух брошюр), что—естественно, затрудняет их изучение широким народным массам.

За последнее время, по просьбе Отдела по истории партии при Архгубкоме ВКП (б), написаны т. т. Кедровым и Метелевым два сборника, рисующие последние месяцы работы Коммунистической организации и Советской власти перед падением Архангельска и первые этапы вооруженной борьбы после падения Архангельска.

Оба труда явятся ценным вкладом в историю революционной борьбы на Севере и дадут возможность рабочим и крестьянам Севера широко ознакомиться с целями и задачами, которые ставили „союзники" при оккупации Севера, а равно и с деятельностью всех контр - революционных организаций. *)

В настоящем сборнике печатаются воспоминания т. Метелева под названием „Падение Архангельска". Они написаны легким, понятным языком и ярко рисуют картину событий, развернувшихся перед занятием Архангельска „союзниками".

Печатая воспоминания тов. Метелева—мы в то же время должны оговориться, что в них недостаточно четко оттенено экономическое и политическое положение Архангельской губернии перед оккупацией „союзниками" и слабо выявлена роль различных политических группировок и борьба между ними. Есть и другие, менее существенные пробелы, но в общем—они не умаляют громадной ценности воспоминаний т. Метелева.

Для более правильного уяснения борьбы, в сборник включается стенограмма доклада автора настоящей статьи, сделанная на торжественном заседании Архангельского Горсовета в шестую годовщину освобождения Севера.

---

*) Кроме вышеупомянутых трудов в распоряжении Архистпарта имеются ценные материалы некоторых, но далеко еще не всех участников и очевидцев гражданской борьбы на Севере и эти материалы будут опубликованы Архистпартом в его последующих сборниках, равно как и присланные Архистпарту ценные материалы по истории Октябрьской революции, истории ВКП и советского строительства.

Сборник № 3 заканчивается воспоминаниями т. Юрченкова, рисующими подпольную работу большевиков и всех сочувствующих им в период интервенции—ту работу, которая сыграла громадную роль в деле пробуждения широких народных масс и перехода их на сторону Советской власти.

С. Тубанов.

За власть Советов.

Из доклада т. С. Тубанова.

За власть Советов.

Из доклада т. С. Тубанова.

Товарищи, прошло 6 лет с того дня, когда красные войска вступили в Архангельск и вновь подняли красное знамя Советов, красное знамя революции.

Шесть лет в жизни человеческого общества—коротенькое мгновенье, но в эпоху революционных битв и великих потрясений—6 лет равняются десятилетиям и составляют целую историческую эпоху.

За эти 6 лет наша страна окрепла экономически и политически. Она является крепким Советским государством, с которым считаются буржуазные, империалистические государства. За этот период народы, населяющие территорию Советской страны, еще теснее сомкнули свои ряды и образовали тесный, братский союз. За эти 6 лет наш рабочий класс еще более усилил и укрепил руководство Советским государством. Он установил тесный братский союз с крестьянством—и этот союз является прочным к настоящему времени. Он разоблачил предательскую роль социал-демократич. вождей II Интернационала и явился вдохновителем и организатором борьбы за единый международный пролетарский фронт. Мы теперь видим, что единый фронт облекается в реальные формы. Рабочий класс еще более укрепил свою диктатуру, но укрепив ее,—он смячил формы и методы ее проведения: мы видим теперь оживление работы и деятельности всех организаций (советов, профсоюзов, кооперации и др.), находящихся на территории Советского Союза. За эти 6 лет выросла и еще более окрепла наша коммунистическая партия, впитавшая свыше миллиона человек в свои ряды. Еще сильнее стала наша Красная армия.

Вот коротенький перечень тех важнейших выводов за 6 лет, которые мы имеем в международной и внутренней обстановке.

В тему моего доклада не входит освещение работы и достижений Советской власти за 6 лет,—я остановился на этих выводах лишь потому, что 6 лет и еще более—8 лет назад—положение в нашей стране было совсем иное: тогда Советская власть только еще приступала к организованному строительству советского государства, развивая одновременно кипучую деятельность по организации всех революционных сил для отражения натиска контр-революции. На первых же порах она столкнулась с величайшими препятствиями и затруднениями: экономическим упадком в стране и с невиданным сопротивлением всех контр-революционных сил.

Я позволяю себе кратко остановиться на периоде, предшествовавшем падению Советской власти на Севере, на ходе самой борьбы, оккупации Севера иностранными войсками и господстве белогвардейщины.

Падение Советской власти на Севере нельзя рассматривать, как отдельное звено из цепи тех событий, которые развернулись в 1918 г.: оно является одним из звеньев в общей цепи событий, развернувшихся за этот период. Его нужно рассматривать, как одно из звеньев борьбы Советов с контр-революцией.

Две основных причины способствовали падению Советской власти на Севере и занятию Архангельска оккупационными войсками. Первая из них—комбинированные действия внешней и внутренней контр-революции для свержения Советской власти. И вторая причина—недостаточная организованность революционных сил на Севере.

Организация сил внешней и внутренней контр-революции стала развертываться особенно ускоренным темпом после разгона учредительного собрания в январе 1918 года. Когда эсеры, меньшевики и бывшие союзники, возлагавшие большие надежды на падение Советской власти одновременно с началом работ учредительного собрания—увидели, что ставка их на учредительное собрание бита—они бешенным темпом стали нагонять потерянное время с момента Октябрьской революции, по организации своих сил для свержения Советской власти и об'единению их со всеми остальными силами внутренней контр-революции.

Между представителями иностранных империалистических государств в лице дипломатических миссий, с одной стороны, и контр-революционными организациями внутри Советской России, с другой—установлен был тесный контакт для совместной борьбы против Советской власти. Генеральным штабом, где сосредоточивались все нити—являлись иностранные миссии, выделившие из своей среды в качестве руководителя для организации контр-революционных сил и заговоров французского посла Нуланса. Силы внутренней контр-революции группировались в различных организациях: после Октябрьской революции—в „Комитете спасения родины и революции", после разгона учредительного собрания—в „Союзе возрождения России", различных монархических организациях, организации Савинкова и других.

„Комитет спасения родины и революции" представлял из себя средоточие элементов, выделившихся из бывшей государственной думы—самых реакционных, самых монархических. В состав „Союза возрождения России" входили представители буржуазии, энесы, эсеры и меньшевики. Между ними был тесный блок. Программа их была: во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами и силами свергнуть Советскую власть. Это был основной пункт в программе „Союза возрождения России". Союз должен был развернуть по плану свои действия, главным образом, на Севере, в губерниях: Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской, Олонецкой и Новгородской. И, действительно, к выполнению программы и плана своих действий „Союз возрождения России" приступил с конца марта и стал их выполнять. „Союзники" обещали всем контр-революционным элементам свою помощь—деньгами, оружием и высадкой дессанта. Совместно с ними они выработали комбинированный план действий для одновременных выступлений в Архангельске, Вологде и Ярославле, обещая в помощь высадить дессант на Мурмане и в Архангельске. План, как мы знаем, расстроился: одновременно его контр-революция осуществить не смогла. Ярославское восстание вспыхнуло раньше назначенного срока; подготовка к нему была раскрыта Чрезвычайной Комиссией, и контр-революционеры, боясь аре-

стов, пошли на преждевременное восстание. Занятие Архангельска состоялось позже, чем предполагалось по плану. Одной из основных причин, затормозивших занятие Архангельска в установленный срок, нужно признать работу комиссии тов. Кедрова. Комиссия тов. Кедрова решительными действиями из‘яла ряд контр-революционных элементов и разогнала ряд контр-революционных гнезд.

Но так или иначе, к концу июля месяца силы внешней и внутренней контр-революции были настолько сорганизованы и подготовлены, что они решились на занятие Севера путем совместных действий.

Принимались ли меры, необходимые для того, чтобы дать отпор контр-революции перед падением Архангельска? Да, товарищи, мы должны теперь определенно заявить, что необходимые меры принимались. Но несчастье наше заключалось тогда в том, что наши силы на территории Архангельской губернии были недостаточно сорганизованы, Советская власть была недостаточно решительна в своих действиях.

Первый Губисполком был избран в январе 1918 года; в его состав входили большинство эсеров, коммунистическая фракция имела меньшинство голосов. Когда нужно было вести самую решительную борьбу с конт-революцией—в это время из состава эсеровской части Губисполкома раздавалась маниловщина, интеллигентские увещевания—и ничего больше. Повторяю, что коммунистическая фракция не могла в первый период организации Советской власти повернуть руль таким образом, чтобы можно было приступить к немедленному разгону контр-революционных гнезд, организации хозяйства и вообще к укреплению Советской власти. Этот период слабости и расхлябанности продолжался до июня, т. е. до приезда Комиссии тов. Кедрова и образования в Губисполкоме коммунистического большинства после второго губернского С‘езда Советов.

За период расхлябанности контр-революция смогла сорганизовать необходимые силы, которые она и двинула при занятии Архангельска.

На территории нашей губернии также были сорганизованы отделения и филиалы „Союза возрождения России“.

Я помню, когда в Емецке мы открыли контр-революционный заговор, контр-революционное гнездо „Союза возрождения России“ в числе 70 человек и сообщили об этом в Губисполком (в мае—июне 1918 г.), то тогдашние эсэровские руководители ответили, что каких нибудь мер к разгону принимать не следует. Мы слали одну за другой телеграммы. Помню текст одной из них: „Мы арестовали группу контр-революционеров. Необходимо их держать под арестом“.

Нам отвечают:—„необходимо освободить“. Мы телеграфируем вновь: „Товарищи, революционный народ Вас не уполномочил для защиты контр-революционеров. Мы действуем правильно“. После этого новая телеграмма:—„освободить“. Организация революционных сил началась тогда, когда приехал в Архангельск тов. Кедров. Когда он подкрепил силы коммунистической фракции в Губисполкоме, тогда коммунистическая фракция и Губисполком стали действовать решительно.

В июне месяце Комиссией Кедрова разогнана была городская дума, состоявшая в большинстве из эс-эров и меньшевиков. На нее опиралось эс-эровское крыло в составе первого Губисполкома. Кроме того опорой эс-эров и меньшевиков являлись волостные и уездные земские управы, находившиеся на территории губернии.

Земские управы на местах стали разгоняться в марте, апреле, а в некоторых уездах даже позже, когда силы контр-революции были ими подготовлены и сорганизованы. В Холмогорском уезде во время первого Уездного С‘езда Советов, уездная земская управа сорганизовала вооруженное, контр-революционное нападение на С‘езд под руководством быв. воинского начальника капитана Тихомирова. Имели место при организации Советской власти на местах вооруженные нападения на представителей Советской власти и в других уездах. В то время, когда наша коммунистическая организация на территории губернии не имела достаточно сорганизованных революционных сил, не имела крепких коммунистических ячеек,—враги наши на Севере, в Архангельске и Архангельской губернии имели организации, на которые они опирались. Имея значительное

влияние в массах, коммунисты не могли его закрепить более прочно в массовых организациях. Словом организация революционных сил была еще недостаточно крепка, не достаточно крепка была и наша коммунистическая организация. Действительных членов коммунистической партии в июне 1918 г. на территории Архангельской губернии насчитывалось всего несколько десятков человек, сочувствующих и примыкавших оффициально к организации коммунистов 500—600 человек. Но нужно сказать, что сочувствующие и примыкавшие к коммунистической организации хотя и стояли горой за Советскую власть и считали себя большевиками, но в сущности они достаточно не уяснили значения Советской власти и программы коммунистической партии. На территории губернии по периферии—коммунистические организации (очень немногочисленные) хотя и существовали почти во всех уездах, но члены их также имели весьма смутное представление о тех целях и задачах, которые ставила коммунистическая партия. Вот на что пришлось опираться в тот момент Советской власти и основной группе старых большевиков, при организации сил для отпора контр-революции.

Вполне понятно, что с июня месяца, когда большинство в Губисполкоме—после второго С'езда Советов оказалось на стороне большевиков (хотя это большинство равнялось одному голосу), организация революционных сил повелась усиленным темпом. К большому огорчению срок для организации сил оказался весьма кратким, всего $1^1/_2$—2 месяца.

За такой короткий срок коммунистическая организация не могла создать достаточного отпора контр-революции. К этому нужно добавить, что экономическое и продовольственное положение в губернии было весьма неблагоприятное: по карточкам выдавали почти один овес и то в очень ограниченных размерах. Крестьяне и городское население голодали и Советская власть ничего не могла сделать для подвоза хлеба, которого не было в запасе и внутри страны. Приходилось принимать самые решительные меры для того, чтобы имевшиеся продовольственные запасы в продовольственных комитетах и у самого насе-

ления экономить и равномерно их распределять. Лесозаготовительные работы в зиму 1918 г. не производились и лесопильные заводы, не получая сырья, вынуждены были остановиться. Создался большой кадр безработных. Единственная работа, которая была в Архангельске—это работа по разгрузке военного порта. В Архангельске после империалистической войны остались значительные военные запасы; эти запасы Советское Правительство решило перебросить в центральные склады после того, как стала известна контр-революционная деятельность „союзников" и стремление их к оккупации Севера.

Таким образом основная работа была по разгрузке военного порта, а другие работы проводились в весьма небольших размерах. Вполне понятно, что Советская власть в то время не могла дать рабочим города и Маймаксы ни достаточного количества хлеба, ни достаточного заработка.

Политическая обстановка была также неблагоприятна для Советской власти: на почве продовольственных затруднений, отсутствия заработка и проч. эс-эры и меньшевики вели гнусную агитацию против Советской власти, увлекая кой где за собой группы крестьян и рабочих (Судоремонтный завод).

Нужно сказать, что с июня по август, до падения Архангельска, Губисполкомом и Коммунистической организацией были приняты решительные меры по организации воинских частей, по укреплению подступов к Архангельску, по высылке в центр Итальянского и Сербского отрядов, находившихся в распоряжении контр-революционных элементов. Был проведен ряд и других мер по обороне и укреплению. Но нужно отметить, что проведение всех этих мер наталкивалось на саботаж интеллигенции и измену военных специалистов. Иванов, командир 1-го Советского полка, бывш. капитан, позорно изменил и перешел на сторону врагов еще до падения Советов, за что и понес заслуженную кару. Потапов, бывш. полковник, командующий сухопутными силами изменил Советской власти в момент переворота и содействовал падению Архангельска. Викорст—бывш. адмирал, командующий флотом, также пере-

шел на сторону наших врагов. Наши батареи на Мудьюге при подходе вражских судов сделали только несколько выстрелов и должны были прекратить огонь из-за неисправности орудий.

У входа в русло Двины для преграждения входа вражеским судам, были затоплены два судна—„Микула Селянинович“ и „Святогор“; но они были подняты судами врагов на верх совершенно без всяких затруднений: оказалось, что эти суда не были взорваны, а в них были лишь открыты кингстоны. „Союзники“ спустили водолазов, выкачали воду и подняли суда наверх. Таким образом все меры обороны встречали скрытое противодействие и измену. Понятно, что при таких условиях, несмотря на все усилия и принятие необходимых мер, Советская власть пала в Архангельске.

Пришли в Архангельск „союзники“ и образовалась белая власть, так называемое „Верховное управление Северной Области“ в следующем составе:

Председатель—*Н. В. Чайковский,* Зам. председат.—*С. С. Маслов,* Секретарь—*П. Ю. Зубов,* Управ. иностр. дел—*Н. В. Чайковский,* Военным—*С. С. Маслов,* Юстиции—*А. И. Гуковский,* Вн. дел, почт. и тел.—*П. Ю. Зубов,* Продов., промыш., и торговли—*Я. Т. Дедусенко,* Финансов — *Г. А. Мартюшин,* Земледелия *С. С. Маслов,* Труда и народ. обр.—*М. А. Лихач.*

Приведем из декларации этого „Правительства“ наиболее интересные пункты, из которых, как известно, ни один, относящийся к улучшению положения рабочих и крестьян, не был осуществлен, а получили осуществление те пункты, которые шли на благо буржуазии.

№ 2.—Во имя спасения Родины и Революции, настоящим на территории Северной области все органы Советской правительственной власти: губернские, уездные и волостные советы (совдепы) с их исполнительными комитетами (исполкомами), комиссарами и т. д. упраздняются.

Члены губернских и уездных Исполнительных Комитетов Р. С. и К. Д. и их комиссары арестуются, а также арестуются и те члены волостных комитетов и комиссары, арест коих будет признан необходимым местной властью.

Арест названных лиц производится впредь до выяснения следственными комиссиями степени виновности их в содеянных Советской властью преступлениях—убийствах, грабежах, предательстве родины, возбуждения гражданской войны между классами и народностями России, расхищении и злоумышленном уничтожении государственного, общественного и частного имущества под предлогом исполнения служебного долга и в других нарушениях основных законов человеческого общества, чести и нравственности.

№ 8. Во имя спасения Родины и завоеваний Революции попранные насильнической советской властью свободы: совести, слова, печати, собраний и союзов настоящим восстановляются. Правила по сему предмету, в связи с чрезвычайными условиями настоящего времени, будут изданы дополнительно.

№ 9. Во имя спасения Родины и завоеваний Революции настоящим востанавливается свободная деятельность кооперативных, профессиональных и других организаций и их союзов частно-общественно-правового характера, а также деятельность обществ и союзов, преследующих общественно-полезные цели или возникших во время войны для целей обороны и восстановления разрушенного войной народного хозяйства. С этой целью при Верховном Управлении образуются особые комиссии.

№ 10. Во имя спасения Родины и завоеваний Революции и принимая во внимание, что политика национализации всякого рода промышленных транспортных и кредитных предприятий, насильственно производившаяся советской властью, привела к несказанному развалу всего народного хозяйства, массовой безработице, голоду и вымиранию рабочего класса, Верховное Управление учреждает особые комиссии при правительственных комитетах и под контролем своих соответствующих специальных органов в целях восстановления производительности и работоспособности этих предприятий и согласования в этом деле интересов государства с нарушенными законными правами прежних владельцев, признаваемыми большинством населения".

Кто же был действительным правительством, действительным хозяином после прихода союзников? Было ли хо-

зяином правительство Чайковского, декларировавшее свободу совести, собраний, возврат буржуазии национализированной большевиками собственности и проч., или же союзники? Имеющиеся в нашем распоряжении документы говорят, что хозяином на Севере после падения Советской власти были исключительно „союзники“. С первых же дней по высадке оккупационных войск и приезде генерала Пуля,—вся власть перешла к английскому военному командованию—генералу Пулю.

Белое правительство Чайковского являлось ширмой, марионеткой в руках Пуля: без его ведома и санкции оно ничего не могло делать и решать. Иностранным оккупантам и монархической контр-революции нужна была решительная борьба с Советской властью, организация и укрепление фронта, решительное движение вперед. Этого правительство Чайковского не могло и не в состоянии было сделать по своей половинчатой, трусливой природе. Поэтому на правительство Чайковского ни монархическая контр-революция, ни иностранные оккупанты положиться не могли—им нужно было такое правительство, которое смогло бы укрепить фронт, провести мобилизации и понятно, что с первых же дней после падения Архангельска власть перешла к генералу Пулю.

У меня имеется интересный документ, написанный через 2 или 3 месяца после падения Архангельска и прихода „союзников“ о первых разногласиях правительства Чайковского с оккупантами. (Я останавливаюсь на этом документе потому, что он мало известен). Первое разногласие, как говорит этот документ, возникло из-за флагов. Правительство Чайковского хотело иметь над зданиями правительственных учреждений два флага—один флаг трехцветный национальный, а другой—красный. Вот что говорится в указанном мною документе (автора его, к сожалению, пока выяснить точно не удалось):

„Первое разногласие возникло по вопросу о поднятии флагов. Верховное управление, с одной стороны, принимая во внимание, что оно состоит почти исключительно из членов Учредительного собрания, избранных всенародным голосованием, видя, что появление его было встречено населением с большим энтузиазмом и чувствуя за собой под-

держку широких народных масс, с другой стороны, полагая, что одной из его задач является проведение принципов народоправства и считая себя в этом отношении преемником Временного Правительства, ставшего у власти после революции и свержения самодержавия, признало что на учреждениях гражданских могут быть подняты два флага: национальный трехцветный и красный. Это соединение должно было служить эмблемой тех двух идей, которые руководили Верховным Управлением в его деятельности и выражались в словах, с которых неизменно начинались его первые постановления—„Во имя спасения Родины и завоеваний Революции".

Трехцветный флаг—во имя спасения родины, а красный—во имя спасения революции.

Последующие действия „союзников" свелись к тому, что они взяли на себя военный контроль, ввели цензуру, учредили совместно с монархистами, помимо шпионской разведки „верховного управления",—еще и свою особую контр-разведку, усилили аресты и т. д. и т. п.

Правительство Чайковского, являлось марионеткой, совершенно не имело никакого авторитета в глазах Пуля и русских белогвардейцев монархистов и в конце концов, через месяц после прихода „союзников" они отправили его „молиться богу" на Соловки. Союзникам и монархистам нужно было такое правительство, которое бы умело расстреливать пачками, было бы в состоянии организовать силы для наступления на Красную армию.

Правительство Чайковского,—жалкое, трусливое, лакейское могло быть только лакеем и предателем революции, но организатором и творцом оно быть безусловно не могло. Богомолье на Соловках—была заслуженная награда.

Таким образом вся власть на белой территории находилась в руках иностранных оккупационных войск, в руках военного командования. Фактически—фронтовая борьба до ухода оккупационных войск—велась между Красной армией и „союзниками", погонявшими и мобилизовавшими население Севера и посылавшими его на убой.

Теперь, перед нами стоит вопрос: каким же образом, несмотря на то, что союзники имели до 25 тысяч войск и плюс к ним 25 тысяч белых войск,—каким же образом

эти силы, имевшие количественный перевес в 5—10 раз против Красных войск, перевес в технике, в аэропланах, в продовольствии и всем прочем,—каким же образом эта армия в 50 тысяч человек не могла отогнать, отбросить Красную армию, имевшую на первых порах только несколько тысяч человек? Самое большее количество штыков в Красной армии было перед наступлением на Архангельск: численность Красной армии тогда достигала 20 тысяч бойцов всех родов оружия. Каким же образом могло произойти, что союзные и белогвардейские войска, имевшие количественный, технический и продовольственный перевес во много раз—не могли продвинуться вперед и разбить Красную армию?

На этот вопрос нужно искать ответа и об'яснения в той обстановке, в тех целях, которые ставили перед собой союзники и внутренняя контр-революция. Союзники пришли сюда исключительно с колонизаторскими целями: Английские империалисты ставили целью—захват лесных богатств Севера и превращение Севера в английскую колонию. Эта политика видна была во всем поведении союзников и она не могла скрыться от взоров населения Севера. Второе: правительство Чайковского не имело никакой положительной программы; его программа была—аресты, расстрелы, реквизиции, конфискации, мобилизации людей и лошадей. Вполне понятно, что нашим рабочим и крестьянам не за что было долго воевать и если бы не оккупационные войска, то власть белых здесь не продержалась бы и нескольких месяцев. Это вполне ясно теперь. Вот поэтому то и разгромлена была в конце концов контр-революция. Вот поэтому то и дрогнули ее ряды.

Октябрьская революция в России с ее социалистическими лозунгами и заключение Брест-Литовского мира, оказали огромное, революционизирующее влияние на рабочий класс капиталистических стран и пробудили в нем симпатии к Октябрьской революции и русскому пролетариату.

Окончание же войны с Германией и заключение мира между бывшими союзниками и Германией—в упор поставили перед рабочим классом капиталистических стран вопрос об отношении к Советской России и Октябрьской революции. Когда рабочий класс Англии и Америки уви-

дел, что борьба идет не с Германией, а с революцией, с русским рабочим классом, он выразил протест своим правительствам и потребовал увода оккупационных войск. Такие же протесты рабочих были и в других капиталистических странах.

В конце концов, летом 1919 г.—оккупационные войска были уведены. Остались одни русские мобилизованные солдаты, но и они разлагались, теряли веру в белогвардейцев: все признаки говорили за то, что контр-революция должна была пасть. И она пала... Несмотря на то, что перевес во всех областях был на стороне врагов, Красная армия все таки оказалась победительницей. В конечном счете, перевес в борьбе дало революции беднейшее и среднее крестьянство.

Когда развернулась гигантская борьба с Колчаком в 1919 г., когда перед коммунистической партией встал вопрос—на какие же силы рабочему классу нужно рассчитывать и решительнее опереться в борьбе,—тогда тов. Ленин определенно заявил, что помимо деревенской бедноты, нужно шире опереться на среднее крестьянство. В результате, благодаря ряда мероприятий, проведенных партией и советской властью по отношению к среднему крестьянству, за рабочим классом пошло не только беднейшее, но и среднее крестьянство, давшее перевес в борьбе. Цепь контрреволюции была разорвана на всех фронтах; разорвана она была и здесь на Севере.

Наша Красная армия на северном фронте находилась в тяжелых условиях. Борьба Красной армии имела много героических эпизодов, которые просятся на полотно художника и безусловно будут им воспроизведены. Я останавливаться здесь на них не буду. Достаточно напомнить взятие Шенкурска при 40 градусном морозе, борьбу за Онегу, Шипилиху, Турчасово, под Березинском, на Плесецком направлении, за Кочмас, Тарасово. Вся борьба говорит за то, что Красная армия с честью выполнила свой долг перед революцией на Северном фронте.

При отступлении из Архангельска после падения Советской власти, наша Красная Армия состояла всего из нескольких небольших отрядов, численностью в несколько сот человек. Группировка сил произошла по железной до-

роге на ст. Обозерская: всего собрано было 200 чел. На Северо-Двинском направлении сил еще было меньше. Но эти отряды, несмотря на свою малочисленность, были крепки и не только дали первый бой контр-революции и оккупационным войскам, но и отразили их первый натиск, остановив их продвижение впредь по железной дороге и Двине.

Мы не можем в годовщину освобождения Севера не вспомнить об одной светлой личности—товарище Павлине Виноградове, взявшем организацию сил на Северной Двине в свои руки. Он первый с горсточкой храбрецов показал иностранным оккупантам и белогвардейщине, что есть силы на стороне Советской власти, что эти силы готовы бороться за Советскую власть до последних сил. Заслуга Павлина Виноградова состоит в том, что он первый при общем хаосе и суматохе с‘умел сорганизовать верные Советской власти отряды на Двине, двинуть их в бой под Березником и остановить движение неприятельских судов вверх по Двине на Котлас.

На ст. Обозерской организация военных сил сосредоточена была в руках т. Кедрова, ехавшего из Москвы для продолжения ревизии в Архангельск. Падение Архангельска его застало на ст. Обозерской. Тов. Кедровым взято было руководство военными дойствиями в свои руки. Организация и об‘единение красноармейских отрядов были проведены т. Кедровым и его штабом вполне успешно. К небольшим отрядам вскоре стали присоединяться местные партизаны-добровольцы. Первым таким партизанским отрядом с‘организовался отряд в Савинской волости в количестве 26 человек, который уже 7-го августа, т. е. в первые дни после падения Архангельска выступил в помощь Красным отрядам, выставив посты в своей волости и предоставив себя в распоряжение штаба Кедрова.

Впоследствии (в октябре 1918 г.) отдельные красноармейские и партизанские отряды сведены были в полки и сформирована знаменитая 18 стрелковая дивизия, покрывшая себя в боях неувядаемой славой. На Двине действовала отдельная бригада этой дивизии.

Тяжела и упорна была борьба на Северном фронте, но несмотря на все трудности и усилия белогвардейцев, Красная армия вышла из этой борьбы победительницей.

За недостатком времени, я не буду останавливаться подробно на остальных этапах борьбы. Задача нас всех, задача рабочих и крестьян Севера, в особенности молодежи, которая имеет о борьбе смутные понятия,—шире заняться изучением хода войны на Севере.

В нашем распоряжении теперь уже имеется достаточно материалов, рисующих весь ход, все перепитии борьбы. Эти материалы необходимо систематизировать, пополнить и напечатать. Еще раз обращаю внимание молодежи на необходимость изучения материалов борьбы,—они помогут воспитать в молодежи чувство боевой, товарищеской солидарности и революционного энтузиазма.

Подводя итог борьбе, мы должны поставить перед собой вопрос—какие же уроки вынесли трудящиеся Севера из оккупации Севера „союзническими войсками“ и хозяйничания белых и их „демократии“?

Первый урок—тот, что после свержения буржуазии рабочий класс и его диктатура должна действовать самым решительным образом: никаких поблажек контр-революции быть не должно. Нужно ставить решительно вопрос: они, или мы. Этот урок должны учесть не только мы,—должен учесть и рабочий класс капиталистических стран.

Второй урок—после свержения буржуазии, необходима быстрая организация всех революционных сил и в первую очередь органов власти рабочих и крестьян—Советов. Но, главным образом, нужна организация коммунистической партии, коммунистических организаций, как организаторов и руководителей рабочего класса и крестьянства.

Из периода организации Советской власти на Севере, мы видим, что организация революционных сил велась слабо—почему оказалась недостаточно сильной и Советская власть. Слабы были и все остальные революционные организации, в которых значительное влияние имели эс-эры и меньшевики. Организация революционных сил в первую очередь должна быть сосредоточена в руках коммунистической партии, которая должна быть сама крепкой и сплоченной.

Третий урок—недостаточное осознание классовых интересов в 1918 г. некоторыми группами как русского рабочего класса, так равно и рабочего класса стран капитализма. Мы видели, что рабочие капиталистических стран дали возможность буржуазии выступить против русской революции, а отдельные группы рабочих в России шли на поводу эсеров и меньшевиков. В то же время буржуазия сознавала себя, как класс в международном масштабе и выступила об'единенными силами и организованно для свержения Советской власти.

Четвертый урок — это предательская роль эсеров и меньшевиков, состоявших в „Союзе возрождения России". В то время, как эсеры и меньшевики видели наглость и издевательства над трудящимися иностранных оккупантов и ставку их на монархическую контр-революцию, признававшуюся ими вернейшей опорой в деле борьбы против Советской власти и революции вообще,—они не ударили палец о палец для раз'яснения всего этого населению Севера, поддерживая „во имя спасения родины и революции" оккупационные войска и русских монархистов, прикрывая их действия вывеской правительства Чайковского. Позорная роль меньшевиков и эс-эров, получавших деньги от иностранной контр-революции и предавших интересы рабоче-крестьянских масс, ставит перед трудящимися Севера и всей Советской страны задачу беспощадной борьбы с соглашательством и половинчатостью.

Последний урок—о белой „Демократии". Белогвардейская власть считала себя „демократической" властью. Мы видели, в чем состояла сущность белогвардейской демократии: в тюрьмах, конфискациях, реквизициях, расстрелах, лизании сапогов „у союзников", возврате буржуазии национализированной собственности. Вот демократия эс-эров и меньшевиков; ее результаты—тысячи убитых, искалеченных, расстрелянных, умерших в тюрьмах. Мхи, Мудьюг, Иоканьга, сожженные и разрушенные деревни, села и города—вот „демократия белогвардейцев".

С. Тубанов.

ПАДЕНИЕ АРХАНГЕЛЬСКА.

А. МЕТЕЛЕВ.

Архангельск перед падением.

А. Метелев.

Октябрьская революция к берегам Белого моря и города Архангельска докатилась только к середине 18-го года, хотя к тому времени там уже фактически и существовали Советы. В Советах, как и в городе, так и в губернии работали большевики и левые с. р. В своей общественной деятельности большевики и С. Р. опирались на немногочисленные кадры членов своих партий, некоторую часть судостроительных рабочих в Соломбале и на рабочих с лесопильных заводов на Маймаксе. Вследствие оторванности от центра и плохой постановки агитационно-просветительной работы, крепкого настроения рабочие массы не имели. Одни и те же рабочие часто принимали то большевистские, то эсеровские или меньшевистские резолюции. Большевики занимались больше организационной работой, налаживали аппарат, подбирали работников, помогали эвакуировать порт и т. п. Левые эсеры занимались мелкой демагогией и только, разве, меньшевики вели кропотливую работу изо дня в день, удерживая рабочие массы от полевения. Всех рабочих в Архангельске насчитывалось несколько тысяч человек, не считая моряков, которых насчитывалось также до пяти тысяч человек.

Хуже обстояло дело среди военморов: там очень мало было членов коммунистической партии, чувствовалось большое засилие левых эсеров и некоторое скрытное меньшевистское настроение. Суда часто выходили в плавание, вследствие чего на них почти не велось никакой работы. Среди той же части моряков, которые непрерывно находились в Архангельском порту, работа велась тоже из рук вон плохо. У всех почему то существовало такое убеждение, что среди моряков следует вести какую-то особую работу и быть каким-то особым работником, знающим хорошо быт и условия жизни моряков. Отчасти по этой причине, отчасти и по целому ряду других причин, гражданские лица среди матросов почти совсем не по-

являлись, а если и появлялись, то по отношению их у моряков всегда было предвзятое мнение. Позднее все это об'яснилось довольно простыми причинами. Враждебные Советской власти группы сознательно делали все, чтобы не допустить влияния большевиков среди военморов, держа последних в неведении политической жизни и, где только удавалось, восстанавливали их против большевиков. Этому не мало помогали своей деятельностью и левые эсеры. На пять тысяч моряков мы насчитывали верных Советской власти товарищей едва-ли больше 4—5-ти сотен человек, позднее отступивших вместе с нами из Архангельска.

Коммунистическая организация в те дни помещалась в бывшем дворянском клубе у самого берега Северной Двины. Из окон клуба открывался великолепный вид на Северную Двину, по которой беспрерывно ходили большие и мелкие суда. Это было единственное в Архангельске помещение, сколько-нибудь отвечавшее требованиям размещения партийной организации. Аппарат организации был чрезвычайно прост и невелик. Фактически не было никах отделов; всю работу вел один лишь ответственный секретарь с небольшим канцелярским аппаратом. К описываемому времени (июнь месяц) секретарем был тов. Куликов, простой труженик, довольно подвижной, энергичный, со светлой головой, товарищ, впоследствии убитый шальной пулей на разведке. Аппарат Архангельского Комитета по существу обнимал своей работой только город; по губернии почти никакой работы не велось, да ее и трудно было наладить в существовавших условиях. Дальность расстояния, исключительно водные пути, непроходимая тундра, регулярное нападение англичан и друг. иностранцев на населенные пункты Белого моря (Кандалакша, Кемь и др.) отсутствие работников и т. п. все это вместе взятое не только лишало возможности перебросить работу на периферию, но наладить ее и внутри самого города. Аппарат комитета был из 5—6 человек местных работников. Самый комитет партии состоял из 7—8 человек более активных работников, занимавших ответственные советские посты. Во всей городской организации, включая районы и военные части, членов и кандидатов было около 600 человек.

После смерти т. Куликова секретарем организации был избран другой товарищ, уже менее подвижной и активный, интеллигент, вскоре в самые опасные дни почему-то уехавший в Ленинград. После от‘езда указанного товарища секретарство переходило из рук в руки, что несомненно вредило делу.

Губисполком размещался в бывшем губернаторском доме, великолепно оборудованном и вполне отвечавшим требованиям Губисполкома того времени.

В июне месяце старый состав Губисполкома готовился к предстоящему 2-му губернскому с‘езду Советов. Предстояла большая работа. Всего членов с‘езда должно было приехать свыше двухсот человек.

Кроме власти Губисполкома в городе был еще городской совет и его исполком, который по существу выполнял больше коммунальные функции. В городском совете особенно сильно чувствовалось засилие левых эсеров и отчасти меньшевиков, занимавшихся различными экспериментами.

К этому времени город был уже наводнен и с каждым днем все больше и больше наводнялся иностранными солдатами, участвовавшими в войне с Германией на русской стороне. В городе они скоплялись под видом ожидания судна и приготовления к от‘езду в свои страны чрез Белое море. На улицах Архангельска очень часто можно было встретить сербских, бельгийских и друг. стран офицеров, разгуливавших в погонах, в то время когда во всей России русское офицерство уже не носило никаких погон. Офицеры иностранных легионов держали себя довольно непринужденно и часто даже вызывающе, игнорируя правила городского самоуправления и законы. Губисполком к иностранным войскам и особенно к офицерству относился с большой терпимостью. Он не чинил им ни в чем никаких препятствий, хотя и получал сведения, что цель пребывания этих войск в Архангельске была совсем другая. Командный состав иностранных легионов держал тесную связь с консульствами, особенно с английским и французским и с двумя судами, которые находились на рейде С. Двины. Одно судно из указанных было военное, ледокол „Александр“, принадлежавшее английскому флоту, вооруженное орудиями и пулеметами, другое торговое океанское „Эгба“, нагруженное мукой, одеждой и проч. товарами

и тоже имевшее одно орудие на своем борту. На первый взгляд казалось, что эти суда попали и стояли в Архангельском порту совершенно случайно, но на самом же деле они были здесь не случайно: ледокол „Александр“ имел оперативные задания. „Эгба“ держала на своем борту продовольствие, с умыслом не желая его нам продать. Были и другие иностранные суда.

В июле месяце, когда нами с достаточной ясностью была вскрыта вся подоплека концентрации иностранных солдат в Архангельске и план захвата ими извнутри города, мы поставили перед собой целью внезапное разоружение иностранных легионов и быстрое их отправление из территории Архангельской губернии.

В нашем распоряжении было чрезвычайно мало сухопутной воинской силы, матросы были ненадежны. В проведение этой оперативной задачи оставалось рассчитывать только на латышскую роту, на быстроту ее действий и смелость. Зная слабость наших вооруженных сил и плохую нашу осведомленность о том, что у нас делается даже под боком, командный состав иностранных частей, повидимому, никак не расчитывал на возможность внезапного окружения и разоружения их частей. Насколько они были уверены в нашей неосведомленности и нерешительности может свидетельствовать такой факт: в помещении консульств не раз происходили совещания, на которые приходили и бывшие царские офицеры, находившиеся случайно и не случайно в Архангельске: так, напр., мы арестовали одного русского офицера, уличенного нами в передаче записки в тюрьму, с целью успокоить своих арестованных товарищей. В записке той говорилось, что большевикам скоро придет конец, что союзники скоро займут город и тогда все будут на свободе. Арест указанного офицера дал ряд и других вещественных доказательств о предстоящем белогвардейском восстании в Архангельске и участии консульств в подготовке этого восстания. Консульства и русские офицеры, повидимому, считали даже лишним вести между собой строгую конспирацию, допуская подобные выступления и ношение своими шпионами компрометирующих документов. Этот офицер немедленно был отдан военному суду и понес заслуженную кару, как не пытались консулы уговорить тов. Кедрова не расстреливать его.

Вскоре после суда над шпионом, мы приступили к разоружению иностранного легиона. Подняв свои части и один броневик, мы окружили внезапно помещение, где квартировали их солдаты, и предложили им немедленно сдать оружие. Часть солдат в этот момент отсутствовала. Наш внезапный сюрприз настолько обескуражил солдат, что они даже не оказали нам вооруженного сопротивления. Но зато наш набег буквально взбеленил английского и французского консулов.

Узнав, что мы обезоруживаем их солдат, они быстро примчались на место, с намерением приостановить начавшееся разоружение. Консулы пытались принимать все меры, вплоть до угроз, но увы—все оказалось безрезультатным. Тогда они являются в Губисполком для экстренных переговоров все с той же целью—немедленно приостановить разоруженис их солдат. Эти переговоры сильно запечатлелись в памяти.

Английского и французского консулов, с их переводчиком, мы принимали в кабинете президиума Губисполкома. С нашей стороны переговоры вели три лица: С. Попов, П. Виноградов и Р. Пластинина. На совещании присутствовали также и другие наши товарищи.

Консулы начали свои речи с протестов по поводу разоружения их солдат. Мы отвечали им, указывая на имеющиеся у нас к разоружению основания. Разговор шел сначала спокойно. Но когда консулы увидели нашу непреклонность, они начали делать нам намеки на то, что они могут нас щедро отблагодарить, если мы согласимся прекратить разоружение, другими словами, если мы согласимся изменить своей стране и революции.

Мы дали консулам решительный отпор, заявив, что в рабочем классе они тщетно будут искать изменников своей стране: эта „честь“ может принадлежать только бывшим царским офицерам и им подобным предателям.

За несколько дней до этого разговора произошла, как раз, Мурманская история, где, как известно, нашлись и изменники, затесавшиеся до того в местный совет и изменившие потом рабочим. Консулы, повидимому, считали возможным, по примеру Мурмана, и нас купить.

Когда весь дипломатичесий арсенал их красноречия оказался исчерпанным, консулы начали говорить следующим языком:

— „Вы производите насилие над нашими союзными войсками, готовящимися к от'езду в свои страны; мы донесем о ваших поступках нашим правительствам“.

Тов. Виноградов, член Губисполкома, отвечал:

„Против того, что вы сообщите об этом своим правительствам, мы не возражаем. Мы разоружаем ваши союзные войска потому, что они замышляют и готовятся к контрреволюционному перевороту“.

— «Мы будем вынуждены отдать вас суду чрезвычайного союзного трибунала, судящего по законам военного времени»—повышенным голосом продолжал французский консул.

— „Г.г. консулы, вы должны знать, что мы, революционеры, опрокинувшие чрезвычайные законы царского правительства вместе с самим правительством, тем менее можем бояться ваших угроз, ваших чрезвычайных трибуналов и ваших королевских законов. Г. г. консулы, аудиенция закончена“.

Ответ был достойный. Зарвавшиеся консулы поднялись и, не прощаясь, ушли. К вечеру того же дня мы разоружили легион, отправили его за Двину на вокзал и услали в направлении Москвы. День спустя тов. Куликов, руководящий разоружением, отдал в печати приказ, который я привожу здесь дословно:

«В связи с военным положением Архангельского района и угрожающей ему опасности со стороны международных империалистов 2-го июля был разоружен сербский отряд и высланы из пределов Архангельского района сербский и итальянский отряды. Никаких столкновений и недоразумений при разоружении и отправке отрядов не происходило. Комиссар Р. Куликов. Архангельск 3 июля».

С этого дня между нами и иностранными консульствами пошла скрытная война. Консульства бешеным темпом продолжали готовиться к перевороту; они запасаются винтовками, пулеметами, патронами, обмундированием и т. п. Они держат оживленную связь с дипломатическим корпусом в Вологде и

кончают свою деятельность по вооружению тем, что мы вынуждены были явиться в помещение консульства, произвести у них обыск и забрать довольно искусно припрятанное оружие, патроны, обмундирование, военное снаряжение и проч. Работа по вскрытию припрятанного оружия была произведена Губернской Ч. К., незадолго перед тем начавшей свою деятельность в Архангельске. Во главе Архангельской Губчека работал активный т. Лукьянов.

Всей же подпольной белогвардейской работы, происходившей в Архангельске, мы все таки не знали, а между тем такая работа велась с большими усилиями в самых различных направлениях. При помощи английской контр-разведки в Ленинграде, Архангельск усиленно наполнялся белогвардейскими элементами. Один из русских офицеров, капитан Чаплин, с английским паспортом на имя Томсона, группировал вокруг себя приезжих белогвардейцев, подготавливая их к предстоящей борьбе. Если память не изменяет, эта фамилия нам была известна и до нашего отступления, но мы не трогали его, ошибочно считая, что иностранцев неудобно арестовывать, что они, как иностранцы, не посмеют вмешиваться в наши дела. На самом же деле почтенные иностранцы вели во всю активную контр-революционную работу, пользуясь своей экстерриториальностью и нашим мягким к ним отношением. Английское и французское консульства в Архангельске, к моменту налета на этот город английских войск, фактически превратились в заговорщиские штабы, направлявшие и подготовлявшие всю повстанческую работу. В доказательство этого, позднее, мы имели очень много случаев и неопровержённых фактов.

Следующим ядром, группировавшим вокруг себя белогвардейщину, был Беломорский конный отряд, прибывший в Архангельск из Ленинграда, незадолго до восстания, под комаддой быв. ротмистра Берса. Вся история этого отряда представляет собой прямо исключительное простофильство с нашей стороны. Какое-то военное учреждение в Ленинграде поручает белогвардейскому ротмистру сформировать военный отряд. В самом революционном центре России, этот отряд формируется из каких-то сомнительных горцев, вооружается и направляется в Архангельск.

Почему отряд формировался из горцев? Почему его послали именно в Архангельск? Вся эта история осталась как-то непонятной и до сих пор. Когда отряд прибыл в город, я задал вопрос одному военному товарищу: „Почему прислали на север горцев? Я знаю горцев, как весьма плохих вояк, и к тому же климатические условия для них здесь совсем неподходящие“ и получил ответ:

— „Они присланы сюда приказом высших военных властей“.

Было ли это так, этого никто не проверял. Эта обязанность лежала на военных организациях и в частности на обязанности Губисполкома. Тов. Зеньковичем—военным комиссаром губернии, повидимому, на это дело было мало обращено внимания. Командир вышеназванного Беломорского отряда Берс держал тесную связь с французским консульством, устраивая деловые „прогулки“ по набережной Северной Двины с одним из французских полковников.

Отряд держался как-то замкнуто и на-стороже, мы были даже лишены возможности устроить в отряде митинг, имея откуда-то сведения, что там «все обстоит хорошо».

Бывший полковник Потапов, присланный из центра и стоявший во главе сухопутных войск, как и бывший адмирал Беломорского флота Викорст, командовавший нашим флотом, оба работали на две стороны—нам и англичанам. Штаб Беломорского военного округа в лице т. Б. и т. С. не обратил достаточного внимания на командную верхушку гарнизона, состоявшую исключительно из старого офицерства, в результате чего пришлось многим поплатиться.

Ко всем этим обстоятельствам прибавлялось еще и чрезвычайно скверное продовольственное состояние. На этой почве население Архангельска сильно меняло свое отношение к Советской власти. Мы лишены были возможности помогать населению продовольствием, по введенным карточкам выдавалось чрезвычайно мало, были недели, когда продовольственные органы выдавали только по одной восьмой фунта овсяного хлеба, мало пригодного к употреблению. Плохо снабжались и военные части, на почве чего настроение мобилизованных красноармейцев далеко не было хорошим.

Когда нами была об‘явлена мобилизация, мобилизованные крестьяне, собранные на митинг вблизи военных казарм, вслух заявили нам, что они не будут воевать и не желают

служить, посколько их не кормят и не дают даже хлеба. Почти не было возможности доказать им необходимость мобилизации и подчинение дисциплине. Мы сами хорошо понимали, что голодный солдат не будет служить и ничем не могли им помочь, не имея в своем распоряжении продовольствия.

Когда я среди мобилизованных крестьян на митинге произносил речь о необходимости терпеливо перенести временные продовольственные затруднения и о необходимости быть готовыми на случай нападения англичан, я видел, как командный состав из бывших офицеров иронизировал в массе на мои доводы, подзадаривая солдат ответить мне, что им уже мол надоела война и что они тем более не желают воевать против своих бывших союзников. Митинг кончился ничем. По существу следовало немедленно же из‘ять некоторых заправил кулаков и особенно из офицерского персонала, но мы и этого не могли сделать, во-первых, не имея для этого достаточно сильного аппарата и во-вторых, арестуй нескольких кулаков, вся мобилизация неибежно вылилась бы в серьезный конфликт.

В таких условиях мы вели советскую и партийную работу в Архангельске.

Во многом нам еще помогла комиссия т. Кедрова: она разрушила несколько белогвардейских ячеек, из‘яла некоторых заправил, спутала первоначальные союзнические планы захвата Архангельска и т. п. Не будь этой комиссии, Архангельск пал бы по крайней мере месяцем или полтора раньше, т. е. как раз в момент Ярославского восстания, подготовленного тоже с участием дипломатического корпуса.

Первоначальный план захвата союзниками Архангельска и потом вообще Севера был приблизительно таков: план разрабатывается и осуществляется под руководством дипломатического корпуса, находящегося в Вологде. Ответственным руководителем всей этой авантюры являлся французский посол в России Нуланс, находившийся в то время тоже в Вологде. Одновременно с восстанием в Ярославле должно было произойти восстание и в Архангельске, поддержанное сербскими и другими солдатами иностранного легиона. Восставшие группы спешат на соединение по Вологодской линии, занимают Вологду и тем самым отрезают Север от центра. На помощь восставшим группам должен был придти английский отряд,

находившийся в то время уже в Кеми и Кандалакше. К этому же времени, почему то вдруг направляется в Архангельск и английский адмирал Кемп с какой то фиктивной миссией из переодетых военных лиц...

Случись все по плану, наше положение в июне или июле было бы значительно хуже, чем оно оказалось в августе. Неожиданным налетом на иностранный легион, разоружением и высылкой его из Архангельска, мы вдруг спутали союзникам все карты. Ярославль восстает. Нуланс руководит им, а в Архангельске попрежнему держится Советская власть. После трехнедельного жестого боя у Ярославля последний падает, с чем рушится и затея Нуланса. Дипломатический корпус, оставшись у разбитого корыта, готовится к выезду из Вологды с тем, чтобы на новом месте затеять новую авантюру. Между Вологдой и Архангельском непрестанно снуют курьеры и идет какая-то горячка.

Мы напрягаем все силы, чтобы укрепиться в военном отношении, укрепляем остров Мудьюг, производим мобилизацию, тщетно просим у центра подкрепления, указываем на возникшие опасности, вооружаем коммунистов, рабочих и т. п. Но все это оказывается недостаточным. События разворачиваются совсем иначе и быстрей, чем мы думали.

Северу предстояло пережить тяжелые потрясения и он таковые пережил.

2-ой Губернский С'езд Советов.

Созыв 2-го Губернского с'езда Советов приурочивался к началу июля. Конечно, никакой предварительной работы по подготовке с'езда почти не велось, да и не могло фактически вестись. Географические условия губернии, исключительно скверная связь губернии с местами, отсутствие крепких партийных организаций не только в волостях, но даже и в уездах, примерно таких, как Печора, Мезень, усиленная агитация англо-союзнических шпионов и т. п., все это вместе взятое не могло сулить хорошего состава с'езда и особых успехов в его работе. Однако, несмотря на все прямые и предвходящие обстоятельства, с'езд было решено созвать и открыть в намеченный срок.

Организационная подготовка с'езда началась перед самым с'ездом, работа страшно тормозилась непрерывными каверзами, чинимыми левыми эсерами. Мы знали отлично, что кулацкое и контр-революционное течения непременно будут группироваться около левых эсеров, поэтому они должны будут на с'езде составить весьма большую группу, по крайней мере его половину. Занять позицию открытой и решительной борьбой с левыми эсерами мы не могли, во первых потому, что эсеры, пока что, являлись конституционной партией, и во вторых—они все еще тащили за собой большую часть крестьянства и матросов, с чем нельзя было не считаться. Рабочих за левыми эсерами шла небольшая часть и то исключительно из мелких собственников, владельцев усадеб, остальная же масса рабочих была или пассивной, или сочувствующей нам. Вот по этим основным причинам мы должны были, помимо желания, считаться с этой по существу предательской организацией и часто согласовывать с ними кое-какие вопросы.

Особенно активного меньшевистского выступления на самом с'езде мы не предвидели: организации меньшевиков, если и существовали, то только подпольно и только при профсою-

зах. В профсоюзах они вели себя смелей, выступая зачастую прямо от имени своей партии и вносили на обсуждения более откровенные предложения. Политический курс меньшевиков, как и правых эсеров, был крайне контр-революционный и направленный в сторону совместных действий с английскими оккупантами. Они вели тесное общение с местной буржуазией, устраивали с ней совещания, находились в связи с английскими оккупационными войсками, помогая всемерно последним занять Архангельск.

Тем не менее серьезного выступления меньшевиков и правых эсеров на с'езде мы не ожидали; скорее они могли выступать под маской беспартийных, что потом частично и оправдалось во время работ с'езда.

С'езд открылся в намеченное время. Президиум с'езда был составлен на паритетных началах с левыми эсерами. Как мы и предвидели, большевистсткое крыло с'езда составляло едва-ли половину, причем по некоторым вопросам мы оставались даже в меньшинстве. Повелась жестокая фракционная борьба. Резолюции на с'езде проходили то большевистские, то лево-эсеровские. Решающими голосами всегда была колеблющаяся группа крестьян, именовавшаяся «беспартийной». Довольно любопытную позицию занимала на с'езде маленькая группа шенкурских делегатов во главе с агрономом тов. Ивановым. Тов. Иванов и его группа считали себя формально левыми эсерами (левым их крылом), часто голосовали вместе с своей партией, но по многим боевым вопросам, когда мы мобилизовали все свои силы, стремясь проводить свою резолюцию, т. Иванов с своей группой внезапно воздерживался и тем самым давал большинство нам. В некоторых случаях они даже голосовали с нами. Такое отношение к партийной дисциплине группы Иванова страшно злило лево-эсеровскую фракцию и довело их бюро до того, что последнее вынуждено было в середине с'езда исключить эту группу из своего состава. Эта мера еще больше подняла авторитет тов. Иванова.

К третьему дню работы с'езда стало известно, что со дня на день следовало ожидать налета на Архангельск англичан, которые уже фактически обретались у берегов Белого моря. В связи с этим положением т. Кедров отдал приказ о введении по всей губернии военного положения, который для большей авторитетности решено было провести через с'езд.

При обсуждении вопроса о введении военного положения развернулись жаркие прения. Правая часть с‘езда стала в непримиримую оппозицию, левые эсеры обычно колебались и мудрили.

Тщетно мы предлагали с‘езду санкционировать приказ тов. Кедрова без прений. При голосовании различных вариантов мы всякий раз оставались в меньшинстве. Наконец, с‘езд принимает решение заслушать мотивы введения военного положения. Информацию делает т. Куликов, комиссар при главнокомандующем Северным районом, и т. Самойло (быв. генерал). Голосуем снова. За введение военного положения—74; против—2 и воздержавшихся—73. Лучшего исхода мы собственно и не ожидали. Замазывая свое предательство, левые эсеры об‘яснили воздержание незнанием «текущего момента», который на с‘езде еще не был заслушан. При переизбрании комиссара к главнокомандующему мы потерпели фиаско: наш комендант тов. Оксов получает на 9 голосов меньше; избранным в комиссары оказывается левый эсер Шилкин. Это избрание позднее в значительной степени предрешило и всю военную работу и связь по обороне Архангельска.

Характерно, что по обще-политическим вопросам, несмотря на все политические трудности края, с‘езд иногда принимал наши предложения подавляющим большинством. Это об‘яснялось тем, что мы выдвигали ясные большевистские требования и лозунги. Ни левые эсеры, ни меньшевики и их союзники не могли противопоставить нашим лозунгам—лозунгов своих. Был момент, когда в противовес англо-оккупационным настроениям, которые нет-нет, да и проявлялись у правой части с‘езда, мы дали слово на с‘езде т. Шамесу, только что прибывшему из Англии. Тов. Шамес, критикуя со всей беспощадностью разбойничью политику английского правительства, вскрыл его подлинные намерения оккупации Севера. Правая часть с‘езда, как набрав в рот воды, молчала. При голосовании резолюции по докладу т. Шамеса, внесенной фракцией большевиков, последняя была принята единогласно. Под‘ем настроения на с‘езде был настолько силен, что даже правая часть не решалась воздержаться от голосования за резолюцию.

В частности в резолюции говорилось, что с'езд просит Совнарком потребовать от английского правительства немедленного освобождения из под ареста Маклина, советского консула в Шотландии.

Весьма интересным моментом на с'езде были доклады делегатов с мест. Делегаты рассказывали о своей упорной борьбе с суровым северным климатом, о своей оторванности от живого мира и о тяжелом материальном быте. В Архангельской губернии существуют такие места, откуда в течении месяца приходится ехать в губернский центр и только в лучшую часть года. По глухой тундре почти нет никаких дорог, населенные пункты Севера месяцами оказываются оторванными от уездных центров. В Мезенском уезде население узнало о существовании Советской власти только полгода спустя после Октябрьской революции. В самой Мезени до апреля месяца 18 года существовало земство и только в апреле, по требованию рабочих, мирным порядком, вместо земства была установлена советская власть. Правильно ли была поставлена советская власть, об этом никто не мог сказать. Доклады делегатов об этой власти тоже мало давали представления. Да и не удивительно, за восемь месяцев советской власти, из губернии не был командирован в Мезень ни один ответственный работник. Мезенцы строили советскую власть сами наугад и по чутью, часто стремясь никого не обидеть.

Не лучше обстояло дело и в других местах.

Делегаты северных отдаленных мест рассказывали об исключительно тяжелом продовольственном положении населения. Суровый климат лишает возможности выращивать на месте какие бы то ни было овощи. Продуктов местного выращивания хватает только до ноября, после чего население в некоторых местах переходит на привозный хлеб, а когда его нет, то питается различными суррогатами вплоть до лесного мха. Охота и рыбный промысел за отсутствием снастей и пороха свелись местами к нулю. При таких климатических и материальных условиях, конечно, ни о какой политической работе по периферии не могло быть и речи.

В общем с'езд заседал около недели. Через всю работу с'езда проходила красная нить борьбы за власть. В чьих руках будет инициатива, кто будет хозяином губернии—так

ставился вопрос. Нельзя было ни на минутку упускать руководство с'ездом: при всяком удобном и малоудобном случае левые эсеры стремились выбросить коленце, или учинить какую либо каверзу. За время работы с'езда дважды переизбирался президиум. Левые эсеры при голосовании резолюций или отдельных предложений, часто об'единялись с беспартийными на самой беспринципной почве. Они делали вид серьезных людей, серьезной политической партии, во время своих выступлений пыжились, потрясали фразами—на деле выходило по мальчишески и кончилось тем, что сами же раскололись на две группы: на левую и левейшую (группа Иванова) и оттолкнули от себя даже беспартийную часть кулачески-настроеных крестьян.

Коммунистическая фракция, представленная на с'езде сильнейшими работниками губернии, провела свою линию стройно. Она показала себя сплоченной группой, вполне способной взять на себя управление губернией. К концу с'езда морально и фактически перевес остался на стороне коммунистов.

Закрывая с'езд, мы еще раз развили перед делегатами с'езда опасность возможной оккупации Архангельска и тяжесть тех последствий, которые она неизбежно несла за собой. Мы приглашали делегатов быть готовыми к борьбе, приглашали не верить предательской агитации врагов революции и выступить в случае надобности вместе с коммунистами на борьбу.

Одна часть делегатов к нашим заявлениям относилась безразлично, другая не верила в возможность оккупации и третья—скрыто сочувствовала англичанам в расчете, что с приходом последних в Архангельск появится белый хлеб, будет установлена «хорошая» власть и вообще настанет „мир и благодать“.

Тяжелая действительность, пришедшая вскоре в крестьянский двор вместе с английскими войсками, разубедила архангельского крестьянина, на деле показав, что мы говорили не напрасно, что мы были правы. Дорогой ценой пришлось поплатиться крестьянству за свои ошибки, за свое неверие.

С'езд закрылся, делегаты раз'езжались по местам. Часть делегатов должна была ехать в оккупированные уже англичанами места. Впереди была полная неизвестность, вскоре перешедшая в тяжелые испытания и жестокую борьбу за

освобождение края от „культурных“ варваров—англичан. С‘езд выбрал Губисполком и путем своих наставлений дал ему ряд директив. Напряженная обстановка и непрерывные угрозы со стороны английских мореплавателей не дали возможности Губисполкому сосредоточить свое внимание на местных вопросах и через три недели вовсе лишили его возможности заниматься этими делами.

„Нежданные гости“.

Архангельские события развертывались с неудержимой быстротой. Ни у кого не было сомнения, что они в ближайшие дни развернутся еще серьезней и приобретут еще большую сложность. Чтобы не быть застигнутыми врасплох неизбежными событиями, Совнарком еще в начале года принял ряд мер и предосторожностей. Так, например, под руководством тов. С. Сулимова была организована и отправлена в Архангельск комиссия для разгрузки порта и вывоза оттуда военного имущества в ближайшие места к центру. Комиссия эта именовалась чрезвычайной комиссией по разгрузке Архангельского порта (чкарап). Со своим приездом в Архангельск, комиссия развила широко свою деятельность, ежедневно отправляя поезда с грузом в направлении Вологды (на Сухону) и пароходы—в направлении к Котласу по С. Двине. Эвакуацией порта на месте руководил т. Сулимов, а позднее, вплоть до самого отступления, т. Розейман. В общем комиссия справилась со своей задачей хорошо: ей удалось во-время эвакуировать большинство ценного имущества вплоть до снарядов и тем самым спасти его от захвата союзниками.

Позднее, Совнаркомом в Архангельск была послана вторая комиссия под руководством Кедрова, имевшая уже более широкие задачи и полномочия. В составе комиссии были представители почти всех наркоматов. С приездом комиссия Кедрова развернула широко политическую работу по ликвидации старых, дореволюционных организаций, по об‘единению банков и из‘ятию враждебных советской власти элементов. Деятельность этой комиссии, с некоторыми перерывами, продолжалась до самого последнего момента пребывания советских властей в Архангельске.

Необходимые меры предосторожности по отношению к Архангельску принимались и другими центральными учреждениями, так например, Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, организовав хорошую группу работников, во главе с т. Лукья-

новым, в июне месяце послала таковую в Архангельск для организации на месте Губ. Ч. К. Со своим приездом на место, эта группа с первых же дней начала свою деятельность, оказав большую услугу местной власти в деле борьбы с белогвардейщиной.

Военное ведомство выслало специальный красноармейский железный отряд, правда, весьма немногочисленный. Железный отряд сразу же сблизился с Губисполкомом, показал себя в высшей степени дисциплинированным, верным и, этим самым, заслужил особое уважение и популярность среди всех местных товарищей.

Но, несмотря на все принятые центральными органами меры, положение все же оставалось напряженным и заставляло каждую минуту тревожиться за будущее.

Существовавшая между Архангельском и Москвой связь нам казалась недостаточной и думалось, что центр не в полной мере был информирован о положении дел и грядущих опасностях на Севере.

С целью некоторой дополнительной информации о положении Архангельска и получения соответствующих инструкций от центра, было решено послать в Москву представителя. Павлин Виноградов от имени Губисполкома заготовил к ряду Наркомов личный доклад, в котором говорил о чрезвычайно тяжелом положении Архангельска и о возможности его оккупации союзными войсками.

От'езд представителя с докладами был уже налажен, как вдруг в Губисполкоме, по телефону, было получено уведомление, что к устью С. Двины подходит английская яхта, на которой в Архангельск прибывают представители английского правительства с генералом Кемпом во главе. Миссия прибывает, как было указано, для переговоров с нашим Советским правительством по какому то вопросу. Зная отлично отношение к нам Англии, у нас возникло сомнение, для каких собственно переговоров может ехать в Россию ген. Кемп и его компания. Мы здесь же дали распоряжение своим морским властям задержать эту яхту у входа в Двину до нашего приезда и, наскоро наладив какой-то дрянной буксир, поплыли навстречу английским «гостям». По пути нам почему-то потребовалось остановиться у английского ледокола «Александр». Подойдя к нему, мы увидели на борту капитана ледокола,

чрезвычайно любезно предложившего подняться к нему на чашку хорошего турецкого кофе. Сообразив, чем это пахнет, Павлин Виноградов, кажется, на английском языке любезно поблагодарил капитана, шепнув нам о необходимости как можно скорее отплывать. Капитан, «огорченный» нашим отказом принять чашку турецкого кофе, сделал нам другое предложение: т. к. наш буксир не совсем удобен и имеет слишком тихий ход, он советует пойти навстречу английским гостям на его ледоколе, сняв последний немедленно с якоря. Кстати, заявил капитан, он только что получил сообщение по радио, в котором говорится, что английская яхта безостановочно входит в Двину. Смысл всех предложений английского капитана был таков: он должен был во чтобы то ни стало задержать нас, чтобы тем временем яхта успела войти в Двину и приблизиться к городу. В последнюю минуту к нам на буксир сошли какие-то два английских гражданина, пожелавшие тоже встретить своих гостей, и мы отправились в путь.

Буксир наш полз, как черепаха. Нас невероятно злило, что мы не получили более быстроходное судно. На буксире был представитель и Целедфлота, с которым мы, не без злости, шутили по поводу скорости нашего «крейсера». Не доходя до «Экономии», мы заметили идущее нам навстречу, под английским флагом судно. Это и была та океанская яхта, кажется, «Виктория», на которой прибывали «нежданные гости». Поравнявшись с нами, яхта остановилась. На палубе находились какие-то чины миссии. Поднялись к ним и мы. Англичане холодно представились нам; генерал Кемп не показался вовсе. Справившись, куда собственно они едут, и обменявшись двумя-тремя пустыми фразами, мы возвратились к себе на буксир и, предложив яхте следовать за нами, поплыли обратно к Архангельску. Другого у нас ничего не оставалось, запретить яхте двигаться дальше было уже бессмысленно.

Получилась несколько смешная картина: мы представители местной власти, буквально, ползли на своем буксире, а позади гордо шла яхта, шутя с нами, точно кошка с мышью, то отставая от нас, то вмиг настигая и подходя чуть-ли не к самой корме буксира.

О причине приезда «гостей» у нас сложилось недвухсмысленное впечатление: никаких добрых намерений у них не было и не могло быть, шли они к нам без виз, шли нахально, как ходят вообще в свои колонии.

Думалось, нашему судну они никогда бы не позволили войти в порт их страны, без особого на то разрешения. Такой поступок они рассматривали бы, как большую дерзость, нарушающую законы чужой страны и т. п.

Мы же, стремясь устранить возможность прецедента и дипломатического столкновения, допустили вход судна в наш порт без разрешения.

Вскоре, по приезде указанных англичан в Архангельск, в Губисполкоме было устроено особое заседание, на котором присутствовал и сам генерал Кемп, ведший разговоры об английских грузах, находящихся в Архангельске.

На другой день, после приезда миссии в Архангельск, в поезде отходящем в Москву, в международном вагоне ехала и английская миссия, среди которой был и Линдлей, английский «дипломат». В Вологде миссия сошла с поезда и направилась прямо в помещения дипломатического корпуса. В этом и заключалась на первых порах их цель. За день до приезда миссии в Вологду в Ярославле вспыхнуло восстание.

Совпадение было далеко не случайное.

У Ярославля завязывается длительная и упорная борьба. Дипломатический корпус, во главе с американским послом Френсисом, продолжает оставаться в Вологде. Нуланс, французский посол, принимает ближайшее участие в восстаниях белогвардейских офицеров, оказывая им денежную и организационную помощь.

Дипломатический корпус не без оснований рассчитывал на большой успех этого восстания и только по этой причине он задерживался в Вологде в надежде, что за Ярославлем восстанет ряд других городов и, тем самым, на Севере советская власть будет опрокинута. Положение, однако, с Ярославским восстанием складывалось еще далеко не так, как это представлял себе Нуланс и все остальные послы: со стороны Москвы и Архангельска быстро направлялись красногвардейские отряды, вступая немедленно с восставшими в бой.

Восстание, вместо широкого распространения, замыкается в стенах Ярославля. «Дипломатический» план представителей союзных стран начал принимать неожиданный оборот. Мы жестоко били белогвардейцев. Тов. Геккер, командовавший северной группой красных войск против Ярославля, арестом и расстрелом части верхушки восставших белогвардейцев окончательно привел в уныние послов и прибывших «гостей», заставив их придумывать новую авантюру.

События переходили в следующую стадию.

У Ленина.

Мы прибыли в Москву, чтобы сообщить нашему правительству о положении дел на Севере и одновременно получить от него указания по ряду вопросов.

Положение города Архангельска и вообще положение Беломорского побережья было настолько сложным и трудным, что мы никак не могли расчитывать только на свои силы и справиться со всеми местными трудностями только своими средствами.

Трудность нашего положения усугублялась еще тем, что Ярославское восстание вдруг приняло затяжной и упорный для того времени характер.

С прибытием в Москву мы тотчас же отправились к Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову. Последний товарищески нас принял в одной из комнат 2-го дома ВЦИК и выслушал с особым вниманием.

Свой доклад т. Свердлову мы начали с характеристики положения Севера и особенно с характеристики его военного положения. Многое из того, что мы говорили Свердлову, для него было абсолютной новостью: он не возражал, что положение было значительно сложней, чем это казалось ему. Дав ряд общих советов, т. Свердлов предложил нам сегодня же обо всем сказанном ему доложить и В. И. Ленину. Организацию самого свидания с Владимиром Ильичем он взял на себя. Здесь же он поднял телефонную трубку и, договорившись в одну минуту, сообщил, что Владимир Ильич примет нас тотчас же, как только мы явимся к нему в Кремль.

Довольные предстоящей встречей с Владимиром Ильичем, мы распростились с Я. М. Свердловым и быстро направились в Кремль.

Сразу же прибавилось энергии и уверенности в наше дело. Уменьшились, как будто бы, самые опасности, с которыми мы непрерывно жили на Севере.

Но не меньше нас удивляла и удовлетворяла и та простота, с которой мы попали к Владимиру Ильичу. Нигде и ни одной минуты задержки из-за какой нибудь простой формальности с пропусками, или по какой либо другой причине.

Владимир Ильич нас принял в своем рабочем кабинете, в котором он работал до последних своих дней. Когда мы входили к нему, он поднялся с места и встретил нас с такой теплотой, как своих хороших старых личных друзей. Усадив нас в кресла против себя, он прежде всего начал интересоваться, кто мы и как попали в Архангельск. Мы кратко об'яснили ему, кто такие были мы и почему ЦК послал нас в Архангельск.

„Каково же положение у вас там, в Архангельске?“— спросил Владимир Ильич:—„Яков Михайлович просил меня выслушать Вас“.

Мы по очереди рассказывали Владимиру Ильичу о нашем положении на Севере и причинах нашего приезда в Москву. Свою информацию мы начали с военного положения, фактически с самого острого вопроса, который нас больше всего беспокоил. Докладывал по этому вопросу т. Васильев.

Владимир Ильич очень интересовался военной обстановкой северного края, предложив нам рассказывать ему о военном положении, как можно подробней. Тогдашнему военному положению на Севере мы дали следующую характеристику*).

Союзники, не об'явив официально нам войны, фактически таковую с нами уже начали и ведут. Город Кемь, Сорокская бухта и посад Сумы уже заняты союзными войсками. В Кеми произведены расстрелы ответственных советских работников. По нашему мнению противник имеет намерение распространиться по побережью Белого моря, занять Онегу, потом по реке Онеге подняться к Онежскому тракту и станции Плесецкой, Северных жел. дор., что сразу же дает ему возможность оборвать живую связь Архангельска с Вологдой и поставить, таким образом, первый в безвыходное положение. Обрывая эту связь, противник с помощью своей военной флотилии, без особых трудностей, занимает Архангельск и оттуда постепенно может продвигаться по Северной Двине в напра-

*) Восстанавливаю устный доклад по копии письменного доклада, сохранившегося у нас.

влении к Котласу и Вятке, держа курс на соединение с чехословаками. Одновременно мы имеем сведения о высадке десанта и в устье Печоры. Мурман уже давно занят англичанами.

Обеспечив себе, таким образом, со стороны моря тыл, противник будет стремиться образовать линию от Мурманской ж. д. в направлении Вологда и Вятка, в результате чего перед нами может развернуться целый фронт, правда с большими прорывами, тем не менее, единый военный фронт.

Наши же военные меры, судя по оперативным сведениям, носят чрезвычайно разрозненный и случайный характер и требуют немедленной проработки и осуществления продуманного плана обороны страны со стороны Севера, для чего по нашему мнению, следует: во первых, создать полевой штаб с постоянной базой в Вологде; во-вторых, освободить Вологду от дипломатического корпуса, являющегося союзническим штабом и его контр-разведкой на нашем фронте; в-третьих, произвести частично мобилизацию двух-трех лет в Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Вятской губерниях и, в четвертых, приступить к немедленной эвакуации Архангельска, минуя Вологду.

Таков вкратце был наш военный доклад.

Ни проронив ни слова, со склоненной влево головой и слегка прищуренным глазом,—слушал нас Владимир Ильич. Когда мы кончили информацию по военной части, он вдруг выпрямился, взял лист бумаги и начал что-то на ней писать. Это была записка к т. Троцкому, в которой Владимир Ильич просил его принять нас по важным архангельским делам. Записка была следующего содержания: „Тов. Троцкий, Податели-товарищи из Архангельска с очень важными сообщениями. Необходимо принять тотчас. Дело спешное и важное. Ваш Ленин“.

По военной части нашего доклада Владимир Ильич не дал нам исчерпывающих ответов, считая, что таковые мы получим от т. Троцкого, и попросил нас перейти к другим вопросам.

Я докладывал Владимиру Ильичу о политическом настроении масс, об активности меньшевистской и эсеровской партий, о причинах ареста верхушек этих партий и общем положении советской работы в Архангельске.

Говоря о громадных продовольственных затруднениях, я сообщил Владимиру Ильичу, что в то время, как мы буквально голодаем, не имея даже возможности давать населению овсяного хлеба, у нас в Архангельске, на рейде С. Двины, стоит океанское судно с хлебом, который мы никак не можем заполучить, вследствие упорного отказа администрации судна сдать нам этот хлеб, а также и все другие предметы широкого потребления, имеющиеся на судне.

Этот хлеб—говорили мы—превратился теперь уже в политический фактор, направленный против нас. Белогвардейцы пользуются случаем и ведут агитацию, указывая, что стоит только прогнать большевиков, как этот хлеб немедленно же будет передан населению.

Владимир Ильич, слушавший нас до этого молча, перебил нас на этом вопросе и указал, что здесь он видит нашу ошибку.—„Вы должны были во что бы то ни стало“,—говорил он:—„заполучить этот хлеб, тем более, если рабочие Архангельска голодают“.

— „Его можно заполучить только принудительным порядком“—отвечал я,—но мы боялись этим самым создать какой либо прецедент для нежелательных столкновений Москвы с иностранными послами и тем самым дать в их руки против нас козырь“.

В коротких словах Владимир Ильич доказал нам неправильность нашего взгляда в этом вопросе, заметив, что интересы местного населения и особенно рабочих, в эпоху гражданской войны, должны быть выше всего и на первом плане. Раз иностранцы причиняют нам этим хлебом вред, тут уже и к ним должен быть другой подход. В крайнем случае, мы могли „привлечь“ вас к ответственности, отозвать, или еще что, только хлеб должен был быть снят с судна и передан для местного населения. Наоборот, вы должны были использовать отказ англичан передать голодающему городу хлеб, указав рабочим, что англичане умышленно не передают хлеб, заставляя голодать рабочих.

— „Это было сделано, рабочим мы указывали, но вопрос мог быть разрешен ведь только силой“—заметили мы, чувствуя правоту его доводов.

Дальше мы перешли к информации о работах только что закончившегося 2-го Губернского С'езда Советов.

— „Что на с'езде говорили мужички?“—спросил Владимир Ильич.

— „Прежде всего и почти в один голос крестьяне требовали продовольствия, потом требовали ассигнования на содержание местных аппаратов власти, постройки дорог, на школы и т. п. Политическую физиономию с'езд имел половинчатую: половина, включая город, была настроений советских, вторая половина, руководимая правыми эсерами и меньшевиками, была явно англо-эсеровских настроений“.

Дальше мы рассказали Владимиру Ильичу о важнейших решениях с'езда, ходе его работ и тех настроениях, которые господствовали на с'езде, в связи с происшедшей оккупацией некоторых мест по Беломорскому побережью.

Когда мы окончили свой доклад, Владимир Ильич на все пункты нашего доклада, за исключением военных, дал нам соответствующие раз'яснения.

Собираясь покинуть его кабинет, мы спросили Владимира Ильича: „А что, если союзники попытаются, тем не менее, вышибить нас из Архангельска? Каково может оказаться положение наших организаций в момент напора“.

Отвечая нам, Владимир Ильич допускал возможность, что союзники попытаются выбить нас огнем из Архангельска.

— „Тогда Вам,—говорил он:—„придется отойти к следующим населенным пунктам“ и, подойдя к географической карте, он начал указывать по ней, какие у нас окажутся пути на случай отступления. Он обращал наше внимание на С. Двину и Котлас, путь к которому нам неизбежно придется использовать во всех случаях и отношениях.

Нас удивляла его свободная ориентировка по карте. Он, зная великолепно северную часть России, называл города и лежащие к ним пути, не смотря даже на самую карту, при чем он придавал каждому названному им пункту и свое стратегическое значение. Это так сильно запечатлелось в памяти.

В тоне голоса Владимира Ильича чувствовалось крепкое убеждение, что иностранцы на этом фронте нас все равно не победят. Пространство, условия, климат и т. п., все здесь было в нашу пользу.

Весь наш разговор длился около часа.

Мы расставались с Ильичем с полной уверенностью, что наше дело несокрушимо, что наша политика, политика нашей партии абсолютно верна. Несмотря на все временные затруднения наш Архангельск даже и в том случае, если он и падет, не может явиться решающим фактором в деле пролетарской революции.

Решающим моментом будет являться наше внутреннее состояние и наша внутренняя политика, от которой целиком будет зависеть судьба советской власти. Таков вывод у нас получился от разговора с Владимиром Ильичем.

Анализируя до встречи с Ильичем наше состояние, особенно на Севере, мы сомневались, удержится ли Советская власть. После свидания с ним, было крепкое убеждение, что наша власть удержится, что мы значительно сильней, чем это нам порой кажется в моменты наших наибольших затруднений.

Прощаясь, Ильич предложил нам как можно скорей возвращаться в Архангельск. Мы исполнили его поручения.

Тем временем в Архангельске складывалась еще большая напряженность. Еще большая опасность сгущалась над Севером. Многое из указаний Владимира Ильича мы осуществили: хлеб мы сняли с судна и передали его рабочим; мы приступили к мобилизации нескольких младших возрастов, с целью пополнить наши боевые отряды; мы наметили план работы в массах и приступили к его осуществлению.

Но события опережали нас и не было уже сил повернуть их по другому руслу, а в ночь на первое августа разразилась тяжелая гроза—под напором англичан Архангельск пал.

Остров Мудьюг.

В истории оккупации Архангельска союзными войсками остров Мудьюг сыграл глубоко-печальную роль. Сначала он являлся островом надежд, островом обороны: позднее, когда Север был захвачен бело-англичанами, он превратился в остров слез, страданий и смерти сотен и сотен лучших рабочих и крестьян.

Англо-белогвардейское правительство, со своим появлением на свет, превратило его в каторжную тюрьму для большевиков, заживо погребая всех, кто попадал туда.

Остров Мудьюг находится недалеко от устья С. Двины, с правой стороны при выходе в Белое море, и отделен от материка протоком, носящим название Сухого моря. Над уровнем моря остров поднимается всего на две сажени и только в немногих местах его западной части имеются бугры до пяти саженей. По всему острову разбросано большое количество зловонных болот, порождающих в летнюю пору мириады исключительно больших и едких комаров. Вследствии их множества, никакая борьба с ними там почти невозможна: человеческий организм, самый здоровый, в течение нескольких дней оказывается измученным от непрестанных укусов и борьбы с ними.

На песчаной почве Мудьюга растет великолепный сосновый лес, также мало используемый, как и все наши громадные леса в непроходимых дебрях.

За несколько недель до падения в Архангельске Советской власти, на этом острове решено было установить хорошую дополнительную батарею, которая в любой момент позволила бы отбить или, по крайней мере, временно задержать противника, пытающегося войти в фарватер реки С. Двины. Военным ведомством был намечен план установки на острове дополнительной батареи и минирования Березовского устья. Для проведения в жизнь этого плана и, главным образом, для земельных работ на остров, по требованию военного ведомства, было послано около 300 человек рабочих, снятых с ле-

сопильных заводов на Маймаксе. На второй день по прибытии на остров измученные комарами за ночь рабочие потребовали немедленного их вывоза обратно в Архангельск.

Все придуманные на месте способы борьбы с комарами не могли облегчить мучительных испытаний: рабочие не спали ночь, прячись в дыму от ужасных насекомых. Перед Губисполкомом встал затруднительный вопрос: снятие рабочих означало, что работа по обороне будет сорвана, а с другой стороны нельзя было не удовлетворить их требований. Для выхода из положения решено было послать на Мудьюг двух членов Губисполкома (на с'едение комарам, как говорили в шутку), с полномочиями—сделать все возможное, чтобы удержать рабочих и упросить их докончить работы.

Командированными оказались Павлин Виноградов и пишущий эти строки.

Произведя наскоро по Архангельску реквизицию всего крепа и различной кисеи, мы погрузились на какой-то буксир и отправились в путь. Стояла белая северная ночь. Капитан нашего буксира спешил подойти к острову еще до отлива, в противном случае нам угрожала опасность засесть на мели и ожидать в течении нескольких часов прилива. Однако желания капитана не оправдались. Недоходя нескольких километров до острова, мы застали полный отлив и сели на мель. В течение ряда часов, отталкиваясь шестами, мы нащупывали более глубокие места и все пробирались к цели. Мы должны были подойти как раз к тому месту острова, куда никогда и ни зачем не причаливают суда.

Наконец, мы добрались и до самого острова. Какова была радость рабочих, когда мы сошли на остров со связками крепа! Они уже не спали вторую ночь и были в отчаянии. Здесь же мы роздали рабочим по куску крепа: они заматывали им головы и снова прятались в дым. Креп, несомненно, принес им облегчение и они согласились продолжить еще день—два свое пребывание на Мудьюге.

Из «начальства» нас встретил какой-то бывший морской офицер, руководивший минированием Березовского устья и установкой батарей. С ним было несколько человек балтийских матросов, довольно хороших товарищей, присланных сюда, как минеры, для специальной работы. Обходя с нами места работ, минеры тихонько выражали нам свои сомнения относи-

тельно добросовестности отношения к делу их командира. Им казалось, что этот человек, хотя и послан советским командованием, тем не менее, он может изменить советам в любой момент.

Как потом оказалось, классовый инстинкт матросов не был ошибочен: в решающий момент борьбы на Мудьюге быв. офицер нам изменил: мины не взрывались, батареи не справлялись со своими задачами.

Осмотрев одну часть работ по укреплению, мы поплыли на нашем буксире в другую часть острова, к маяку, где уже была установлена часть дальнобойных орудий и велась работа по установке связи с плавучим маяком, выставленным нами на 10—12 километров в море для наблюдения за подходящими иностранными судами.

У дальнобойной батареи имелась специальная команда матросов, несущая регулярно свою службу. Приблизительно в ста саженях от батареи, в лесу, среди болот, было построено несколько деревянных зданий для обслуживающего батарею персонала. Тут же жил и командный состав. Все они жаловались на исключительно тяжелый климат и прямо невозможные условия борьбы с комарами.

После осмотра батареи, когда мы лежали у костра, на берегу моря, один из рабочих, не будучи большим специалистом, указываяна батарею, говорил нам:

— „Вы знаете, ведь эти три орудия были поставлены здесь еще при царском правительстве. Установкой их ведал какой то офицер с иностранной фамилией. Посмотрите, как они стоят: если противник подойдет с правого фланга к этим орудиям, из них работать будет только одно, правое, остальные же не смогут стрелять: даже если бы из них и захотели стрелять, они будут бить одно в затылок другому“.

Подле нас лежал комиссар батареи, матрос. Мы его спросили: „Правильны ли замечания рабочего?“ —и тот ответил:

— „Правильны“.

— „Чем же следует об‘яснить такое нерадение, или прямо преступление со стороны ответственных лиц, ставивших эту батарею?“.

— „Тут был, как говорят, злой умысел“. —Отвечал матрос.

Мы удивлялись, как бездарны были царские специалисты, чтобы не видеть такой простой истины.

— „Вообще на эту батарею больших надежд возлагать не следует“,—заметил кто-то:—„посмотрите, только от пробной стрельбы разлетелось одно орудие,—что-же будет во время жаркого боя?“.

— „А вы думаете, что здесь когда-нибудь и будет бой?—спросил я.

— Заставят“,—ответил рабочий.

На утро все принялись за свои дела. Мы смотрели на громадный каменный маяк, стоявший от нас в расстоянии одной версты.

— „А какую принесет нам пользу маяк?“—спросил я т. Виноградова.

— „Взорвем“—ответил Виноградов.

— Если его раньше не разобьют сами англичане,—подумал я.

Свою миссию мы считали оконченной: рабочие, получив по куску крепа и наши заверения, что по окончании работ они немедленно же будут увезены с острова, согласились остаться там до окончания земляных работ. На плавучий маяк мы решили не заезжать:—там сидел член Губисполкома, Шенкурский крестьянин, т. Кукин.

Мы не завидовали его положению. Стоять в море и быть все время на чеку—была обязанность не из приятных. К тому же, что собственно он мог сделать с противником, не имея никакой возможности даже к простой самообороне? День и ночь его вахта стояла лицом в открытое море, зорко следя, не появится-ли на горизонте какое судно. И каждый раз, как только таковое появлялось, он немедленно о замеченном ставил в известность Мудьюг и материк. Сидеть на этом маяке было хуже, чем в тюрьме: никакого общения с живым миром, ни одного лишнего шага, кругом вода и вода.

Когда в Архангельск внезапно направлялась английская „миссия“, с генералом Кемпом во главе, тов. Кукин, при подходе английской яхты к маяку, велел ей немедленно остановиться и дать об‘яснения, куда и зачем они плывут.

Яхта остановилась и капитан задал вопрос:—„А кто будете Вы“?.

Кукин ответил:—„Я член Губисполкома, представитель местной власти, посланный сюда смотреть, что-бы не ездили тут всякие люди без особого на то разрешения“.

Капитан попросил подняться его на яхту для переговоров.

Не подозревая ничего, т. Кукин поднялся, и яхта в ту же минуту, вместе с ним, тронулась и пошла дальше к Архангельску...

— „Я хотел было именем закона и с револьвером в руках остановить яхту“—рассказывал потом тов. Кукин: „но подумал, что они ведь все равно меня не послушают и, махнув на все рукой, решил молча ехать с ними: к тому же они шли в Архангельск“.

— „В дороге они меня называли славным парнем и очень удивлялись, почему я так плохо одет, будучи представителем местной власти“—продолжал рассказывать нам тов. Кукин:

Потом они меня покормили. Я ел даже белый хлеб, черт возьми, а?“...

Когда мы встретили эту яхту в фарватере С. Двины вблизи Экономии, мы были страшно удивлены, увидев на ней т. Кукина. Каким образом он вдруг на ней оказался?

— „Увезли, сволочи“—переходя на наш буксир, говорил он—„ну, кстати уж, в Архангельске я куплю для ребят махорки и селедок“,—успокаивал себя Кукин.

Кукин был, действительно, славный парень. Он с первых же дней революции активно начал работать в Советах, отдавая все свои силы рабоче-крестьянскому делу. Когда англичане на своих судах шли к Архангельску, с целью его бомбардировки и занятия, Кукин находился на своем плавучем маяке. Он известил нас о приходе английских крейсеров, он оставался верным часовым на своем маяке до самой последней минуты, потом попал в плен к англичанам и, подвергнувшись, предварительно, жестоким пыткам и мучениям, безвременно погиб.

Батареи Мудьюга, хотя и были во-время уведомлены плавучим маяком о подходе неприятельских судов, тем не менее не смогли защитить ни плавучий маяк, ни остров Мудьюг, ни вход в С. Двину. После короткой перестрелки наши батареи внезапно смолкли, мины не взрывались. Англичане без

особых затруднений приведя в молчание нашу Мудьюгскую батарею и преодолев ряд других препятствий, заняли Архангельск, а спустя некоторое время союзники превратили остров Мудьюг в каторжную тюрьму для большевиков, откуда из тысячи сосланных туда вернулось едва-ли триста человек...

В тех случаях, когда союзническая контр-разведка почему либо считала преждевременным расстреливать наших арестованных товарищей, а часто даже и аполитичных людей, попавших в ее лапы,—она бросала этих арестованных на остров Мудьюг, заранее зная, что оттуда все равно не будет возврата, все равно будет один конец.

Бывший министр белого правительства в Архангельске В. И. Игнатьев по поводу Мудьюга в своих очерках говорит: *)

„Не довольствуясь тюрьмой в Архангельске, контр-разведка организовала концентрационный лагерь — тюрьму на острове Мудьюге, в Белом море, куда в'езд для россиян воспрещался: начальством этого лагеря, комендантом и его помощниками были французские офицеры, причем комендант служил перед этим по тюремному делу в какой-то колонии, где приобрел навык в обработке туземцев. Эти же навыки он привез на Мудьюг. Слухи о мудьюжских порядках ходили по городу, волновали население. Туда отправляли всех тех, арест которых контр-разведка хотела скрыть от русских властей. Кормили там впроголодь, смертность была потрясающая".

Приобретенный в колониях навык по угнетению отсталых народов, союзники принесли с собой не только в части тюремного режима—вся их деятельность на севере России была колониальной варварской политикой. Русский народ, пытавшийся освободиться от капиталистических цепей, они рассматривали, как самых униженных колониальных рабов, учиняя над ним такие насилия, которым не может быть никакого оправдания.

Мудьюг —это зеркало капиталистической „культуры". Мудьюг — это „человечность" г. г. Чемберленов, Пуанкаре, Вильсонов и им подобных.

Мы еще изучим Мудьюг и расскажем рабочим массам всего мира, как г. г. союзники „защищали" Россию на севере от немецких варваров и как они насаждали свою „культуру" и „справедливость".

---

*) В. И. Игнатьев теперь работает в советских органах в Москве.

Мимо таких деяний история не проходит.

Пусть те из товарищей, кто теперь ближе находится к этому несчастному острову, соберут о нем точные и подробные сведения, узнают имена его мучеников и, хотя бы на каменной стене холодного маяка, укрепят доску с перечнем имен тех, кто окончил свои дни на этом суровом острове надежд и проклятий.

От‘езд дипломатического корпуса.

После заключения мира России с Германией и назначения в Москву немецкого посла Мирбаха, дипломатический корпус, как известно, демонстративно переехал в Вологду. Этот жест дипломатии об‘яснили, как протест против сепаратного выступления России и заключения с немцами Брестского мира. На самом же деле причины от‘езда дипломатов в Вологду были не только те, о которых они говорили; причины крылись далеко глубже и имели другой смысл.

И в самом деле, почему они выбрали Вологду? Почему они сделали остановку именно в этом городе? Если бы дипломатический корпус пожелал просто покинуть нашу страну, он без особых затруднений мог бы уехать через Финляндию или Мурман;—этот путь был значительно короче и удобней, нежели путь через Вологду и Архангельск. Переезд дипломатического корпуса в Вологду имел несомненно и другую цель, другое назначение. Будучи связаны с различными белогвардейскими организациями, нарождавшимися, как грибы, после падения буржуазно-помещичьей власти, иностранные послы расчитывали в нашей стране на заговорщицкие авантюры и на возможность реставрации опрокинутой рабочим классом старой власти. Они не только были в простой связи с заговорщиками, больше, через эсера Савинкова они субсидировали белогвардейцев денежными средствами и всемерно помогали им в деле борьбы с Советской властью. Дипломатический корпус твердо расчитывал, что с занятием Мурмана вскоре последуют восстания в Ярославле, Архангельске, Вологде и других местах, требовался только некоторый толчек и небольшая помощь из-вне.

В случае успешного восстания белогвардейцев в указанных местах, дипломатический корпус автоматически оказывался вне Советской территории и тогда он всему

миру мог бы вещать, что Советская власть уже опрокинута и что стоит только занять Москву, как дело с большевиками будет окончательно покончено. Таков был их план.

До некоторой степени план дипломатического корпуса и осуществился: в Ярославле вспыхивает восстание, город попадает в руки белогвардейцев. Изо всех нор выползают враги Советской власти и, быстро вооружаясь, вступают в бой с советскими войсками. Восстание серьезно грозило переброситься и дальше. К этому времени как раз в Вологду приезжает и английский генерал Кемп в расчете, что для него так же найдется кое-какая „дипломатическая" работа в северном районе.

Но план дипломатического корпуса осуществился только отчасти: в Архангельске и Вологде дела внезапно затормозились, первые заговорщиские планы сорвались. В Вологде произошел арест заговорщиков, а из Архангельска еще до того высылают сербских и бельгийских солдат, предназначенных союзниками к восстанию. Дипломатический корпус был поставлен перед необходимостью сочинить другую авантюру в расчете, что Ярославль продержится продолжительное время вплоть до момента занятия англичанами, или другими какими либо силами Архангельска.

Однако Ярославская авантюра, неожиданно для послов, пошла на убыль и вскоре была вовсе ликвидирована. Дипломатический корпус, расчитывавший оказаться вне Советской территории, попрежнему оставался в Советской Вологде под сенью революционных законов и порядка, встречая на каждом шагу красные знамена и ликующих рабочих из Вологодских железнодорожных мастерских.

После неудачного Ярославского восстания, дипломатическому корпусу оставалось только одно: или согласиться переехать в Москву или выехать «за пределы» России. Оставаться в Вологде было бессмысленно. Дальнейшее их пребывание там, у всех здравомыслящих людей должно было вызвать недоумение, и они выбрали второе.

В последних числах июля мы внезапно получили телеграмму из Москвы, в которой Архангельский Губисполком ставился в известность, что дипломатический корпус из Вологды направляется в Архангельск. Полученная

телеграмма давала нам такие директивы: предложить иностранным послам для пользы дела возвратиться в Москву а, в случае их несогласия, не чинить препятствий к выезду из России. Получив извещение, что корпус на рассвете прибудет на Архангельский вокзал, мы втроем отправились через Северную Двину ему навстречу. Мы считали долгом вежливости встретить их, хотя и имели полные основания заставить иностранных послов потрудиться самим явиться к нам в Губисполком.

Над Двиной стояла ночь. Лодка ползла медленно; обычно мы видели Двину спокойной и полной самых различных красок, какими только бывает богат Север. Теперь же, когда белые ночи гасли, когда беломорский ветерок докатывал свои космы и до берегов Сев. Двины,—последняя нам казалась какой-то серой и неприветливой. Ночь закрывала ее далекие берега, и только редкие прибрежные огни отмечали границы этой громадной реки.

Не будь революции, может быть никогда бы мы не увидели этого величественного зрелища, которое видели мы тогда на Севере в те интересные и памятные дни. Это никогда не забудется.

Итак, чутье нам подсказывало, что дипломатический корпус приезжает к нам не попросту. Предстояло вести нудный, так называемый, „дипломатический“ разговор. Люди, которых мы должны были встретить, были высокого полета, убеждения и планы которых нам было заведомо не изменить...

Качаясь в лодке по широкой и холодной реке, мы шутили; кто-то из товарищей сказал:

— „А чем же мы не „корпус“. Один из нас токарь, другой слесарь,—смотрите еще какой „корпус“. Неправда-ли? Чья только возьмет!“.

— „Будем надеяться, что возьмет наша“, ответил второй: Не возьмем на языке, возьмем на деле, а главное, товарищи, не робь. В своей избе и стены помогают.

— „Стойте ребята, а на каком языке мы с ними будем вести разговор?“.

— „На Вологодском“.

— „Здорово. Вот-то будет разговорчик. Надо только почаще произносить вместо „Сер“, „Синьор“, „Монсье“

слово „паря“ и все будет понятно, не правда-ли? Они ведь любят титулования, а у нас другого слова к сожалению революция еще не создала. „Корпус“ смеялся.

Третий наш „дипломат“ случайно оказался знающим английский язык, но знающим настолько, что мы решили лучше этого не открывать, чтобы не вызывать каких либо недоразумений. Оставалось расчитывать только на их же переводчиков.

Наконец, на рассвете специальным составом спальных вагонов корпус прибыл на вокзал... Мы решили дождаться, пока они все поднимутся, и тогда уже явиться к ним для переговоров. Здесь же на вокзале находились и все иностранные архангельские консулы, вышедшие встречать свое начальство.

Часов в восемь утра нас пригласили в вагон-ресторан, где и назначена была встреча с послами. С правой стороны от входа точно проглотив карандаши, стояли выстроившись в ряд консулы. Пожимая в руках засаленные кепки, мы вошли в большое отделение вагона и остановились с левой стороны. В эту же минуту, из соседнего вагона, явился в полном составе и дипломатический корпус во главе с его старшиной американским послом Френсисом.

Входя они молча кланялись нам, здороваясь в тоже время с некоторыми из своих консулов за руку. Чувствовалась напущенность и искусственная деликатность. Мы тоже держали „тон“; пряча за спину свои кепки, отвешивали им поклоны. Особо несимпатичной показалась нам тогда физиономия американского посла Френсиса, здоровая и даже неуклюжая.

— „Присядьте господа“, —произнес Френсис. Все сели.

Французский консул об‘яснил корпусу, кто таки мы. С. Попов был отрекомендован, как президент Архангельска, мы сошли за чиновников при нем. Рассевшись у стен вагона, мы приступили к переговорам. Председательствовал Френсис, рядом с ним сидел Нуланс—французский посол, и пять других послов различных стран.

Френсис об‘явил нам, что дипломатический корпус пожелал переменить место своего нахождения, выбрав

таковым Архангельск, Архангельск более отвечает их требованиям, нежели Вологда, поэтому они хотят расчитывать на наше содействие и любезность в размещении их в городе.

Мы так и ждали.

— „Архангельский Губисполком лишен возможности принять у себя дипломатический корпус“, отвечал Попов: „к тому же город об'явлен на военном положении, что для работы корпуса вовсе не будет благоприятствовать. Губисполком любезно предлагает дипломатическому корпусу обсудить вопрос о его переезде в Москву. Наше правительство видело бы больше целесообразности и пользы для дела, если бы дипломатический корпус возвратился в Москву“.

Переводом поочередно занимались два лица, французский консул и какой то второй иностранец.

Едва был переведен наш ответ, как Франсис снова заявил, что корпус окончательно решил остановиться в Архангельске и, если ему в этом будет отказано, корпус примет это, как желание Советского правительства выслать его из пределов России.

— „Такого желания у Советского правительства не может быть“, отвечали мы: „мы только желаем, чтобы корпус обсудил вопрос о его переезде в столицу Советской Республики, где ему, как будто-бы, и надлежит быть“.

„Дипломатический корпус в Москву не поедет“, заявил Нуланс: „Большевистское правительство нарушило народные права, оно изменило союзникам в войне с Германией, поэтому у нас нет никакого желания входить в близкие соприкосновения с Вашим правительством и нет желания находиться с ним вместе в одном и том же городе“.

— „Мы не видим разницы, господин посол, в том, будете ли Вы в Архангельске, будете ли Вы в Москве, Вы все равно находитесь в Советской России, законы и порядок которой везде одинаковы“.

— „Но Архангельское правительство ведь может и не подчиниться Московской власти“, продолжал Нуланс.

— „Нет, не может... господин посол“. У Степана Попова то и дело готово было сорваться с языка слово „товарищ“, я толкал его локтем в бок. Все шло благополучно.

— „В таком случае и Вы нарушаете существующие международные права для дипломатических представителей иностранных государств“, произнес Френсис.

— „Мы не имеем намерений нарушать международные права, установленные для послов, мы только считаем невозможным и неудобным оставаться дипломатическому корпусу в Архангельске, принимая во внимание его местные условия, как-то военное положение, тревогу и т. п.“.

— „В таком случае передайте Вашему правительству наш протест против действий представителей Архангельской власти“, повышенно заявил Френсис.

Попов головой сделал знак: „можно“.

Повелся длинный разговор: дипломаты никак не рассчитывали, что мы откажем им в размещении в Архангельске. По всякому поводу они заявляли свои протесты, прося нас передать таковые Московскому правительству. Мы не вели никакого протокола нашего совещания, поэтому не могли даже подсчитать всех заявленных протестов.

Особую нетерпимость и враждебность проявлял французский посол Нуланс: его как будто бы укусила оса. Он готов был опрокинуть весь мир и зубами растерзать весь русский народ. Мы с удивлением смотрели на него и слушали его, так называемые, „дипломатические замечания“.

Думалось: „вот бы дать власть этому европейцу, прописал бы он кой кому ижицу“.

Когда дипломаты убедились в бесполезности своих настаиваний, угроз и протестов, Френсис внес предложение, чтобы мы разрешили им остаться в Архангельске, хотя бы на то время, пока они снесутся со своим правительством и затребуют для себя специальное судно. Смысл этого предложения был таков: им нужно было оттянуть время и воспользоваться таковым для своих целей.

Мы согласились для сношения с их правительством дать одни сутки и предоставить в их распоряжение даже свое мощное радио. Что же касается судна, то ожидать таковое не видим смысла. Раз уже корпус принял решеиие оставить пределы Советской территории, в таком случае мы можем посольствам предоставить и свое лучшее судно.

Дипломаты мялись, повидимому не ожидая с нашей стороны такого предложения. Потом посовещавшись на английском языке, сделали заявление, что они вынуждены принять наше судно, так как „президент Архангельска“ повидимому не желает сделать для послов ничего лучшего. Мы отвесили очередной поклон в знак подтверждения.

По всему ходу переговоров было видно, что о возврате дипломатического корпуса в Москву не могло быть и речи. Их цель была засесть в Архангельске, а когда и это им не удалось, они решили выехать куда либо на побережье Белого моря в оккупированное уже англичанами место и там выжидать дальнейших событий.

Прощаясь до завтра, мы предупредили чинов дипломатического корпуса, что Губисполком, во избежание могущих быть недоразумений, считал бы более целесообразным, если бы прибывшие с дипломатическим поездом чины воздержались от переправы через Двину в город и хождения по городу. Наше заявление корпус принял к сведению и через полчаса же его сотрудники из поезда уже бродили по городу, улыбаясь нам при встречах. Было ясно, что этих господ надо было отправить как можно скорей из Архангельска.

Мы распорядились поднять пар одной из яхт и подать ее к станционной пристани для погрузки корпуса. На следующее утро яхта стояла уже под полными парами и дипломатический корпус погрузился для отплытия. Никаких сношений с своим правительством они не вели и на прошедшем совещании об этом заявляли, очевидно, просто для оттяжки времени. На яхту погружался не только корпус, но и целый ряд семейств местных богатеев. Повидимому они чуяли бурю, во время удирая от таковой. Мы не чинили особых препятствий всем желающим освободить город от лишних ртов.

При первом своем появлении на нашей яхте, предоставленной для их от‘езда, чины дипломатического корпуса заметили отсутствие на ней: пианино, белья, посуды и т. п. Это привело их в большое негодование и побудило послать нам особую „ноту“ протеста против того, что мы им предоставили обобранное нами ранее судно. Дипломаты в этом усматривали с нашей стороны не совсем культурный по-

ступок. И каково же их было удивление, когда мы им тоже официальной „нотой“ ответили, что данное судно во время своего следования из Норвегии в Архангельск по пути было задержано английскими властями и обобрано вплоть до пианино, посуды и белья. „Мы с сожалением предоставляем Вам в таком состоянии судно“, отвечали мы. Ответ наш бил не в бровь, а в глаз. Дипломаты молча проглотили наш ответ.

К обеду третьяго дня погрузка была окончена и яхта подняла якорь. Пассажиры находились на палубе. Матрос по приказу своего начальства сигнализировал флажками: „до скорого свидания“. Они были убеждены, что скоро снова посетят этот город...

Яхта медленно скрывалась за горизонтом.

Судьбе было угодно, чтобы через несколько же дней, эта яхта снова вернулась в Архангельск, с теми же самыми пассажирами, которых мы только что выпроводили в воды Белого моря.

Отступление.

До самого конца июня месяца 1918 года в Архангельске выходил эсеровский орган, сначала под названием: „Наше Дело“; потом, когда тов. Кедровым это „Дело“ в административном порядке было закрыто, вместо нее начала выходить другая газета под названием „Вольное Слово“. Как и полагалось, право-эсеровская газета занималась беспощадной травлей большевиков и лицемерной критикой Советской Власти, усердно выслуживаясь перед местным мещанством, буржуазией и иностранными консулами. Другая газета выходившая в Архангельске—„Известия“ Губисполкома была политически весьма слабой, безличной, что лишало ее возможности занять надлежащее положение и заменить собой эсеровскую газету. Причиной тому было отсутствие среди большевиков газетных работников и беспартийность самого редактора „Известий“. Получалась такая картина: коммунистическая организация, являясь на деле руководительницей местной работы и власти, фактически не имела своего хорошего печатного органа. Этот пробел в работе чувствовался на каждом шагу, эсеровская печать все наши действия излагала во враждебном освещении, стремясь по всякому поводу дискредитировать нас и нанести нам вред. Так продолжалось до конца июня.

В конце июня месяца мы поставили своей целью во что бы то ни стало организовать свою газету. Для руководства этой газетой, тов. Стасовой из Ленинграда был прислан Федор Глущенко, один из редакторов бывшей „Окопной Правды“. Тов. Глущенко быстро поставил дело и числа 5—6 июля уже вышла наша газета под названием: „Архангельская Правда“.

Выход нашей газеты поднял в меньшевистско-эсеровских кругах бурю негодований и беспокойств. Они поняли, что их печатной работе пришел конец. „Архангельская Правда“, взяв твердый большевистский курс, не оставляла от меньшевистско-эсеровской политики камня на камне, беспощадно бичуя и разоблачая их предательство и лицемерие.

Одновременно с этим прекратило свое существование и „Вольное Слово", исчерпавшее весь свой арсенал паршивеньких „слов" и демагогии.

Появление в свет нашей газеты еще больше злило антисоветские группы и толкало их на путь приглашения союзников оккупировать „Архангельск", выгнав из последнего большевиков.

Велась бешеная подпольная работа. Меньшевики то и дело в рабочих районах занимались провокацией, распуская слух, что союзники уже давно решили занять Архангельск, что они скоро придут, и что их приход несет с собой целый „земной рай" для рабочего населения.

На большом рабочем митинге, во дворе судостроительного завода, в Соломбале, после наших докладов, меньшевики заявляли, что они не скрывают своих симпатий по отношению к союзникам и очень бы желали, чтобы последние заняли Архангельск, ибо с приходом последних сейчас же появится белый хлеб, увеличится заработная плата и проч.

Верили ли они сами в эту нелепую безсмыслицу, трудно сказать, но во всяком случае мы имели полное основание полагать, что они руководствовались совершенно другими желаниями,—желаниями провоцировать рабочие массы против Советов и большевиков и услужить союзникам, уже смазавшим руки их руководителей.

К концу июля в Архангельске атмосфера настолько накалилась, положение было настолько неуверенное, что к нам стали даже заходить некоторые рабочие и просить, в случее нашего отступления, предупредить и захватить их с собою.

Город знал, что у устья Северной Двины уже появились иностранные разведочные суда и что положение со дня на день должно будет еще больше усугубляться.

Числа около 25-го июля Губисполком решил издать строгий приказ, в котором, все лица, распространяющие злым умыслом враждебные Советской власти слухи,—предупреждались, что по отношению к ним будут применяться самые суровые наказания, вплоть до расстрела.

Наскоро был средактирован приказ из двух или трех пунктов, заключавших в себе время прекращения хожде-

ния по улицам и строгое предупреждение распространителям слухов. Приказ этот должен был быть подписан Губисполкомом и представителем Беломорского Военного Округа. При обсуждении его в Президиуме, мы задали вопрос тов. Самойло (б. генералу), подпишет ли он такой приказ. Мы не были уверены, что он даст свое согласие на подпись приказа, где каждый абзац кончался угрозой расстрела. Для тов. Самойло это означало—отрезать себе на будущее всякие пути к отступлению.

Не колеблясь тов. Самойло ответил: „конечно, конечно, подпишу". На второй день приказ уже был расклеен по городу.

В своем суровом приказе мы плохо оговорили, кто же будет наблюдать за исполнением его и как технически он будет проводиться. Отчасти это было сделано с умыслом, отчасти просто от поспешности. Тем не менее, после нашего приказа, об'явившего город на осадном положении, в самом городе стало спокойней и тише. Но это было только с внешней стороны, общее же состояние от нашего приказа нисколько не изменилось.

К описываемому моменту нашими боевыми силами, числящимися на учете в военном совете по обороне, был небольшой отряд с броневыми машинами, Беломорский отряд из горцев, коммунистический отряд из членов партии и беспартийных рабочих, красногвардейцы, рота латышей и моряки с судами. Вновь мобилизованные части мы не рассматривали, как боевые: они не были еще обмундированы и вооружены:

Во главе этих частей стоял особый совет по обороне, созданный незадолго перед падением Архангельска. Командующим сухопутными частями являлся член совета, бывший полковник Потапов; морскими силами командовал бывш. адмирал Викорст, остальные лица совета были назначены Губисполкомом. Военный совет состоял из 9-ти человек, включая представителя и от нижних чинов флота

На первый взгляд казалось, что у нас была возможность организовать соответствующее сопротивление и в случае надобности дать противнику отбой, тем более, что остров Мудьюг, стоящий у входа в фарватер реки С.-Дви-

ны считался, уже укрепленным. Казалось, что Совет по обороне предусмотрел все и готов ко всему. Но это только казалось, действительность же опрокинула все наши предположения.

В ночь на первое августа, на Беломорском рейде вдруг показались какие-то суда. По мере того, как они приближались ко входу в С.-Двину, с плавучего маяка и острова Мудьюга удалось установить, что это были иностранные военные суда. Мудьюгская дальнобойная батарея системы „Конэ“ дала два залпа по английскому крейсеру. Прицел, к счастью, оказался удачным, крейсер, как говорили получил повреждение. Вдруг наша батарея почему то умолкает, английский крейсер „Аттентив“ тем временем спокойно разворачивается, берет не менее удачный прицел по нашим батареям и в один миг превращает все наши укрепления, вместе с дальнобойными орудиями, в хаос. Первое заграждение оказывается сбитым, комиссар батареи убит, остальная прислуга батареи, под обстрелом аэроплана почти в панике отступает в тыл. Ряды дрогнули. Но впереди еще стояла цепь минных укреплений. На них наши товарищи возлагают надежды. Мины должны поднять на воздух зарвавшиеся английские суда и потопить их остатки на дне Белого моря. Наступил решающий момент.

Тем временем в Архангельске уже поднялась тревога. Неприятельский аэроплан, кружась над городом, разбрасывал прокламации за подписью генерала Пуль. Мудьюг сообщил, что он не может дальше сопротивляться. Военный совет по обороне принимает „меры“ к дальнейшему „сопротивлению“. О случившемся на Мудьюге совет ставит в известность Губисполком, предлагая последнему обсудить вопрос о выводе за пределы Архангельска, хотя бы в Шенкурск, гражданских учреждений. События начали развиваться молниеносно.

Рано утром 1 августа Президиум Губисполкома созывает экстренное совещание его членов. Обсуждению подлежал один вопрос: положение Архангельска.

Еще до начала совещания, у членов Президиума сложилось убеждение о необходимости вывода из Архангельска всех гражданских учреждений. Кем-то из членов Пре-

зидиума, уже до совещания последнего, был дан приказ, подготовить все речные суда и держать их под парами у городской пристани. Все вопросы—решались в советском порядке. Товарищи считали лишним предварительное обсуждение положения Архангельска по партийной линии, да к тому, как будто бы, и не было времени.

Члены Архангельского комитета РКП одновременно являлись и членами Губисполкома, поэтому Президиум считал, что решений советского порядка будет достаточно.

На коротком своем совещании Президиум принимает решение, не предрешая вопроса о сроках вывода гражданских учреждений из Архангельска, предложить последним все-таки свернуться и погрузиться на пароходы.

Этим решением была фактически предрешена эвакуация Архангельска и прекращение работы всех гражданских учреждений. Лед тронулся.

Тройка по обороне города должна была оставаться в Архангельске до самого последнего момента, руководя делом обороны. С получением сведений о падении Мудьюга Потапов начал отдавать ряд оперативных приказов, по которым латышская рота и красноармейский отряд с одной броневой машиной перекидывались на другую сторону С.-Двины в район вокзала. Два самые большие ледокола „Святогор“ и „Микула Селянинович“ должны были уйти ближе к устью Сев. Двины и там в узком месте фарватера затопиться с тем, чтобы этим самым загородить в Архангельск вход иностранным судам.

В самом городе должен был оставаться Беломорский отряд во главе с его командиром Берс. Красногвардейские отряды, как не представлявшие в боевом отношении ничего серьезного, рассылались кое-куда.

Получив извещение, что гражданские учреждения должны погружаться на пароходы, мы попросили товарищей Закемовского и Петрову, ответственных технических работников комитета, собрать в комитете РКП все необходимые материалы в одну папку, сжечь ненужные документы и ждать дальнейших указаний.

Указанные два товарища были здесь же осведомлены о том, что наше положение неустойчиво и что нам надо быть готовым ко всему. На товарищей Закемовского, Матисона и Петрову это произвело тяжелое впечатление, им

как-то все еще не верилось, что англичане могут всерьез напасть на Архангельск, тем не менее они исполнили все поручения. Личные списки членов партии, за исключением одного оставленного в делах, были сожжены. Два больших тюка литературы было решено оставить на произвол судьбы. Закемовский и Петрова решили из города не уходить. Они являлись местными людьми и, если ходом вещей им потребовалось бы скрыться, они это могли сделать легко и в своем городе.

Часов в 12 дня, в комитет партии кто-то позвонил из Беломорского отряда и попросил немедленно прислать одного человека из ответственных представителей партии или власти для успокоения отряда. По заявлению говорившего по телефону, отряд волновался и требовал присылки „начальников“.

Такое внезапное требование нам вдруг показалось подозрительным, почему именно они позвонили в комитет партии, а не в совет по обороне. Почему о волнении отряда они сообщали комитету, а не прямому своему военному начальству. Все это наводило на некоторые размышления. Тем не менее я решил лично явиться в отряд и там устроить митинг.

Чтобы иметь последние сообщения о положении нашего дела, я позвонил в Губисполком и сообщил о волнении отряда. Из Губисполкома мне ответили, что в отряде все спокойно. Из этих противоречий я увидел, что здесь имеется какая-то провокация и решил в отряд не ходить, сообщив обо всем Совету по обороне, откуда также подтвердили, что там все спокойно и что у них с отрядом имеется хорошая связь.

1-го августа мы должны были выпустить свой очередной номер „Архангельской Правды“, кажется № 10. Инстинктивно показалось, что это будет последний выпуск нашей газеты. Номер уже был сверстан и должен был итти в печать, но я задержал печатание номера, с тем, чтобы дать в нем информацию последних событий. Тов. Глущенко, сидя в типографии, беспощадно ругался по поводу задержки печатания газеты, заявляя, что все новости

он может поместить в следующем номере и что задерживать печатание газеты мало оснований. Я уговорил его немного подождать, чтобы более точно выяснить наше положение.

Не в пример улице, в военном совете была тишина и спокойствие. Командующий Потапов похаживал по помещению, поглядывая изредка на оперативную карту. Приходящие члены Губисполкома волновались, суетились, задавали вопросы и полууспокоенные уходили куда-то дальше. Было видно, что все оперативное дело находится в руках одного—двух лиц, военных специалистов, присланных из центра. Совет только числился номинально, операциями же руководили специалисты Потапов и Викорст, имея уже полное представление о том, как дальше будут разворачиваться события. Чувствовалось какое-то бессилие справиться с назревающим положением и предупредить его. Задаем вопрос нашим представителям в военном совете, удержим ли мы Архангельск? Последние отвечают:— „можетбыть удержим, а может быть только отсрочим его падение".

— „А что необходимо, чтобы удержать Архангельск".

— „Только сильное подкрепление из центра и замена высшего командного состава, более надежным".

Время измерялось часами, а до подкрепления из центра нужны были дни. Высланный из Москвы отряд, во главе с т. Кедровым, где-то был еще далеко в пути и претерпевал, как потом оказалось, большие сопротивления.

Было исключительное глупое положение. В обстановке непроходимых лесов, окружающих Архангельск, громадной реки Сев. Двины и Белого моря, город был как на острове. Человек сам по себе, без орудий, военных судов, аэропланов, без военных знаний, был ничто...

Что Архангельск падет, уже не было сомнений, к тому же суда противника были уже в Двине, прокладывая себе дорогу к городу.

Зайдя в типографию, где печаталась наша „Архангельская Правда", и выбросив из первой страницы какое-то об'явление, я попросил поместить такую заметку: „Товарищи, наша газета выходит в последний раз. Международные враги нападают на Архангельск с целью задавить

пролетарскую революцию. Коммунистическая партия уходит в подполье, но не надолго, через некоторое время она вновь вернется к своей работе. Редакция прощается с нашими читателями", и т. д.

Набрав эту заметку, печатники отказались выпускать этот номер до тех пор, пока мы не уплатим за прошлую работу и вперед за две недели. Делать было нечего, мы здесь же начали платить жалование печатникам и через полчаса плоская машина уже выбрасывала прощальный номер „Архангельской Правды".

Все, как снежный ком, покатилось под гору: настроение падало с каждым часом, люди бродили из конца в конец, шушукались, суетились, вызывая тем самым у врагов скрытное удовлетворение по поводу некоторой нашей растерянности.

Погрузка на пароходы имела полухаотический характер, хотя Губисполком и разделил между ведомствами все речные суда и дал соответствующие инструкции по погрузке. Представители центральных учреждений, комиссия по разгрузке порта, представители Центросоюза и друг. учреждений занимали отдельное судно; местные учреждения с ценностями казначейства и банки, имели свое судно, Губисполком—свое и т. д. Одна часть товарищей явилась на пароходы только с портфелями, другая—с винтовками, некоторые тащили чемоданы, постельные принадлежности, мебель и прочий домашний скарб. Одна латышка привела двух холмогорских коров в расчете, что и для них удастся получить отдельное купэ. Она жестоко была огорчена, когда кто-то из членов Губисполкома предложил ей убраться прочь со своими коровами. Погрузка на пароходы начала принимать безобразный характер. Мы предложили Губисполкому организовать погрузку так, чтобы она для Советской власти не являлась позором. Спустя несколько минут все было организовано. Вместо чемоданов на свободные места грузили винтовки, необходимый материал, документы, различные ценности и т. п.

В 9—10 часов вечера на пароходе „Святой Савватий" было устроено последнее совещание Губисполкома с московскими работниками, но уже без представителей военных специалистов. Кто-то из членов Совета по обороне

сделал доклад о положении Архангельска. Все сходились на том мнении, что Архангельск не удастся удержать, тем не менее некоторым товарищам было вменено в обязанность остаться в городе и работать в Совете по обороне до самого последнего момента, хотя-бы им грозила опасность.

Кроме того на последнем совещании Губисполкома было принято, что моряки остаются на своих судах и в случае надобности концентрируются на отдельных судах и по их усмотрению. Военный комиссар т. Зенькович будет при военных частях за Северной Двиной руководить операциями, в самом же городе останется несколько членов Губисполкома, товарищи Яунозолин, Иконников и др. Остальные товарищи на пароходе уходят вверх по С.-Двине на 30—40 верст и в крайнем случае до Березника и там ждут последующих указаний.

Совещание кончилось ночью. В городе уже слышались редкие ружейные выстрелы, а когда пароходы отчаливали от пристани, с колокольни собора, находившегося недалеко от пристани, раздались ружейные выстрелы по последнему отходящему судну. Эта проделка, повидимому, уже была организована местным духовенством.

Отчаливая от пристани, никто не думал, что с этого момента город уже фактически был сдан. Мнимый советский Беломорский отряд из горцев, под руководством Берса, делал свое дело. Он ночью под руководством изменника Потапова распространился по городу, вместе с офицерством, выползшим из подполья, занимал намеченные ранее позиции и к утру открыл пулеметный и орудийный огонь по нашим судам и частям, арестовывая на улицах оставшихся случайно коммунистов и беспартийных рабочих.

Архангельск пал.

Оперативное размещение войск было сделано, как нельзя лучше в пользу противника. Белогвардейский Беломорский отряд остался в городе единственным, ему никто не мог оказывать какого то ни было сопротивления. Этот отряд, располагая орудием, открыл по нашему судну „Чесме“, нежелавшему сдаться, орудийный и пулеметный огонь, заставив команду судна бросаться в реку С.-Двины

и на шлюпках и вплавь спасаться от беспощадного обстрела. Часть верных Советской власти матросов погибла в реке, другая часть с трудом прорвалась и направилась вверх по Двине.

Часть Военного Совета продолжала свое предательство в различных направлениях. При затоплении ледоколов „Святогора", „Микулы Селяниновича" и „Уссури" в С.-Двине получилась не лучшая картина; предполагалось, что они будут взорваны и посажены так, чтобы поднять их уже не было возможным, по крайней мере в ближайшие недели. Потопление ледоколов лишало возможности противника войти в Двину. Командный состав по директиве Викорста сделал проще: он открыл у указанных судов кингстоны, отчего последние наполнились водой и спокойно сели на дно, слегка скосившись на бок.

Такое заграждение подступа к городу, разумеется, никакого значения не имело. Англичане подошли вплотную к затопленным судам, с помощью водолазов закрыли кингстоны, паровыми насосами выкачали из них воду и суда сами поднялись на поверхность, освободив тем самым путь к Архангельску.

Такого сюрприза никто из нас не ожидал, не ожидали этого и верные нам части.

Английский крейсер, преодолев препятствия и подойдя к городу, открыл огонь по нашим частям, расположенным за Двиной и быстро оттеснив последние, высадил у Исакогорки свой дессант в количестве до тысячи человек.

В момент столкновения наших частей с английскими войсками и архангельскими белогвардейцами в районе Исакогорки, по роковой случайности в плен к белым попал наш губернский военкомиссар тов. Зенькович. Белогвардейцы и англичане не замедлили произвести над т. Зеньковичем жестокую расправу; они убили его и труп бросили в воду, вырвав тем самым из наших рядов наилучшего и верного работника.

Потерявшие руководство, со смертью тов. Зеньковича, а также и под давлением значительно превышающих сил противника, наши войска отступили в направлении ст. Тундра. оставив таким образом весь архангельский район противнику.

С захватом Архангельска и подступов к нему противник решил в тот-же день организовать погоню за ушедшими Советскими судами.

Погоня была организована из части соломбальских меньшевистски настроенных рабочих и местных добровольцев. Было снаряжено специальное судно и в помощь ему послан один аэроплан. Аэроплан догнал наш отставший пароход, обстрелял его из пулемета, но, будучи сам обстрелянным вернулся в Архангельск. Пароход с соломбальскими рабочими, не догнав наши суда, то-же вернулся.

Скрывавшийся до падения Архангельска, под чужой фамилией, на имя англичанина Томсона, штабс - капитан Чаплин 2-го числа об‘явил себя командующим белогвардейскими войсками и послал во всех направлениях приказ: „задерживать бежавших большевиков“.

Когда наши суда подошли к Березникам, этот приказ уже был там получен и в копии предоставлен нам.

Ясно было, что противник не дремал, что он предпринимал все меры к закреплению захваченных позиций.

В Березниках перед нами встал вопрос, что же делать дальше. Необходимо было немедленно же организовать заслон. Но для этого нужно было иметь боеспособных людей, вооружение и хотя бы одно орудие. Ни того, ни другого у нас не было. Группа матросов, вырвавшись уже после отхода Советских судов из Архангельска, на отрез отказалась остановиться и направилась вверх по Двине к Котласу, заявив, что в Котласе они сформируются, вооружатся и только тогда снова поведут наступление на Архангельск.

Посовещавшись в Березниках, члены Губисполкома решили направить и свои суда (их было пять) в Котлас. В самих же Березниках было оставлено для связи несколько товарищей.

С прибытием в Котлас, вся экспедиция оказалась в полном неведении, что же делается в Архангельске и каково положение на железнодорожном участке. По некоторым сведениям товарищи имели основания полагать, что в Вологде должен был быть тов. Кедров, который до того со дня на день ожидался в Архангельске. В первые же минуты по прибытии в Котлас, было решено немедленно

приступить к военному оборудованию одного двух пароходов, сформировать какую ни-есть группу и послать все это обратно по Двине к Березникам и устью реки Ваги, для оказания сопротивления противнику.

Помимо того было решено послать трех товарищей в Вологду к тов. Кедрову, для информации положения дел на С.-Двине.

Сформированный в Котласе небольшой отряд, под руководством Павлина Виноградова, быстро отправился в указанном направлении и, войдя в соприкосновение с противником, вступил с ним в бой, образовав тем самым в районе Березников Северо-Двинский фронт. С момента соприкосновения на Двине повелась упорная борьба. Противник располагал несравненно лучшим вооружением и большими силами. Нам не везло, в первых же боях мы теряем ряд лучших товарищей, в том числе и нашего главного организатора члена Губисполкома — Павлина Виноградова.

Последняя потеря была страшно тяжелой, у нас не оставалось больше ни одного такого энергичного и смелого организатора, каким был П. Виноградов.

Опечаленные неожиданной потерей старого революционера-шлиссельбурца и незаменимого товарища, оставшиеся в живых члены Губисполкома под руководством С. Попова, отправили тело Виноградова в Ленинград и там на одном из кладбищ похоронили его.

Но это была не последняя потеря, почти каждый бой брал у нас все новые и новые жертвы, а подкрепления ни откуда не подходило. Создались невероятно тяжелые условия: мы стояли перед опасностью потерять и устье реки Ваги, что в конечном счете, означало потерю и г. Шенкурска. Несмотря на исключительно неблагоприятные условия Севера, на голод, отсутствие снаряжения и т. п.—товарищи дрались с белыми с жестоким упорством.

Отправленная в Вологду группа работников, в числе 3-х человек, быстро прибыла на место и тотчас же явилась к т. Кедрову для доклада о положении дел на Двине.

Тов. Кедров встретил делегацию в своем вагоне, и, улыбаясь, заявил: „Прежде, чем выслушать Вас, прошу прочесть этот приказ“.

Приказ гласил:

„Обстоятельства, при которых был временно очищен Архангельск, свидетельствует о том, что отдельные представители местной Советской власти далеко не всегда обнаруживают те черты, которые обязательны для каждого революционера, занимающего ответственный пост: выдержку, энергию и мужество.

Снова подтвердилось, что находятся советские представители, которые, при первых проблесках опасности, торопятся унести ноги, считая, что спасение собственного существования есть самая важная задача.

Такого рода суб'екты не имеют ничего общего с революцией. Это не борцы, не коммунисты, а жалкие советские карьеристы, которые временно прилипли к великому делу.

Всякий представитель Советской Власти, который покидает свой пост в минуту военной опасности, не сделав всего, что можно для защиты каждой пяди советской территории, есть предатель. Предательство же в военное время карается смертью.

Предписываю Вам немедленно задержать и подвергнуть аресту всех тех советских работников г. Архангельска, которые по имеющимся у Вас строго проверенным данным, должны рассматриваться, как дезертиры, для предания их суду верховного революционного трибунала. Троцкий".

Приказ говорил, что Архангельск потерян вследствие предательства и трусливого бегства советских работников. Виновные должны покараться смертью. Содержание приказа не допускало никаких иных толкований. Смысл был ясен.

У прочитавших этот приказ, напрашивался только один вопрос: Кто же предатель? Кто же должен быть отдан суду верховного революционного трибунала? Весь ли Губисполком, часть ли его или работники какого-либо другого учреждения. Троцкий отдал приказ на основании той информации, которая, вероятно, ему послана. Пославшие информацию получили распоряжение немедленно арестовать тех, кто является дезертиром, кто позорно оставил Архангельск. Распоряжение Троцкого должно было быть

исполнено, как говорилось в приказе, немедленно, а, между тем, никто не арестован, никто не отдан под суд. Что случилось, или некого было арестовывать, не оказалось достаточно виновных, или просто напросто не исполнялся приказ тов. Троцкого. В происходившей суете этого нельзя было понять.

Являвшиеся к тов. Кедрову члены Губисполкома отдавали себя в его распоряжение и были готовы предстать перед судом трибунала. Но тов. Кедров никого не отдавал под суд.

Чтобы рассеять, хотя бы до некоторой степени, не совсем об'ективную информацию центра о картине падения Архангельска, часть ответственных работников, вскоре по прибытии в Вологду, дала Ленину и Свердлову телеграмму следующего содержания:

„Всюду циркулируют самые неверные сведения о причинах падения Архангельска. Губисполком, за исключением отдельных личностей, пожалуй, меньше всего виновен в падении города. Причины и факты другие. Циркулирующие слухи о причине падения плохо отразятся на дальнейшей судьбе края. Просим расследованием установить факт. Просим разрешения прибыть в Москву для доклада. Безусловно, подчиняемся приказу ареста. Без установления правды работать невозможно“.

В ответ на эту телеграмму, тов. Ленин ответил:

„Ехать в Москву для доклада не надо. Необходимо оставаться в Вологде и напречь все силы для немедленной беспощадной расправы с белогвардейцами, явно готовящими измену Вологде, и для подготовки защиты. Ложь про Архангельск опровергайте письменно. Предсовнаркома Ленин“.

Тов. Свердлов по прямому проводу соообщил, что к членам Губисполкома, не принимавшим непосредственного участия в деле руководства обороной Архангельска, этот приказ не относится.

Туман, сгустившийся над головами работников, которые только косвенно могли бы иметь вину в падении Архангельска, постепенно рассеялся. Оставшаяся в живых, группа работников немедленно же принялась за работу в армии и гражданских учреждениях, отдавая ей все свои силы.

На С.-Двине и на железнодорожном участке создались настоящие фронты. Противник, стремясь продвинуться к Вологде и по С.-Двине к Котласу, напрягал все усилия, бросая туда свои силы, значительно превышавшие силы нашей армии, и ввел в действие почти все рода оружия, вплоть до броневиков и авиации. Главными силами противника как на железнодорожном, так и на Северо-Двинском фронте являлись иностранные войска— англичане, американцы, французы, бельгийцы и др., высадившиеся сразу же по занятии Архангельска.

Завязавшаяся борьба принимала упорный затяжной характер. В условиях исключительно тяжелого климата, непроходимых лесов и бездорожья эта борьба была гораздо тяжелей и сложней, чем где бы то ни было. Потянулись день за днем. Тянулась промозглая северная осень.

Тем временем выяснилась и подлинная причина указанной потери Архангельска. В коротких словах, эту причину мы характеризовали следующим порядком.

Архангельск, как стратегический и географический пункт, для союзников являлся чрезвычайно важным, отсюда и их усиленные желания захватить его. Захватив его, они получили крупную исходную базу для развития в дальнейшем своих операций против советов. Архангельск был плохо обеспечен оборонительными силами, верными Советской власти. В Архангельске плохо работала партийная организация, оказавшаяся в трагические дни неспособной взять дело обороны и защиты города в свои руки.

Часть специалистов, назначенных в порядке приказов центром в Архангельск (Потапов и др.) и стоявших во главе совета по обороне, ждала момента изменить советам и изменила им 1-го Августа, подготовив своими оперативными распоряжениями падение города без сопротивления со стороны красных частей.

Параллельно с работой явно враждебных элементов, стремившихся опрокинуть советы, и не менее враждебную и не менее предательскую работу вели правые и левые эсеры и меньшевики, облегчившие английским и прочим войскам захват города.

Таковы основные причины падения Архангельска.

После красных.

Как бы то ни было, город Архангельск достался белым без особых затруднений, без боев. Военные специалисты — изменники из штаба недурно разработали план своего предательства, план сдачи города белым. Все было разыграно, как по нотам.

Ледоколы «Святогор», «Микула Селянинович» и «Уссури», неправильно затопленные в С.-Двине, потом легко были подняты англичанами и отведены в порт. Красные войска оказались раздроблены и поставлены в условия невозможности сражаться.

Внешняя суета, проявленная военными специалистами, возглавлявшими оборону края, была лицемерной, фальшивой. Берс, которому, по указанию Губисполкома через б. ген. Потапова, было сделано распоряжение арестовать всех консулов, как заложников, не исполнил этого распоряжения, ложно сообщив председателю Губисполкома С. Попову, что консулы арестованы и находятся в тюрьме.

Потапову, Викорсту, Берсу и другим изменникам нужно было под каким бы то ни было предлогом выпроводить опасные для них лица и воинские части за С.-Двину, в район вокзала, чтобы тем самым развязать себе руки для дальнейших действий. И эта хитрая механика им вполне удалась.

Пока С. Попов, Вахромеев, Зенькович и другие товарищи переправлялись на другую сторону С.-Двины, к вокзалу, куда должны были явиться и остальные члены совета по обороне, — в городе произошло выступление беломорского военного отряда, открывшего стрельбу в целях создания паники.

Сделанные нашими товарищами попытки снова вернуться в город оказались тщетными; незначительные воинские части отказывались исполнять распоряжения и, погрузившись в вагоны, двинулись на Исакогорку и дальше, в тыл. Паническое настроение среди бойцов началось, как потом выяснилось, от различных лживых сообщений, привезенных в последнюю минуту из города какими то советскими представителями.

Английский аэроплан, начавший обстреливать наши войска, довершил дело паники и растерянности.

Напрасно наш тральщик № 15 пытался на утро оказывать беломорскому отряду сопротивление; огнем орудия, выставленного на ул. Свободы, он был потоплен с частью матросов, находившихся на нем. Позднее восстали и Соломбальские меньшевики и эсеры.

Когда город был взят, один из наиболее настойчивых белых офицеров, ротмистр Берс, об'явил себя Главнокомандующим края и тотчас же присвоил себе денежный ящик штаба, оставленный в городе по чьему то нерадению. Внезапная денежная добыча так вскружила голову Берсу, что вскоре сами же белые должны были отдать его под суд и развенчать из главнокомандующих. На место Берса главнокомандующим был назначен Чаплин (Томсон).

С падением Архангельска, неожиданно даже для самих союзников, в городе об'явилось и белое правительство под названием Верховного Управления Северной Области. Главой этого правительства являлся Чайковский, затем шли его министры—Лихач, Маслов, Иванов, Гуковский и др. Большинство этого, так называемого, правительства, было из эсеров.

Крайне правые группы и союзники мыслили себе образование правительства несколько в ином составе, но они упустили время. Эсеры опередили их.

Появившееся в свет правительство начало свою деятельность с обычного своего правила: возвращать национализированную собственность и арестовывать всех и каждого, заподозренного в причастности к коммунизму. В первые же два - три дня арестованными были набиты все архангельские тюрьмы; потребовалось даже приспособление для арестованных таможенных помещений, помещений на Быку, Бакарице и в частных домах.

Правительство Чайковского взяло очень высокий тон, члены его не чуяли под собой земли.

„Наконец - то, и мы теперь Правительство“ — хвастливо заявляли они: „Не все же большевикам править“.

На самом же деле, это правительство существовало только для собственного удовлетворения, делами города заправляло реакционное офицерство и союзники. Берс даже в первые дни не постеснялся заявить правительству о том, что он не желает

ему подчиняться. Каково было негодование Чайковского, услыхавшего такое заявление Берса!

Не будь уголовных деяний у Берса, повлекших предание последнего суду, вряд-ли, что могло сделать правительство Чайковского с Берсом; он, несомненно, остался бы на долгое время Главкомом. К тому же, прибывший вскоре верховный главнокомандующий английский генерал Пуль, весьма хорошо расположенный к Берсу,—произвел последнего в полковники и „повелел“ именоваться графом.

„Носите, полковник Берс, титул графа, жалко, что-ли“— говорил Пуль, будучи в веселом настроении. И Берс именовался графом.

Назначение Чаплина главнокомандующим, на место Берса, было произведено с согласия правительства Чайковского. Последнее полагало, что как и в каждом порядочном правительстве, Чаплин будет подчиненным правительству лицом, выполняющим беспрекословно его волю и все его распоряжения.

Но не так-то было. В начале сентября, т. е. через месяц после образования правительства, Чаплин, ничто-же сумняшеся, арестовал свое правительство, вместе с его главой Чайковским и отправил в „заточение“ в Соловецкий монастырь.

„Отзвонили, господа, и с колокольни долой“—заявлял Чаплин: „Надо же и честь и знать“.

Отправляя правительство на „Соловки“, Чаплин сделал промах; он не арестовал двух его членов, во-время исчезнувших „яко дым“—Лихача и Иванова. Прячась от своего Главкома, Лихач и Иванов успели выпустить воззвание, в котором говорилось, что офицеры „желают“ восстановить царя и с этой целью скрывают в Архангельске великого князя Михаила Александровича“ *).

Это воззвание, до некоторой степени, подняло дух архангельских „республиканцев“ и побудило их явиться к генералу Пуль с протестом по поводу посылки их правительства „в Соловки на богомолье“.

Генерал Пуль по поводу происшествия собрал у себя совещание послов. На собрании разгорелся жаркий спор о том, кто для союзников будет лучше—Чайковский или Чаплин, и было решено вернуть на время опять Чайковского, поручив ему сформировать новое правительство.

*) Это в тот момент, когда князь по милости пролетарской революции уже „в бозе почил“.

С момента ареста Чайковского и до момента его возвращения, в Архангельске юридически не существовало никакого правительства. Союзные войска, по своей инициативе, „охраняли" город. Чаплин все никак не мог подобрать себе „кабинета", а когда Чайковский „торжественно" вернулся с Соловков в Архангельск, Чаплин ретировался, успокоившись тем, что и он был „калифом на час".

В новое правительство Чайковского вошли уже другие лица: Зубов (земледелие), Курагин (финансы), Мефодиев (торговля и промышленность), Городецкий (юстиция), Федоров (просвещение); главнокомандующим и генерал-губернатором был назначен полковник Дуров, помощником его был генерал Самарин. Так сформировалось новое правительство.

Однако, не прошло и нескольких дней, как правительство снова начало переживать кризис: союзники, допустив формирование правительства Чайковского, в то-же время назначили французского полковника Допона военным губернатором Архангельска. Видя, что перед ним, правительством, снова стоит перспектива „поездки" на Соловки, если не подальше куда-нибудь, правительство решило себя распустить и передать всю полноту власти в крае только что назначенному полковнику Дурову.

Такой самороспуск, из-за боязни попасть кое-куда, некоторым левым группировкам сильно не понравился. Начались устраиваться различные совещания и строиться различные комбинации. Всем мешало одно обстоятельство, о котором никто не мог заявить вслух и чистосердечно в нем сознаться; это было то, что хозяевами положения в крае были фактически союзники. Все это видели, чувствовали, но никто не имел мужества заявить об этом прямо, иначе получилось бы признание того, о чем предупреждали большевики.

„Какой чорт, мы правительство, когда ни один курьер не хотел нам подчиняться!" — В раздражении заявлял потом один бывший „министр" Чайковского.

Несколько позднее, с участием ген. Пуля, Нуланса, Линдлея и других представителей союзников было образовано новейшее правительство, но уже из более правых группировок. Вдохновителями политики образовавшегося правительства были уже сами союзники, проводившие таковую через Филоненко, Половцева, Семенова и др. Первые два одновременно служили и в контр-разведке, получая от союзников хорошую мзду.

В Архангельске работал также и филиал „Союза Возрождения". Этот „Союз" занимался, от поры до времени, высокой политикой, открывал свои отделения по уездам, мобилизовывал повсюду общественное мнение в пользу союзников и призывал население на борьбу с советской властью. „Союз Возрождения" кончил свою деятельность также печально, как печально кончилась и вся северная оккупационная эпопея.

В момент правительственной неразберихи, из Архангельска был отозван ген. Пуль и на его место англичанами был назначен другой — генерал Айронсайд.

Появился на горизонте и генерал Миллер.

Некоторое время правительство Чайковского пыталось мудрить, выступая перед союзниками с „гордым" заявлением по поводу поездки на „Принцевы острова", издавало коекакие законы и кончило свою высокополитическую деятельность тем, что признало Колчака верховным правителем России и ретировалось.

Более сообразительные министры, почуя впереди недоброе, вскоре покинули Север. Во время уехал в Париж и сам Чайковский.

Дальнейшая история управления Северной Областью представляет собою сплошную чехарду. Все стремились выслужиться у союзников, продавая, сплошь и рядом, за чечевичную похлебку свои потрепанные принципы. Особенно в этом отличались эсеры. Был даже издан специальный закон, в котором говорилось, что всякий „кто будет порочить честь и доброе имя союзников, тот будет подвергаться аресту и штрафу в размере пяти тысяч рублей".

Но какие бы не происходили перемены в управлении краем, как бы не были беспринципны управители, в одном им всем (включая и союзников) следует отдать справедливость, это в деле террора, расправы с рабочим населением, насаждения пыток и ужасов, от которых буквально стонал край.

Сотни арестованных сидели по тюрьмам по году без всякого следствия и оснований. Тюремные помещения набивались до крайности, кормили ужасно. Но еще ужасней обстояло дело с санитарией и отношением администрации к арестованным.

Один товарищ, живший при белых в Архангельске, рассказывает:

„Жизнь в Архангельске протекала, как в осажденном городе. Всюду сновали вооруженные отряды. С 11-ти часов вечера по улицам воспрещалось ходить. На каждом перекрестке стояли патрули из союзников, русских, комендантских команд и ополченцев. Агенты контр-разведки и днем и ночью дефилировали по улицам, проникали в учреждения, на заводы, воинские команды. В каждом квартале, кроме того, имелся свой штат шпиков, наблюдающих за жизнью каждого дома, каждой квартиры. По ночам всегда раздавались какие то выстрелы, — не то расстреливали на „мхах", не то нащупывали пулей удирающего от патруля пешехода".

Малейшее подозрение в сочувствии советской власти вызывало репрессии, малейшее доказательство противо-союзнической или противо-правительственной деятельности кончалось расстрелом. В расстрелах не стеснялись.

Когда группа коммунистов, оставшихся в Архангельском подполье, начала свою деятельность по восстановлению связи, помощи арестованным и разоблачению перед массами смысла пребывания союзников на Севере — эта группа, в количестве 16 человек, была арестована и в ночь на 1-е Мая 1919 г. расстреляна на „мхах". Среди расстрелянных были и женщины *). Суд над этой группой представлял собою сплошное издевательство над человеческой личностью.

Расстрелам не было конца. На „мхах" то и дело слышались залпы и отдельные выстрелы. Это „работала" контр-разведка по очереди с тюремной и городской администрацией. Расстрелы производились даже и в самой тюрьме. Были случаи, когда трупы расстрелянных не убирались по несколько дней.

Особую заслугу в деле расстрелов русского населения следует отметить за начальником французской контр-разведки, лейтенантом Бо. Лейтенант Бо, потерявший кое какое имущество в России, вследствие революции, не мог простить русским рабочим, мстя им невероятной жестокостью.

К счастью рука разгневанного матроса во-время убрала этого цивилизованного палача.

Тех же, кого не успевали расстреливать, или кого совершенно случайно миновала эта участь — ссылали на Мудьюг в каторжную тюрьму.

---

*) Подробности см. в „Прол. Револ." № 8 за 1925 г., в статье т. Юрченкова „Архангельск. подполье 18 — 19 г.г.".

Мы уже знаем, какой режим существовал на Мудьюге. Немногие оттуда вернулись живыми. Одни погибли от болезней, голода, цынги, другие были расстреляны при попытках к побегам и заговорам. Мудьюгские ужасы были доведены до сказочных пределов; арестованные предпочитали смерть. Жизнь была тяжелее самой мучительной смерти.

Доведенные до отчаяния, мудьюжане 15-го сентября 1919 г. устроили героический побег с этого острова. Набросившись на часовых и разоружив часть их, они начали выручать своих товарищей из других бараков. Завязалась перестрелка. Попытка выручить арестованных из других бараков не имела успеха. Освободившиеся бросились бежать, кто куда. Немногим удалось убежать. Всего 52 человека из нескольких сотен успели перебраться на случайных крестьянских лодках через Сухое море и исчезнуть в тайге. Часть была убита при побеге, часть расстреляна там же, на Мудьюге, на другой день после побега.

Побегом руководил тов. Поскакухин и Стрелков. Бежавшие, потеряв в пути несколько товарищей, заболевших и оставленных на произвол судьбы в лесу, частями направлялись по диким, непроходимым пространствам в сторону Советской России. Немногие добрались к красным войскам. Непроходимая тундра в своих лесах и болотах безвестно погребла навеки часть героев мудьюжан, так горячо мечтавших пробраться к своим.... на свободу....

Почтенные союзники и белые правители Севера имели для неблагонадежных людей не один только остров Мудьюг, не лучшая тюрьма была и на полуострове Иоканьги. Свыше полутора тысячи человек находилось и в этой несчастной тюрьме. Условия, режим, кормежка сотнями уносили арестованных. «Мертвых не успевали хоронить»—говорит т. Юрченков в своих воспоминаниях,—«их стали выносить в сарай и складывать голые мертвые тела в кучу. Иногда в такой куче насчитывалось до 70 неубранных трупов».

Знали ли об этом союзники? Можно ли им поставить в вину нечеловеческие пытки, которые учинялись над русским населением в тюрьмах и островах? Конечно, знали. И не только знали,—союзники везде имели своих комендантов, осуществляя через них свой режим и репрессии по отношению к арестованным.

Почтенные союзники даже увезли во Францию часть арестованных, чтобы еще и там, во французских каторжных тюрьмах, подвергнуть русских революционеров усовершенствованным пыткам и увидеть, как крепки кости русских коммунистов.

Член Общества старых большевиков тов. Петров, один из увезенных из Архангельска и сидевший во французских тюрьмах, в своих воспоминаниях рассказывает, как варварски и как мучительно расправлялись с нашими товарищами.

Все, что делали на Севере, все, что происходило там, делалось ими в расчете, что Советская Власть будет навсегда свергнута и что ни перед кем и никогда им не придется нести ответственности за свои действия.

И только спустя несколько месяцев, когда даже в их частях начали вспыхивать восстания, когда и они убедились, что Советская Власть не миф, а реальная действительность, которую даже сводными союзными войсками не опрокинешь,— союзники свернули все свои пожитки и, погрузившись на пароходы, отплыли в свои страны. Уезжая, союзники заявили белым «правителям» Севера: мы помогали Вам поднимать восстания, давали Вам деньги, боролись с большевиками, угнетали, расстреливали русский народ, в надежде, что Советскую Власть удастся опрокинуть и на шее народа затянуть петлю, — но ничего из этого как видите не вышло. Поэтому, уезжая теперь, мы оставляем Вас самих расчитываться за все сделанное нами и Вами.

Союзники оставили Север. За ними, кто как мог, начали покидать Архангельск и пресловутые правители.

Тем временем укреплявшаяся Красная Армия с каждым днем все сильней и сильней давила противника, поражая его на всех фронтах, в том числе и на Северном фронте.

Наконец, белые, охваченные паникой, начали бежать. Красные войска преследовали их.

В Архангельске организовалась временная революционная власть из профсоюзных и других работников.

В 20-х числах февраля 1919 года над Архангельском, а потом и надо всем Севером, снова взвилось Красное Знамя.

Советы победили.

Под властью белых.

(1918—1919 г.).

Г. С. Юрченков (Васильев).

I. Отступление из г. Архангельска.

В конце июля 1918 года я возвращался в г. Архангельск с реки Вычегды, куда ездил по поручению Печорской трудовой артели оселочников за образцами минеральных красок.

В то время на Вычегде среди населения носились слухи о приходе в Мурманск англичан. Этим слухам я не придавал особого значения; была уверенность, что если-бы и действительно англичане были в Мурманске, то в Архангельск они во всяком случае допущены не будут. Из попавшихся газет я узнал подтверждение этих слухов.

В Котласе, при посадке на пароход, пассажиров предупреждали, что пароход пойдет до Архангельска без остановок в пути и поэтому пассажиров, отправляющихся до ближайших пристаней, не брали на пароход. Пароход был срочно вызван в Архангельск и должен был идти полным ходом без остановок.

Так это и было.

Пассажиров в 3 классе было мало; ехал один рабочий-транспортник, возвращающийся из отпуска, и несколько человек интеллигентного вида. Во втором и первом классе пассажиров было больше. Из разговоров с одним зи пассажиров 3 класса я узнал, что он едет в Архангельск на службу в таможню. Было несколько странно, что выхоленный, вылощенный чиновник едет третьим классом, среди грязи, шума и брани и едет на советскую службу. Теперь сдается, что эти интеллигенты ехали к Миллеру. Никаких определенных слухов о готовящихся переменах в Архангельске среди немногих пассажиров парохода не было, но по их настроению чувствовалось присутствие в воздухе чего то—незримого.

Первого августа рано утром прибыли в Архангельск. Утро было слегка пасмурное. Причалили к пристани. На пристани толпилось много моряков. Пассажиров с парохода не выпускали. Сразу почувствовалось удручающее настроение. Но через некоторое время, после беглого просмотра документов у пассажиров, выход с парохода был свободен.

Я вышел. На пристани узнал, что советские учреждения из Архангельска все эвакуируются. Некоторые погрузились уже на пароходы, другие спешно еще продолжали погрузку. Губисполком находился на пароходах, вышедших на рейд вверх по Двине, выше Смольного Буяна.

Не встретив никого из знакомых и не имея надежды на встречу с кем-либо, я, подавленный совершившимся, решил поехать на Исакогорку, где в то время находилась моя семья. Перевоз на пароходе через Двину был прекращен и мне пришлось перебираться в лодке.

На вокзале оживление, движение. Много красноармейцев. Идет посадка и погрузка вооружения одной из красных частей.

Спрашиваю красноармейца:

— Скоро ли пойдет поезд?

— Не знаю — бросил он на ходу и торопливо исчез.

Подхожу к комиссару, спрашиваю у него.

— Наверно, скоро... Садись.

Побродив немного, посмотрев на сутолоку — двинулся на Исакогорку пешком по линии железной дороги.

Дома узнал, что моему семейству предлагали эвакуироваться, но жена, получив от меня телеграмму и ожидая моего приезда, отказалась.

Ночь прошла тревожно и томительно долго. Почти в каждом крестьянском доме были беженцы из города или со станции Исакогорки, вырванные из своей обычной обстановки чем-то надвигающимся—неизвестным, жутким, страшным. Всю ночь, пользуясь темнотой, Исакогорские крестьяне прятали свой скарб, зарывая в погреба и ямы, или таская в лес и пряча его там.

Второго августа показались английские аэропланы, а за ними и английский флот. Красноармейцы на Бакарице открыли по аэропланам ружейную стрельбу. Среди населения Исакогорки, враждебно настроенного к Советской власти, а так же среди женщин, поднялся ропот против обстрела аэропланов: первые боялись за жизнь избавителей, вторые, вообще, боялись стрельбы.

Как бы в ответ на обстрел аэропланов, английский крейсер начал обстрел ст. Исакогорка. Все население деревни, и коренное, и беженцы, в панике бросилось спасаться в лес, в овраги... Группами и в одиночку стали уходить из Исакогорки и оторвавшиеся от своих частей красноармейцы. В кучках

крестьян, толпившихся по деревне, то и дело слышались по адресу проходивших красноармейцев отдельные возгласы обиженных, старавшихся возбудить толпу: „задержать надо... задерживайте“... Но задерживать никто не решался.

Обстрел ст. Исакогорки продолжался часа 2—3. Красные продолжали обстреливать английские аэропланы, появившиеся уже над Исакогоркой. Стреляли с дамбы, в верстах полутора от Исакогорки. С аэропланов велись наблюдения за отступлением красных и эвакуирующимся населением. Иногда, при приближении аэропланов к д. Исакогорке, отдельные лица приветствовали их маханием белых платков.

Когда затихли выстрелы с английского крейсера, население опять начало возвращаться в д. Исакогорку. Пронесся слух, что на станции у телефона убит комиссар Зенькович при следующих обстоятельствах: тов. Зенькович был на ст. Исакогорка у прямого провода и вел переговоры с т. Кедровым. Утром 2-го августа 1918 года еще до обстрела английским крейсером ст. Исакогорки, т. Зенькович вместе с т. Гурьевым, местным ж. д. рабочим-кровельщиком был схвачен местными и приехавшими из города белогвардейцами. Оба они были посажены в пустой вагон, из которого задумали бежать. Гурьеву, как хорошо знающему местность, побег удался*), Зенькович же, убегая по полотну ж. д., был настигнут белогвардейцами и заколот штыком. Труп его был брошен на платформу и увезен по направлению к городу. Были слухи, что труп т. Зеньковича был брошен белогвардейцами в С.-Двину, но проверить этот слух не удалось.

Так погиб этот стойкий смелый борец за советскую власть, погиб смертью героя на боевом посту — и память о нем вечно будет жить в сердцах рабочих и крестьян Севера.

Т. Гурьев был также убежденным стойким коммунистом. Рабочие Северной ж. д. имя его всегда вспоминают с уважением и любовью.

Красные уходили...

Вскоре появился первый отряд французов.

Все возвращающиеся в д. Исакогорку жители, разбежавшиеся при обстреле, процеживались через этот отряд.

*) Т. Гурьев пробрался на родину. По занятии его деревни белыми он был расстрелян.

К молодым придирались, как к большевикам. Я возвращался в деревню с маленьким ребенком на руках. Меня пропустили без особых придирок.

Над деревней был выкинут белый флаг. Противники красных расхаживали по улицам с белыми повязками на руках. Некоторые красноармейцы, не успевшие во время отступить, скрывались теперь у населения. Враждебно настроенная часть населения еще боялась пока проявлять свою активность, выжидая дальнейших событий. Скрываться все же было довольно трудно.

В деревне Исакогорке я жил еще при самодержавии на нелегальном положении, под фамилией Васильева. Жил незаметно, тихо, много не показываясь на людях и потому оставаясь неизвестным полиции.

Вскоре из местных железнодорожников был организован отряд белых добровольцев во главе с меньшевиком Лошмановым,*) слесарем, когда-то Питерским рабочим. Начались розыски скрывавшихся. Как всегда в таких случаях на сцену выступили женщины. Не отдавая отчета, руководясь только злобой и чувством мщения за пережитый страх, они усердно начали указывать, где скрываются большевики. Арестов, однако, в это время произведено пока не было.

Отношение населения деревни Исакогорки к происходящим событиям можно так охарактеризовать.—Враждебно настроенного к красным и активного в этой враждебности населения было немного: элемент явно кулацкий и с ним, пассивно его поддерживая, тянулась половина середняков. Другая половина была просто безразлична. Часто можно было слышать возглас:

— Сегодня белый флаг, а завтра красный... Нам все равно...

Беднейшая же часть населения, сочувствовавшая советской власти, была подавлена, молчалива. Отношение к ней было недоверчивое, подозрительное.

Дня через четыре я отправился на лошади на Бакарицу. Там в это время шла выгрузка с английских пароходов; выгружали вооружение и продовольствие. Все посты на Бакарице были заняты сплошь городскими торговцами и купечеством.

---

*) Лошманов, видимо и при правительстве Миллера пользовался доверием. В архивах Истпарта имеются документы, указывающие на то, что этим правительством отпускались Лошманову деньги на эвакуацию в 1919 году.

Их упитанные бородатые фигуры, с винтовками за плечами, медленно и самодовольно двигались на постах.

Тут же на Бакарице шла запись добровольцев.

Архангельск в то время был наводнен с'ехавшимися перед тем из России офицерами. Все они теперь спешили записаться добровольцами. Записывалась так же молодежь из зажиточных, а было много и таких, которых безработица довела до степени крайней нужды. Этих соблазняло то, что в армии они, наконец, будут сыты, одеты... Кроме перечисленных значительный контингент добровольцев вербовался из элемента босяцкого и уголовного типа, которых соблазняла возможность мародерства... Да и терять то им нечего было. Тут же в пакгаузе им выдавали новое английское обмундирование и они переодевались.

Так вербовались добровольцы в белую армию. Казалось тогда, что на таких „добровольцах" далеко не уедешь. Позднее они и сыграли свою значительную роль в развале белой армии.

В ближайшее воскресенье на станции Исакогорка было в депо собрание, на котором присутствовал генерал П у л ь и играл американский оркестр. Через переводчика Пуль сказал собравшимся: „мы, англичане, пришли помочь России. В ее внутренние дела мы вмешиваться не будем. Россия будет жить так, как ей нужно". После Пуля выступила известная командирша женских отрядов Керенского—Бочкарева, в офицерском обмундировании. Ея речь сводилась к сплошной ругани большевиков и к призывам не давать им пощады. „Я была во Франции, Англии, Америке,—говорила она: рассказала там все о России, просила помочь ей избавиться от большевиков и вот привезла союзников. Они помогут нам и вооружением, и обмундированием, и продовольствием. Наша же обязанность идти теперь добровольцами и разбить большевиков, уничтожить"...

Истерическая речь Бочкаревой, ея грубая брань произвели отталкивающее впечатление на всех без исключения собравшихся, даже и тех, которые были явно враждебно настроены к Советской власти. Было просто стыдно за нее.

Выступал и меньшевик Лошманов. Он был сдержанее; говорил о демократическом управлении России.

На собрании никакого определенного решения провести все же не удалось. Часть, враждебно настроенная к большевикам,

сочувствовала ораторам, поддерживала их, большинство же оставалось очень сдержанно.

Несколько позднее, когда прошли первые дни горячки и белые, так сказать, укрепились в Архангельске, по уезду были разосланы агитаторы для вербовки добровольцев в белую армию. Мобилизацию тогда еще боялись об'явить. Но и эта агитация ни к чему не привела: добровольцы не шли и новая власть, в конце концов вынуждена была об'явить принудительный набор.

Помню одно собрание в дер. Исакогорке. Собрание многолюдное: здесь все мужское население. Мелькают безусые лица парней, степенные бороды мужиков и даже стариков. Много женщин... Выступает приехавший агитатор. Вид интеллигента, истомлен, одет бедно. Он эсер. В своей речи он ярко рисует настоящее и будущее положение России. Говорит о том, что большевики терзают Россию на куски и что растерзанная она не в состоянии будет подняться на ноги. Затем стал говорить об „избавителях“, что они пришли нам на помощь „спасти“ Россию от „безумств“ большевиков и что мы, с своей стороны, должны сами помочь им в этом деле—идти добровольцами. Его речь была очень сдержанна, тактична, без ругательных выкриков, без злобствований, как то было у Бочкаревой и многих других, которые говорили о большевиках лишь с пеной у рта. Кое-кто из зажиточных высказался вслух: „да нужно помочь союзникам, нужно идти добровольцами“.

Средняки же и бедняки были или просто безучастны или высказывались против. Некоторые в смущении мялись, иные ехидно прятали свои улыбки.

Открыли запись добровольцев. Записываться никто не шел. Молодежь, чьи симпатии лежали безусловно на стороне большевиков, посмеиваясь, подзадаривали: — Эй вы, желающие, идите, кто хочет!.. Записывайтесь... помогайте... А мы посмотрим.

Записываться никто не шел. Собрание гудело, как улей, слышался гул голосов. Агитатор то тут, то там появлялся среди собравшихся кучками и всеми силами старался убедить, что долг каждого честного гражданина придти на помощь истрадавшейся, истерзанной России, что дни большевиков сочтены, конец их близок, нужно лишь небольшое усилие. Это усилие они должны сделать во имя спасения родины...

Но все его „хорошие“ возвышенные слова не достигали цели — записываться в добровольцы никто не шел. Те, кто кричал, что нужно идти добровольцами, теперь понуро молча стояли, смущенные; молодежь подтрунивала над стариками:

„Идите, чего же не идете?..“

Наконец кто-то нерешительно произнес: „Что же мы не прочь и помочь... Только уж лучше бы по мобилизиции, по закону, а так-то что уж“...

Большинство подхватило эту мысль.

„— Да-да, — понеслось из толпы: — Мобилизация это другое дело, хоть всех бери, все пойдем... А так нет... не хотим“...

Агитатор мечется, бьется, стараясь доказать, что добровольчеством мы покажем союзникам наше искреннее стремление отделаться от большевиков, покончить с ними раз навсегда. — Мобилизацией, ведь этого не докажешь, — говорил он. Там хочешь не хочешь — иди... Союзникам нужно же показать, что народ против большевиков, не желает их...

Но сколько он не старался, запись добровольцев не пошла — никто не записался. Собрание постепенно начало таять, все расходились...

Агитатор так и уехал без единого добровольца.

II. В подпольи при англичанах.

Через 8 дней после отступления красных я поехал в Архангельск разыскивать знакомых и выяснить свое дальнейшее положение.

В городе узнал, что большинство застрявших в Архангельске коммунистов и советских работников находятся в тюрьме. Тюрьма набита битком.

Узнал подробности при каких обстоятельствах наша парторганизация ушла в подполье.

2-го августа 1918 года большевистская газета „Архангельская Правда“, орган Архангельского Комитета РКП(б), закончила свое существование; от Комитета РКП (б) ко всем членам РКП (б) было такое обращение:

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ.

Мировая Гидра контр-революции в лице Английского Империализма наносит Архангельской организации тяжелый удар. Комитет Партии вынужден идти в подполье, дабы не быть распятым мировыми разбойниками.

Комитет Партии призывает всех членов быть стойкими на своих постах и продолжать революционное дело.

Товарищи. Революция в опасности. Наш долг всеми силами и средствами спасать ее.

Да здравствует революция!..

Да здравствует Российская Коммунистическая Партия (большевиков)!

Комитет Партии.

С этими историческими словами Архангельская организация РКП (б) ушла в подполье.

* *
*

Как сейчас помню рассказ тов. Закемовского:

„Я был заведывающим хозяйственной частью газеты „Северная Правда“. Редакция помещалась в Городском Комитете РКП (б.) на Набережной (ныне клуб Водников).

Комитетом партии мне было поручена ликвидация всех дел редакции, из‘ятие ея архива и выдача расчета служащим, после чего я должен был остаться в Архангельске и вести партийную работу. Мне была обещана безусловная поддержка из центра.

Задание Комитета я исполнил: закупорил дела и архивы и расчитал служащих, но отправить всех дел мне не удалось за недостатком людей. Работать пришлось всю ночь.

На другой день после перерыва снова прихожу в редакцию и вижу незнакомых личностей. Спрашиваю у сторожихи, что они здесь делают и о чем ее спрашивают. Говорит: „ничего не знаю, у меня еще ничего не спрашивали“.

Сообразив, что тут что то неладно, я постарался выбраться незамеченным чрез черный ход и после этого не заходил в редакцию. В этот день город был занят союзными войсками“.

* *
*

С падением Советской власти на Севере партийная организация, как целое, не существовала. Остались лишь отдельные члены партии, которые могли об'единяться лишь в маленькие группы.

Без связи, без единого направляющего центра, работа этих незначительных групп и одиночек сводилась к следующему: как бы обезопасить себя, избавиться от ареста и добыть средства к существованию. Подпольная техника по добыванию и изготовлению поддельных документов была еще не налажена, и потому большинству приходилось жить без всяких документов, что страшно затрудняло всякую партийную работу.

Везде царил белый террор. Доносы писались ежедневно целыми десятками: одни писали „из за любви к искусству“, другие сводили личные счеты. Аресты производились по малейшему поводу, из за малейшего пустяка.

Понятно, что при таком положении дела все внимание оставшихся партийцев было обращено на то, как бы добыть себе ночлег, не попасться на глаза ненадежным людям и добыть какую нибудь работу, которая дала бы возможность существовать. Ясно, что без документов, хотя бы и фальшивых, без средств, без связей, когда человек находится на положении затравленного волка, нечего было и думать, на первых порах, о планомерной партийной работе.

Каждый из оставшихся в Архангельске партийцев знал, что рано или поздно его арестуют, а по этому все разговоры при встречах сводились к одной теме: надо или окончательно перейти на „прочное“ нелегальное положение и вести организованную подпольную работу или же бежать за фронт. Последнему намерению мешала наступавшая зима. Оставалось одно первое, а именно начать подпольную работу, а для большей продуктивности таковой необходимо было большинству прочно обосноваться на нелегальном положении.

Ведь нелегальное положение, при условии, что личность твоя мало кому известна — в то время было в смысле подпольной работы куда лучше легального. Легальные товарищи, как например, Теснанов, председатель Союза Транспортников или Прокушев, Председатель Союза Строительных рабочих — шагу не могли ступить, чтобы о том не знала белая

контр-разведка. Их постоянно окружали шпики и следили за всеми их действиями: заглядывали даже в их квартиры, наводили справки и чуть ли не нюхали их следы. Малейшая неосторожность — и легальному товарищу грозила гибель. Нелегальному же, если он имел возможность часто менять квартиры и документы, можно было все свое время отдавать подпольной работе.

Узнал так же, что из Печоры в Архангельск приехал член нашей артели тов. Калмыков; он был выдающеюся личностью. Идейный большевик, член партии с 1903 года, он отбыл две ссылки в Архангельской губернии, при чем последнюю отбыл в 1910 г. Полюбив Север, он до конца своей жизни находился в Архангельской губернии.

Направляясь с Печоры в Архангельск и, зная о нашествии союзников, т. Калмыков вел усиленную агитацию среди пассажиров и команды парохода против иностранных захватчиков.

По приезде в Архангельск он за свои открытые выступления против белых, администрацией парохода был передан в руки белогвардейцев и прямо с парохода водворен в тюрьму, из которой вскоре же, впрочем освободился. Позднее я узнал от какого то эсера, что его освободила комиссия по разбору правильности арестов, состоявшая из эсеров и видных общественных деятелей. Кроме Калмыкова этой комиссией были освобождены и другие арестованные, но вскоре и сама комиссия была „освобождена“ от своих обязанностей.

Розыскал Калмыкова. С Печоры он привез с собой выработанную артелью краску для сдачи городскому самоуправлению по заказу последнего, но ее при аресте захватил себе новый продовольственный комитет. Отправились туда с требованием возвратить или уплатить деньги. На нас цыкнули:

— „Знаем какая у Вас артель: большевистская. Большевики увезли хлеб, а теперь деньги нужны для уплаты за хлеб Союзникам“.

Другой присматриваясь к Калмыкову добавил...

— „А... я помню как ты выступал на митингах“...

Мы постарались убраться по добру по здоровому из комитета и более туда не заявлялись.

Большею частью я проживал в городе, но изредка посещал и д. Исакогорку.

Жили мы с т. Калмыковым без всяких документов, непрописанные, на одной квартире в Кузнечихе. Эта квартира была предоставлена т. Калмыкову его старым знакомым по Печоре т. Хвостенком, санитарным фельдшером, который в то время жил на даче и редко приезжал в город.

Мы с Калмыковым условились, что мы с ним лишь хорошие знакомые, но по убеждениям враги и о политике никогда не разговаривали друг с другом, т. к. это бесполезно.

Не имея продовольствия, мы вечно голодали и каждую минуту опасались быть арестованными.

В первые же дни интервенции белогвардейская печать заработала во всю. Появились газеты различных направлений: монархическая „Отечество", кадетская „Северное утро", эсеровская „Возрождение Севера" и др. Как из рога изобилия посыпались всевозможного рода воззвания — от правительства северной области, от союзников, от различных общественных организаций, от духовенства. И газеты и воззвания преследовали одну и ту же цель, а именно: травлю большевиков, и в то же время повели кляузную борьбу между собою. Кадеты обвиняли эсеров в большевизме, а монархисты и тех и других.

Жизнь начинала становиться бесцельной и нужно было найти какой нибудь выход. Мы строили различные планы, как бежать из Архангельска, но в то же время сознавали, что сделать этого нельзя, т. к. на Печоре у нас оставались товарищи, которых нельзя было бросить на произвол судьбы и оставить без всяких средств к существованию.

Решил изыскать средства и продолжать работу на Печоре и в Архангельске. В случае, если средства найдутся, решили—т. Калмыкову ехать на Печору, а мне остаться для связи в Архангельске. Так мы и сделали.

В случае неудачи в работе на Печоре решили организовано, всей артелью перейти Тиманский хребет и вступить в ряды красных войск. Но все же надежда не покидала нас, что скоро владычеству белых будет конец и в Архангельске снова будет Советская власть.

Нужно было выручать оставшихся на Печоре товарищей работавших в артели. *) Обратились в союз архитектурно-

---

*) В артели состояли: Бельтюков, Тепляков, Боев Макар — все коммунисты и кроме того другие.

строительных рабочих. Благодаря содействию коммунистов Прокушева, Чуева и др. союз выдал 9 тысяч рублей ввиде аванса под краску. С деньгами Калмыков по моему нелегальному паспорту отправился на Печору.

Считаю не лишним сказать несколько слов об этой поездке т. Калмыкова на Печору.

На морском пароходе т. Калмыков доехал до л/з б. „Стелла-Поляре“ в устье Печоры.

После падения Архангельска власть на Печоре несколько раз переходила из рук в руки и в продолжении нескольких месяцев белые не могли укрепиться на Печоре, где велась партизанская война.

Речные пароходы с устья Печоры не ходили в Устьцильму, так как в последней была еще Советская власть. Все пассажиры, приехавшие из Архангельска, ютились на морской пристани. И вот т. Калмыков среди пассажиров, рабочих лесопильного завода и местного населения повел усиленную агитацию против белых. Успеху этой агитации много способствовала та популярность, которую т. Калмыков приобрел среди местного населения еще в старые годы.

Крупные торговцы, кулаки и прочие приверженцы белых, не будучи уверены в завтрашнем дне и боясь за свою шкуру, не чинили препятствий т. Калмыкову в его работе, так что за короткое время, будучи один, тов. Калмыков успел создать значительное ядро из приверженцев сов. власти.

В это время в низовьях Печоры усиленно развивалась эпидемия испанки, этого подарка союзников, привезенного ими из-за границы в Россию. Люди умирали десятками и, вероятно, т. Калмыков стал жертвой этой болезни, хотя и возможна и другая версия, а именно: т. Калмыков отправился на барже вверх по Печоре и был по дороге задушен и ограблен.

Проверить тот слух не удалось.

Я остался в Архангельске. Положение было не из важных. Жить приходилось нелегально, без прописки, ночуя у знакомых или на Исакогорке. Средств к существованию не было — пробивался сначала поддержкой товарищей, а затем начал работать в столярной мастерской Союза архитектурно-строительных рабочих.

Жил я в это время под фамилией Васильева.

Вокруг мастерской началось наше об‘единение. Место для встречь здесь было удобное. Было много рабочих, часто приходили заказчики и посещения товарищей не могли резко бросаться в глаза.

Некоторые из них, неимевшие „ночевок“, часто оставались и ночевать в мастерской.

Здесь меня постоянно навещали товарищи: Рязанов, Прокушев, Теснанов и Вельможный, проживавший тогда в Архангельске после побега с Мудьюги. Часто собирались и на частных квартирах. На одном из таких собраний решено было начать подпольную работу, наладить связь через фронт с Советской Россией, организовать подпольную типографию, паспортное бюро. Нужны были средства. Решили приступить к выпуску на литографском камне „Чайковок“, но за отказом литографа К., вначале согласившегося, эту мысль пришлось оставить, несмотря на то, что для этого все было подготовлено: т. Закемовским был добыт литографский камень из типографии Павлова, а также необходимые литографские краски.

Удайся наш план, мы на дензнаки Северного правительства могли бы вести партийную работу и помогать заключенным, но из-за отсутствия специалиста и помещения для работы — этот план пришлось оставить.

Это было в декабре 1918 года.

В это же время с Печоры приехал Макар Боев в союз Архитектурно-строительных рабочих по делам нашей артели, главным образом — финансовым.

С Печоры тов. Боев*) ехал в качестве кооператора по поддельным документам. Пробираясь на подводах от станции к станции, тов. Боев случайно познакомился в пути с одним белым офицером. В дороге, как попутчики, они ехали вместе и т. Боев сумел даже подружиться с этим офицером, который стал звать его на службу.

Офицер был русский эмигрант, долго живший в Америке. В разговорах он вел себя тактично и даже сознавал, что большевики были правы. Имея такого попутчика, т. Боев вполне благополучно добрался до Архангельска.

Правление союза ассигновало опять некоторую сумму на поддержание артели. В артели в это время насчитывалось несколько челевек, из них трое коммунистов. Мы знали, что дни ея

*) Правильнее Баев, по среди тов. в Арх. было принято называть Боев.

сочтены, что членам артели рано или поздно придется перейти на нелегальное положение и тем самым ликвидировать ее. Поэтому решено было отказаться от обещанной союзом поддержки, отказаться от ссуды, а Боеву остаться на партийной работе в Архангельске.

Так мы и сделали.

Вскоре с Печоры были получены сведения, что оставшиеся там члены нашей артели т.т. Тепляков и Бельтюков и др. были арестованы.

Т. Бельтюков был взят Печорско-ижемскими бандитами под предлогом чинить пулеметы и, когда его везли, был заколот и брошен в крестьянский огород.

Т. Тепляков продолжительное время сидел в Печорской тюрьме, откуда его, под предлогом отправки в Архангельск, взяли бандиты, изуродовали и живым утопили в проруби на реке Печоре.

За работу Боев взялся энергично и скоро она начала налаживаться.

Для изыскания средств снова намеревались печатать „Чайковки" и были добыты вбольшом количестве продовольственные карточки, но все эти средства остались не использованными. Предполагалось пустить в ход и денежные знаки „Северная Россия", английского выпуска, один ящик которых при выгрузке с парохода был стащен грузчиками, но лица похитившие ящик, были не из тех, с кем можно было иметь дело.

Была также налажена техника производства нелегальных паспортов. Вообще мы пускали в ход все меры, которые могли бы вредить белым.

Вопрос о дензнаках, похищенных с английского парохода, было поручено выяснить т. Заплатину, но последний вскоре был арестован по Маймаксанскому делу (его обвиняли в организации Красной армии) и посажен в губернскую тюрьму. Узнав, что т. Заплатин вместе с т. Левачевым являлись вожаками Маймаксанских рабочих, белые рассстреляли обоих в сентябре 1919 года.

На одном из собраний в квартире Теснанова, в третьей Соломбальской деревне, был избран партийный комитет в составе т.т. Теснанова, Боева, Закемовского, Матисон и Рязанова.

Для наших собраний, подпольной работы и просто для ночевок в разных концах города мы имели около десятка

конспиративных квартир. Правда, все это были наши же собственные квартиры: Закемовского на Петроградском, Теснанова в Кузнечихе, Боева по Кевродьской, Дорогобузова на Поморской, Чуева на Соборной, моя у Глеба Кузнецова на Исакогорке и Близниной за Двиной в Кегострове. Квартиры, как это видно, мало надежные—почти все мы составляли тогда ядро подпольной организации. Была еще квартира по Новгородскому — хлебопекарня Хруцкого. Старик Хруцкий старался всем, чем мог, оказать нам содействие: сообщал нам все то, что мог узнать в кругу торговцев и обывателей, прописывал по адресному столу у себя наших товарищей, когда это было нужно, под видом пекарей, снабжал хлебом. В то время была карточная система и хлеб было доставать не легко, у Хруцкого жили на нелегальном положении т. Грудин и др.

Кроме этих квартир имелись еще и в Соломбале, и в Маймаксе, но ими редко пользовались, т. к. появление там постороннего человека, резко бросалось глаза.

Недостаток наших конспиративных квартир был тот, что они находились в домах, населенных исключительно беднотой — рабочими, мелкими ремесленниками и беднейшими обывателями. Находясь на окраинах города, эти дома, естественно, обращали на себя главное внимание контр-разведки.

Другое дело, если бы эти квартиры помещались в домах, занимаемых купечеством или служилой интеллигенцией — тогда там было бы более безопасно. Мы часто думали об этом, но удобного случая не представлялось.

Т. Закемовский предлагал купить в Кузнечихе или Соломбале, не помню хорошо, за недорогую плату старый домик, который был у него на примете, отремонтировать его и поселить в нем человека, не возбуждающего у контр-разведки никаких подозрений. В подвале же этого домика оборудовать типографию, а также вести прочую работу.

Идея была великолепная, но на осуществление ея требовалось много времени. Мы же твердо верили, что не сегодня — завтра владычеству белых придет конец и не хотели терять драгоценное время.

Был и другой план: одному или нескольким товарищам уйти в лесную избушку и там печатать прокламации, но такой избушки по близости не было, а дальнее хождение представляло большую опасность, т. к. кругом сновали шпики.

В январе приступили к оборудованию типографии на конспиративной квартире по Петроградскому проспекту, рядом со второй полицейской частью. Квартира была снята на имя Закемовского. Это была небольшая комнатка на вышке, совершенно изолизованная, с отдельным ходом со двора. Установлены были условные знаки: — есть на окне бумажная занавеска: — «можно входить»; нет занавески — «опасно».

Шрифт для нашей типографии достали из меньшевистской типографии «Труд», находившейся в Соломбале, в которой тогда печаталась меньшевистская профсоюзная газета «Рабочий Севера».

Дело в типографии долго не налаживалось. Закемовский хотя и был печатником, но никогда не работал вручную; не знал и постановки ручных типографий.

С помощью тов. Сапрыгина, работавшего ранее в нелегальных типографиях, удалось наконец оборудовать необходимыми принадлежностями типографию. По его указанию были приготовлены необходимые для напечатания валики — несколько Прокушевым *) в столярной мастерской союза и другие, стальные, братом Макара Боева. Мной была доставлена касса для шрифта, найденная на чердаке мастерской. Чтобы доставить ее на конспиративную квартиру пришлось распилить на четыре части и по частям перетаскать.

Процесс собирания типографии шел несколько медленно. Поэтому вначале прибегли к гектографу.

Гектографы мы изготовляли сами. Делали это таким способом: брали фанеру, размером немного более полулиста писчей бумаги, по краям фанеры набивали планочки, вставляли стекло и затем наливали приготовленную гектографскую массу, придавив ее и сверху стеклом же, чтобы придать поверхности ровный характер. Стекло потом снималось и гектограф был готов. Масса варилась из желантина и глицерина. Всего нами было заготовлено около 10 штук гектографов, чтобы в случае провала не тормо-

---

*) Прокушев в это время по ходатайству своего отца-старика, был временно отпущен из белой армии, куда был взят по мобилизации. Это освобождение было очень загадочно: в Архангельске за ним установили тщательную слежку, очевидно надеясь таким способом выудить кое-кого из нас. Но Прокушев вел себя умело, ловко увертываясь, когда нужно от преследователей.

зить дела. Приготовлялись они на квартире Дорогобузова по Поморской улице в д. № 24, где жил в то время Вельможный.

Первая прокламация, написанная Сапрыгиным, была отпечатана на гектографе в количестве 500 экз. размером в поллиста. Отпечатана в союзе транспорных рабочих Макаром Боевым и была распространена по городу Архангельску и Соломбале.

Ее содержание—призыв трудящихся к об'единению в рядах Коммунистической партии для борьбы с иностранвым вмешательством.

III. Через фонт. Работа в Архангельске.

В это время комитет чувствовал страшную оторванность, варился в собственном соку и настоятельная необходимость связи с центром, с партией, находящейся по ту сторону фронта, ощущалась очень сильно. Боев еще ранее высказывал желание переправиться через фронт. Поэтому комитет и поручил ему связаться в Советской России, с партийными организациями, дабы выравнять линию нашего поведения, собрать сведения о нашем положении по ту сторону фронта и добыть средства для организации. В попутчики ему наметил т. Вельможного.

Вельможный, впрочем, вскоре же был убит. Это было так: Накануне дня его смерти 11 января 1919 г. мы решили собраться в квартире Дорогобузова, где жил Вельможный. Я пришел на собрание вместе с Макаром Боевым. Собралось нас человек восемь. В этот же вечер Вельможного неожиданно посетил моряк. Ф. Никитин, знавший его по Мудьюжской тюрьме. Когда он ушел, Вельможный поморщась сказал:

— „Откуда он мог узнать мою квартиру?.. Не нравится мне это посещение — не надежный он... придется удирать должно быть“.

Никитин оказался агентом контр-разведки.

Под утро Вельможный был взят, по дороге в тюрьму пытался бежать и был застрелен конвоирами.

Контр-разведка разрешила гражданской жене Вельможного похоронить его, надеясь таким способом прихватить еще кое-кого из большевиков.

Мне было поручено доставить гроб. Гроб сделали в мастерской Союза Строительных Рабочих. Я взял мальчика из мастерской и под видом заказа повезли гроб на санках в больницу. В больнице нас встретила какая-то старуха очевидно—сторожиха. Я спросил ее:

— „Кому бабушка гроб заказывали?..

— „Кому, уж наверно большевистскому комиссару.

— „Не знаю...

— „Ну ты не знаешь, так я знаю.

И она схватила гроб и втащила в покойницкую. Я даже не успел и помочь ей. В след за старухой вошел в покойницкую я. Небольшая комната в два окна. На узких столах 5—6 гробов. В углу у окон прямо без гроба на столе лежал Вельможный. Лицо спокойное, такое же суровое, как и при жизни. Вокруг цветы, разбросанные любящей рукой. Казалось—спит Вельможный.

Я спросил старуху:

— „Где же бабушка, комиссар-то?..

— Вот он.—И она указала на труп Вельможного.

Вслед за нами в покойницкую вошел больничный поп отпевать покойников; с ним сторож.

Поп посмотрел на труп Вельможного и сказал:

— „По этому не буду панихиды служить. Большевик... Не приказано. Сторож почему то стал просить отслужить и по нем.

Поп категорически отказался:

— „Нельзя... Запрещено“... В покойницкую начали заглядывать какие-то подозрительные личности. Я постарался исчезнуть.

Вместо Вельможного, Боев взял с собой за фронт одного моряка, дезертировавшего от белых. С Боевым были отправлены карты расположенных белых войск, добытые из штаба при помощи т. Склепина и множество других сведений оперативного характера.

Перед от‘ездом Боева у меня на квартире в Исакогорке была устроена вечеринка, на которой присутствовали тт. Боев, Закемовский, Рязанов и слесарь Федорович,

служивший тогда на железной дороге. На вечеринке присутствовали и кое-кто из местных крестьян, приглашенных мною с целью отвлечь внимание контр-разведки. Здесь во время вечеринки нами и был окончательно выявлен способ переправить Боева с его товарищем через фронтовую полосу. Т. Федорович взялся достать соответствующе удостоверения и пропуск и отправить Боева с товарищем под видом рабочих для исправления моста.

В день от‘езда мы вышли втроем с квартиры Боева на Кевролъской улице. Я захватил в мешке литографский камень, находившийся у Боева. Тот самый камень, на котором предполагалось делать чайковки. Боев мне сказал: „Нужно вынести его отсюда, чтобы на случай обыска он не вызвал подозрений“.

Переправились через Двину. У одного знакомого беспартийного рабочего тов. Розмыслова Зиновия я оставил свой камень, засунув его в печь. На дежурке доехали до Исакогорки. Здесь Боев и матрос с инструментальным ящиком и полной коробкой провизии в руках сели в товарный поезд, предупредив машиниста, чтобы он остановился около моста: там будто бы предполагался ремонт.

Впоследствии Боев разсказывал, что они под видом рабочих благополучно доехали до моста, машинист задержал поезд и они выпрыгнули из вагона. Это было недалеко от передовых позиций белых. Фронт тогда был на ст. Обозерской. Выждав некоторое время, беглецы направились в глубь леса. Идти было трудно, снег был довольно глубокий. Не меньше дня шли они вглубь леса в сторону от полотна железной дороги, прежде чем повернули в направлении к фронту; предполагали, что от дороги отошли не меньше 12 верст и, стало быть, можно не опасаться сторожевых пикетов белых. По новому направлению шли еще два дня, пока не наткнулись на каких-то солдат. Спрятались в кусты. Но солдаты заметили, взяли винтовки на прицел; один даже спустил затвор, но получилась осечка, т. к. был довольно сильный мороз. Боев крикнул, чтобы не стреляли и приготовил на случай гранату. Солдаты закричали „руки вверх“ и подошли. Это оказались красноармейцы. Обезоружив и обыскав беглецов, они арестовали их и повели на караульный пункт.

Их приняли за белых шпионов и передавали с рук на руки. Добравшись таким образом до более крупной части, Боев потребовал, что бы его отправили в Вологду, где его могли признать за своего. Их отправили. В Вологде Боев вызвал т. Тимме и был освобожден.

После сделанного т. Боевым доклада его хотели послать в Петроград для освещения положения в Архангельске, кажется, перед Зиновьевым, но вместо него и уже к В. И. Ленину отправили тов. Цыкарева. Боев же, снабженный инструкциями и деньгами, под видом военнопленного, возвращавшегося из Германии на Печору, под фамилией Чуркина, снова стал пробираться в Архангельск.

Вся партия военнопленных в 10—15 человек, попав на передовую линию белых на фронте, стала белыми частями передаваться с одного участка ня другой и таким образом Боеву удалось собрать данные о расположении белых войск и о настроении в них. Были уже тогда заметны признаки начавшегося разложения.

В Архангельске он благополучно прошел через контрразведку и в числе прочих, пришедших вместе с ним, водворен в особую казарму. Здесь, из под караула, он выпросился в город—в баню и более не являлся.

Помню: я шел от Закемовского. Уже темнело. Слышу окрик: „Стой“. Оглянулся—Боев. Мы зашли к Закемовскому.

Доклад о своем путешествии и о положении в Советской России Боев делал на собрании в помещении совета профсоюзов в один из праздников. Присутствовали партийные и несколько вполне надежных лиц из беспартийных, в общем всего человек 20, не более. Тут были Теснанов, Оверин, Прокушев, Антынов, Турко, Закемовский, Матисон, Рязанов, я, несколько латышей - транспортников и матросов-радио-телеграфистов—Иванов и др.

Делая подробный доклад, т. Боев останавливался на событиях текущего момента в Сов. России.

Докладчику задавалось много вопросов: всем хотелось знать малейшие подробности о жизни и событиях в Советской России и все жадно слушали ответы докладчика.

На этом же собрании были установлены клички всем подпольным работникам. Всем вменялось в обязанность нигде и никогда не называть подпольников ни легальной, ни нелегальной фамилией.

При установлении кличек каждый предлагал для себя ту или иную кличку, в зависимости или от профессии или положения, или наружности.

Если предлагаемая кличка не соответствовала для данного лица, она давалась общим собранием.

Вот несколько кличек, оставшихся в моей памяти:

Волов Макар—легальная Боев.

Седой—легальная Сапрыгин.

Володя грузчик—легальная Теснанов.

Черный—легальная Закемовский.

Гармонист—легальная Рязанов.

Маляр—нелегальная Васильев, легальная—Юрченков и т. д.

Памятны мне также архангельские будни того времени. Буржуазия усиленно готовилась к военным действиям и каждый день на всех площадях Архангельска велось обучение национального ополчения, которое представляло из себя разношерстную толпу: тут можно было встретить и седовласого старца и безусого гимназиста и ожиревшего с громадным животом домовладельца, и испитого канцелярского чиновника, и бородатого лавочника и юркого приказчика.

Вся соль местной буржуазии и интеллигенции была в этом национальном ополчении.

В день нашего собрания на Сенной площади происходило занятие этого „воинства“, которое с гордостью показывало свое знание военного дела. А в это время архангельские подпольники под самым носом этих вояк устроили собрание и, выслушав доклад о положении дел в Советской России, намечали пути дальнейшей работы. На углу у нас стоял свой постовой—„Черный“—Сергей Закемовский, в рваном пиджачке и, делая условные знаки, по одиночке отправлял приходящих во двор.

Помню, я встретился у ворот этого дома с секретарем Профсовета Цейтлиным. Он поздоровался и спросил:—куда?

— Во двор...

Забота о конспирации этого собрания лежала на старом опытном подпольнике т. Теснанове, и собрание прошло с большим оживлением и успехом.

Привезенные Боевым 50 тысяч рублей были распределены на помощь арестованным, на приобретение оружия, на

агитацию и т. д. На этом же собрании был переизбран Комитет, в состав которого, насколько мне помнится, вошли: Тесланов, Рязанов, Боев, Закемовский и Иванов (моряк).

С этих пор работа снова оживилась. Оборудование типографии было закончено и уже были выпущены прокламации. Печатали, обыкновенно, Закемовский и я, иногда Боев. Во время работы валиком наша маленькая ветхая хижина вся содрогалась и мы всегда были в ожидании, что нас за работой накроет полиция, привлеченная необычайным грохотом. На случай набега полиции мы составили себе такой план действий: один из нас вылезает с чердака на крышу с гранатами и бросает их по набегающим, второй стреляет из двери. Во время паники полиции—выбираем удачный момент и скрываемся. Теперь этот план кажется очень рискованным и плохо осуществимым, но тогда мы, не задумываясь, осуществили бы его, раз он был нами принят. Но все прошло благополучно—типография не была обнаружена.

Тут же в типографии у нас хранилось и оружие, и гранаты, которые мы скупали у солдат, платя по 10 р. за гранату.

Помню, однажды, ко мне на квартиру, находившуюся на Поморской ул., пришел Макар Боев и принес громадную кипу бумаги. После чаепития он сказал, мне:—ну, теперь пойдем на работу.

Я быстро собрался и мы вместе пошли. На улице он сказал мне: ты знаешь, Гриша, мой план?

— Какой у тебя план?

— А вот какой: рано ли, поздно ли, а мы попадемся в лапы контр-разведки. Я, конечно, в первую очередь. И вот я решил живым в руки не даваться: сначала постараюсь уложить несколько шпиков, а последнюю пулю— себе.

Что я мог сказать ему на это? Не одобрить этого плана было нельзя. И все же до боли было жаль такой молодой энергичной натуры, такого честного, решительного смелого коммуниста, закаленного в подпольной работе. Много еще предстояло нам сделать и потеря его для нас была бы очень тяжела и чувствительна.

Растерявшись, я не нашел других слов, как только выразить ему сочуствие и лишь советовал быть благоразумным и не жертвовать собой сгоряча.

— Успокойся, ответил он мне: прежде чем я покончу с собой, я еще многое успею натворить.

Т. Макар Боев был полон молодой кипучей энергии и в противоположность нам, уже усталым измученным людям он, казалось, никогда не знал усталости и легко преодолевал все препятствия.

Наша подпольная работа не удовлетворяла его в полной мере—ему всегда хотелась чего то грандиозного, особенно—такого, что разом бы разрушило дряхлый старый мир.

Придя на конспиративную квартиру, мы стали печатать прокламации.

Типографией было выпущено три прокламации, форматом несколько менее полулиста; отпечатаны с одной стороны. Писал их Сапрыгин; душой же всей организации был тов. Боев. Прокламации разбрасывались в городе, В Соломбале, Маймаксе, на Исакогорке и среди солдат. Никто из распространявших в руки полиции не попадался. в Соломбале, однажды, при разбрасывании прокламаций в цирке, нагрянула было полиция, но товарищи успели благополучно исчезнуть, оставив все прокламации при входе в цирк, около цирка и внутри, среди публики.

Мне, обыкновенно, поручалось распространять прокламации на Исакогорке.

План разбрасывания и распространения прокламаций был таков: они разбрасывались на вокзале Архангельск—пристань и на всех остановках до Исакогорки—на Бакарице, Дамбе и Исакогорке—на расстоянии 10 верст.

Помню, однажды, при переходе через Двину, у меня явилась мысль, разбросать прокламации по дороге. За мной шел человек. Думал—не шпик ли! Но вошел что называется в задор и пустил несколько штук. На вокзале, за Двиной, было много солдат. Разбросал часть в темных корридорах, присел за стол и незаметно подсунул под него... Тут же на вокзале забежал к своему другу беспартийному рабочему. Он взял у меня часть прокламаций и разбросал.

В это время от города и по линии ж. д. безпрерывно шли и ехали белые солдаты и офицеры. На станциях—

Архангельск—пристань, на Бакарице и Исакогорке было много воинских частей, размещавшихся в бараках, так что жизнь в этом районе кипела ключем.

Уже на завтрашней день после разбрасывания можно было слышать, как говорили в народе, что у большевиков есть организации на каждой станции. Понятно, что говорилось это тайком, по секрету, т. к. каждый боялся за свою шкуру, зная, что за это придется пострадать.

На ст. Исакогорка я узнал, что наша прокламация появилась даже на дверях церкви, хотя и недолго там висела.

На второй день после разбрасывания прокламаций ни одной из них нельзя было найти, даже в снегу: все они до чиста были подобраны солдатами белой армии, так что наша цель была достигнута.

Прокламации разбрасывались также в городе—на улицах и кинематографах.

Памятен такой случай: у кинематографа Мулен-Руж собралась большая толпа солдат. По их разговорам можно было понять, что они недовольны своим начальством и вообще своим положением. Как сделать, чтобы наша прокламация попала им в руки? Прямо подойти и дать—опасно. Повертевшись около их, я незаметно бросил на землю к их ногам несколько прокламаций, а сам быстро ушел в сторону.

Как подбирали их, я не видел, но полагаю что они все разошлись по рукам—а это нам и нужно было.

Для распространения прокламаций в чайных приходилось их давать надежным людям, которые и разсовывали их по столикам.

В батальоне прокламации распространяли т. т. Федорович и Груничев. Последний, работая в столярной мастерской при штабе, ухитрялся очень удачно распространять прокламации среди солдат штаба.

В казармах кое кто из наших ухитрялся даже класть прокламации под подушки солдат; в авто-дивизионе прокламации распространял т. Чуев, который там служил.

Так велась работа в этом направлении...

В нашей организации были два моряка радио-телеграфиста с тральщика, который стоял тогда в Соломбале. Один

из них Иванов был членом Комитета, фамилии другого латыша не помню. На тральщике имелся радио-телеграф, и мы использовали возможность сношений по нему с советской Россией. Макар Боев, будучи по ту сторону фронта, условился относительно шифра для сообщений и привез с собой ключ. Помню это были какие то дробные цифры. Радио-телеграммы через фронт посылались нами довольно часто—о всяком выдающемся моменте или действиях военного характера—немедленно телеграфировалось за фронт. Так было сообщено о выступлениях членов профсоюза на митинге в 3-ю годовщину февральской революции на Судоремонтном заводе, а так же об отправке белыми очень значительных подкреплений по железно-дорожному и Двинскому направлениям, когда было послано много людей, двенадцать 6-дюймовых орудий, пулеметы и в громадном количестве боевые припасы. Вся эта радио-телеграфная связь лежала исключительно на Боеве: он составлял и шифровал телеграммы и держал связь с радио.

Так продолжалось до марта.

В марте как-то шли аресты в Соломбале. Отрядом войск был окружен и наш тральщик. Не знаю, кто был на нем тогда арестован, но радио-телеграфист Иванов оказался в числе арестованных подпольников.

Помню в день приезда Боева, в „больничном городке“ утром шли похороны членов союза водников. На похороны собрались родственники умерших и члены профессиональных организаций: Теснанов, Закемовский, я и еще кое-кто из товарищей решили также пойти на похороны. Это был единственный день, когда можно было свободно пробраться в „больничный городок“. На дворе груды гробов свеже-сколоченных, кострами и в одиночку... Все это Мудьюжане, замученные голодом, холодом, болезнями...

Среди них тогда же уже лежал тов. Диатолович.

Кому то из родственников выдали труп в заколоченном гробу. Со двора двинулась процессия к Кузнечихе на кладбище.

Двинулись за нею и мы. До самого кладбища процессию сопровождали агенты Миллеровской контр-разведки. Речей на могиле не было. Сосредоточенно, молча окружила могилу толпа, тихо опустили гроб, гулко застучали в крышку первые комья земли... Было жутко... Невольно думалось тогда, что и тебя и многих из здесь присутствующих ждет та же участь...

IV. Разгром организации.

С оживлением работы началась и усиленная слежка контр-разведки. Распространение прокламаций становилось делом рискованным. После ареста меньшевиков, выступавших на митинге Судоремонтного завода в день празднования Февральской Революции*), началась особенно бешенная расправа с заключенными. Боясь повлиять на участь арестованных товарищей (Бечина, Клюева и др.), мы воздержались от дальнейшего распространения прокламаций и таким образом их у нас осталось не распространенных около пуда.

Почти все из нас жили в то время нелегально, по подложным паспортам, бланки которых доставали из Архангельской уездной милиции по 50 р. за штуку. Прописывали их на Исакогорке и в Архангельске.

Прописка паспортов лежала на мне. „Личность, ты Юрченко, не внушительная“ —сказал мне кто-то из товарищей, когда встал вопрос о прописке: „тебе это и делать. Возись с контр-разведкой.“

Действительно, мой внешний вид не вызывал особых подозрений, да и кому нибудь нужно же это делать. Я взялся.

Для прописки паспортов в городе нужно было получить от контр-разведки разрешение на проживание в городе. Обычно контр-разведка давала разрешения только на один месяц. Но для того, чтобы получить такое разрешение— нужно, чтобы паспорт был прописан в одном из уездов Архангельской губернии. Для этой цели пришлось организовать прописочный пункт в деревне Исакогорке.

В деревне у меня была знакомая бедная старушка, очень радушная, гостеприимная. Я сговорился с ней. Она с охотой согласилась. Заберет старушка штук пять паспортов, домовую книжку (тайно заведенную от мужа-старика) и потащится в Лисестровский полицейский участок прописывать несу-

---

*) Митинг был многолюдный, присутствовало много рабочих. Выступали с-р: Наволочный, Гуковский, Цейтлин, Бустрем. Все они очевидно поняли, что ждать хорошего от „заграничных друзей“ нечего, и потому речи их были довольно неблагонамеренны, резки. Особенно резко высказался Бечин; он говорил, что за сигареты и консервы мы не продадим себя, Россию, пусть иностранцы не надеются.

После митинга все они попали в тюрьму.

ществующих квартирантов пильщиков. А через неделю их выписывает и вновь идет с новыми. Даже в участке заметили:

„Что бабушка у тебя часто квартиранты сменяются?“

— Да не живут долго... придут попилят дров и уйдут себе... А за квартиру, черти верховские не заплотят... Вот эти то, кажется, лучше будут...

У старушки всегда, в трудные минуты, находили приют и пищу наши затравленные товарищи, вынужденные на время скрыться.

Делалось это ею всегда душевно с радостной улыбкой.

Прописанные на Исакогорке паспорта, я по мере надобности, прописывал в городе. Обычно принимаю вид плотника, пильщика: за плечами короб или плотничий ящик, а иногда просто краюха белого хлеба под мышкой, которую тут же ковыряю пальцами и отправляюсь в контр-разведку. Смиренный вид человека, ищущего только работы, обычно, не вызывал сомнений и мои путешествия всегда кончались благополучно.

В марте был обыск в помещении профсоюзов. На чердаке было обнаружено несколько винтовок, о существовании которых никто у нас не знал. Эта находка послужила поводом для ареста тов. Теснанова, бывшего в то время Председателем Союза Транспортных рабочих. С арестом Теснанова партийная касса, хранившаяся у него, перешла к т. Сапрыгину, у которого находилась до апреля месяца, когда Боев взял у него через Матисон остатки для вторичного перехода через фронт.

Боев держался не очень конспиративно, и мы боялись, что его арестуют, тем более,что слежка усиливалась.

Новому порыву усиленной слежки способствовали следующие обстоятельства. Белыми властями вторично был поднят вопрос о разрытии братской могилы коммунаров на Набережной улице, чтобы выбросить их прах. В первый раз этот вопрос был поднят сразу же после переворота, но приостановлен, как говорили, вследствие того, что было получено письмо с угрозами. Такое письмо, действительно, тогда было послано Закемовским.

Помню рассказ тов. Закемовского. „Вскоре по приходе в Архангельск союзников, местная буржуазия начала агитацию за то, что нужно вырыть и выбросить из братской могилы тела похороненых там товарищей.

Около могил собралась большая толпа. Нашлись уже любители, которые побежали за лопатами: Узнав об этом, я написал несколько записок, содержание которых было приблизительно таково: „если кто посмеет совершить это подлое дело—вырыть из братской могилы похороненных в ней борцов, тот будет убит на месте“.

Записки эти были разбросаны в толпе, прочитаны многими и содержание их передавалось из уст в уста. В результате толпа струсила и никто не решился рыть могилу: каждый боялся за свою шкуру“.

Многое, что происходило в то время, осталось не записанным и сейчас трудно все восстановить в памяти.

Другое письмо властям послал Боев, угрожая поджогом Архангельска и заводов. Кроме этого были посланы угрожающие письма генералу Марушевскому и тот некоторое время менял свою ночевку. Это было установлено нашей разведкой.

Письмо т. Макара Боева не носило характера анонимного письма.

Много грандиозных планов выдвигалось М. Боевым, полагавшим, что помимо агитации нужно еще действовать террором и наводить панику как на контр-разведку, так и на русское и союзное командование.

Ни в оружии, ни в гранатах у нас недостатка не было, но одно обстоятельство удерживало нас от взрыва штаба, контр-разведки и др. учреждений белых: это то, что при каждом таком акте неминуемо были бы невинные жертвы. Например, кто нибудь из нас или сочувствующий нам мог проникнуть в здание штаба и заложить в печки гранаты, но какой результат получился бы? Пострадало бы, конечно, здание и, возможно, что кто-нибудь и из палачей, но последнего могло и не быть, а что невинные жертвы были бы, то в этом нельзя было сомневаться—при штабе не мало было солдат,—среди которых были даже сочувствующие нам. Их жизнью рисковать ни в коем случае было нельзя.

Проникнуть в контр-разведку, помещавшуюся в д. 106 по Троицкому проспекту было легко: в нижнем этаже этого здания производилась регистрация всех рабочих и крестьян, приезжающих из уездов и деревень для подыскания работы.

С 10 часов утра и до 3—4 часов вечера нижний этаж контр-разведки всегда был полон народа. Многие заходили туда прямо с вещами, так что мы также вполне легко могли занести туда в ящике все, что нужно для взрыва, могли поставить это куда угодно и, одним словом устроить взрыв здания, но какая от этого была польза?

Из своры контр-разведчиков могла погибнуть лишь часть и то не главные палачи, а мелкая сошка, какая-нибудь продажная гадина, ради которой не стоило затрачивать столько труда и средств. Но вместе с тем могло погибнуть и много невинных людей, что, конечно, мы не могли допустить.

Дела белогвардейцев на фронте были не важны; в воздухе носились какие то тревожные слухи. Правительство белых и их военное командование почувствовали что то не ладное.

Нам нужно было действовать энергично, но сил у нас было еще недостаточно. В войсковых частях никакой организации у нас не было—имелись лишь отдельные одиночки, которые находились у начальства на подозрении. Часто бывали вынуждены попадать на фронт и бежать в Советскую Россию. Так, например, перебежал через фронт т. Федорович.

Лучшие рабочие с заводов были или в тюрьме или на Мудьюге, острове смерти. Оставшиеся же не могли выступать организованно. И все же почва под ногами белогвардейцев дрогнула: русское и союзное командование засуетилось. Войсковые части по ночам не раздевались и находились в полной боевой готовности. Офицерство нюхало по всем углам и осведомлялось о настроении солдат.

Т. Чуев, служивший тогда в авто - дивизионе, сообщил нам, что у них был получен приказ—не раздеваться по ночам и быть готовыми. Настроение солдат было тревожное и подавленное: желающих сражаться со своими было мало, большинство же вовсе не желало стрелять в своих. Особенно ненадежной частью считался авто-дивизион, в котором служили большею частью рабочие — специалисты.

Особенное внимание было обращено штабом на заводы и на охрану тюрьмы. Броневики с пулеметами всегда стояли наготове.

Вскоре горячка прошла—ничего не случилось. Лишь в течении нескольких суток днем и ночью по улицам ходили броневики, очевидно, для острастки — белые делали вид, что они не боятся красных и всегда готовы встретить их, как следует.

Наши ряды в эти тревожные дни сильно поредели: из них выхватили многих лучших наших товарищей.

Вскоре после ареста Теснанова—была арестована в Заостровьи жена Рязанова--сестра милосердия Клавдия Алексеевна Близнина.

Когда в Архангельской и Мудьюжской тюрьмах эпидемия тифа и цынги приняла неимоверные размеры, власти забеспокоились. На Кегострове организовали новую тюрьму, куда свозили всех заболевших заключенных. Это была тюрьма—больница.

К. А. Близниной удалось поступить в эту тюрьму в качестве сестры милосердия. Положение заключенных было крайне тяжелое: болезни и голод десятками уносили их ежедневно в могилу. Многие, за отсутствием родственников по близости, принуждены были жить только на тюремном пайке. Ввиду этого наша организация ассигновала некоторую сумму на устройство передач и поручила это дело Рязанову. Через Клавдию Алексеевну и велись сношения с заключенными: передавались передачи, велась переписка. Иногда сестра устраивала и свидания кое-кому из нас с заключенными. Обычно это делалось так: пришедший на свидание проходил в комнату сестры на вышке барака, туда она вызывала к себе и заключенного.

Клавдия Алексеевна была скромный, незаметный и до самозабвения самоотверженный человек. Ее доброта, отзывчивость, самоотверженность оставили неизгладимое впечатление среди заключенных и нашей партии она была предана беззаветно. Память о ней долго не умрет среди нас. И в утро... 1 мая, когда она в числе „одиннадцати“ стояла на краю ямы на мхах, она не дрогнула. Смело твердым голосом бросила она своим палачам последние слова:

— „Будьте вы прокляты, палачи“...

Поводом к ея аресту послужило следующее обстоятельство. В тюрьме подготовлялся побег выздоравливающих товарищей. С одной женщиной было послано организацией письмо К. А., в котором устанавливался способ передачи в тюрьму заключенным гранат и револьверов. По неопытности, женщина передала письмо не лично Близиной, а через надзирателя. За Близиной следили. Письмо попало начальнику тюрьмы Брагину, затем в контр-разведку и... сестру арестовали.

Кроме комнаты на вышке при тюремном бараке Близина имела еще квартиру в деревне Голово, в Заостровьи. Там изредка проживал и Рязанов.

После ареста жены Рязанов долго не решался пробраться в Голову на квартиру, опасаясь засады, нужно было взять вещи, а главное, там хранилось оружие. Наконец, надумал. Мы долго его отговаривали

— Ничего... — отмахивался он:—не будет же там неделями сидеть засада.

Жил он в это время на Исакогорке.

Как-то под праздник приехал в Исакогорку и я.

В воскресенье рано утром приходит ко мне Рязанов и говорит:

— „Едем в город. Хочу попасть за Двину, на квартиру“.

Я стал уговаривать его не рисковать собой.

— „Пустое. Все безболезненно сделаю. И оружие и вещи достану. У меня там приятель сапожник есть, через него все и оборудую“.

В городе мы с ним зашли в столярную мастерскую, а затем он один уже отправился за Двину. Это была последняя встреча с Рязановым.

Ни я, ни другие т. Рязанова уже больше не видали. Впоследствии, сидя в тюрьме, я узнал от заключенных, что т. Рязанов обвинялся в шпионаже и в начале апреля был расстрелян на мхах.

Вскоре после расстрела Рязанова был арестован в Соломбале на квартире Прокушев, а на утро был сделан налет полиции в мастерскую.

Произвели обыск, арестовали мастеров и отправили в контр-разведку. Там на допросах всем показывали фотографическую карточку Рязанова и допытывались, к кому он ходил. Среди столяров народ был всякий. Некоторые отделывались незнанием и их держали месяца по два, другие прямо указывали на меня. Эти тотчас же отпускались. Были среди них и просто добровольные шпионы, но все это был народ „мелко-плавающий“. Существенно ничего они донести не могли.

Между прочим в этой же мастерской у меня хранились две виновки и тысяча патронов, переданные мне столяром Мухиным. Во все время владычества белых ни при одном из обысков они не были обнаружены. Только в 1920 году они вновь были извлечены и переданы в Горрайком.

В тот день, когда полиция производила обыск в мастерской, после растрела Рязанова, туда зашел Боев с кем-то повидаться.

Увидав полицию, Боев не растерялся, быстро подошел к конторщику.

— „Ну, шкаф готов?.“

Конторщик, недалекий малый, который обыкновенно и не знал, что делается в мастерской, бессмысленно обвел глазами вокруг и неуверенно протянул:

— „Нет... не готов“...

Боев повернулся и вышел, никем не задержанный.

Должно быть потом кто то шепнул, что был Боев. Полиция была раздосадована.

После ареста Рязанова я в мастерской уже не работал и занялся окраской баржи, стоявшей на реке Двине.

Однажды ко мне на баржу пришла жена, приехавшая из Исакогорки и сообщила, что Боева на квартире ждет полиция. Я бросил работу и отправился розыскивать Боева. По пути зашел в мастерскую. Заведующий мастерской Желудовский встретил словами:

— „Уходи скорее... Была контр-разведка... Спрашивали о Рязанове... ищут Боева“...

Распрашивать подробности некогда. Снова пошел разыскивать Боева, но моя беготня была безуспешна.

На Петроградском увидел Закемовского. С своей невестой он нес какую то тяжелую корзину. На встречу им шел морской офицер. Подойти на глазах офицера к Закемовскому я

не счел нужным и шел за ним несколько в отдалении, сзади. Из корзины Закемовского что то выпало. Офицер поднял. „Ну,—думал я,—влопался Закемовский". Поровнялся с офицером. Он улыбаясь протянул книжку Бурцова о большевиках, изданную в Англии. С этой книжкой я приблизился к Закемовскому. Оказалось, что Закемовский уже знал о произведенных арестах и сейчас очищал конспиративную квартиру. В корзине лежал шрифт, валики, гранаты, оружие. Я взялся за корзину. Тяжесть была солидная. Понесли сначала к знакомому латышу-транспортнику Антыню, но он собирался уезжать в Латвию.

Тогда с Набережной отправились на Печорскую и там на одном дворе, с разрешения знакомого мне старика рабочего, зарыли корзину в снежный сугроб

Через несколько дней узнали, что Боев арестован. При каких обстоятельствах—было не известно.

Помню неожиданную встречу с ним на углу Троицкого проспекта и Поморской улицы. Он стоял с каким то суб'ектом. (Как оказалось потом—это был шпион-конвоир, сопровождавший его из тюрьмы. Боев упорно выдавал себя за спекулянта и должен был доказать свое знакомство с торговым миром. Этим и об'яснялось его присутствие на углу). Я приблизился к нему, тихонько окликнул. Он повернулся и недовольным тоном произнес:

— „Чаю не хочу, а сигарет нет".

Я сообразил и отошел. Я знал, что он арестован, арестован, как коммунист, и его путешествие по базару казалось несколько загадочным. Думал—„почему он не уйдет от шпика; ведь в толпе легко скрыться"...

Издали последил я за ними, пока они не скрылись в толпе толкучки. Втайне я надеялся, что Боев уйдет.

В эти же дни Боева встречали и другие, напр. Желудовский, но при встречах он отворачивался, старался пройти незамеченным. Потом Боев скрылся в конце-концов от этого суб'екта.

Это произошло так. Толкаясь по базару, Боев завел охранника в чайную на углу Театральной и Набережной. В этом же здании помещался союз транспортных рабочих. Боеву были знакомы все входы и выходы, охранник же был очевидно впервые. Боев удрал.

Тогда же он решил перебраться через фронт в Советскую Россию, но был выслежен; при аресте на квартире Матисон в Кузнечихе оказал сопротивление и не то во время перестрелки убит, не то застрелился сам. В этот раз была арестована и Матисон, а через несколько дней на конспиративной квартире арестовали и Закемовского.

Вещи Закемовского были поручены одному из квартирантов, живописцу Клопову, проживавшему в нижнем этаже этого дома. Бедняк рабочий—он был безобидным малым.

Как то мы встретились с ним, и он стал рассказывать мне об аресте Закемовского и оставшихся после него вещах, порученных на хранение ему, Клопову. В разговоре он заметил, что он меня часто видел заходившим зимой к Закемовскому. Пришлось замять разговор и дать Клопову понять, что об этом нельзя говорить:—ты, наверное, опознался: я к Закемовскому не ходил...

Так и оставили этот вопрос.

Как-то в апреле ген. Марушевский, чтобы изловить окончательно всех большевиков и сочувствующих им, выпустил об'явление, по которому все оставшиеся на территории Северной Области большевики и сочувствующие им, должны зарегистрироваться в контр-разведке. Все зарегистрированные будут отправлены в Совесткую Россию, скрывшиеся же большевики, при обнаружении, будут предаваться военно-полевому суду.

Это наглое об'явление, имевшее целью выловить всех большевиков и сочувствующих им, и в то же время показывавшее, что дела белых очень хороши и они ни в ком не нуждаются, приводило в восхищение буржуазию.

Читая об'явление вслух на улице, местные буржуи открыто восторгались:

— Ай, да Марушевский! Вот молодец!

Были случаи, что на удочку Марушевского попадались некоторые, слишком доверчивые люди. Из нашей организации попал т. Антынь. После разгрома организации он записался, в надежде уехать в Латвию, был арестован и в ночь на 1-е мая расстрелян в числе 11—на мхах.

В число желающих ехать в Сов. Россию могли записываться и военные. В связи с этим происходили такие сцены: на Троицком перед об'явлением останавливается группа солдат. Читают и смеются:

— Вишь, гады. Хотят поймать нас на удочку. Нет, сволочи, номер не пройдет!

С этими словами солдаты идут дальше.

Много толков было в народе по поводу этого об'явления. Безусловно, желающих ехать в Сов. Россию было много, но большинство угадывало приготовленную им ловушку и знало, что вместо Советской России они попадут „на финляндку“ (губернская тюрьма), а отсюда на Мудьюг или на мхи.

При записи едущих в Сов. Россию, им предлагались коварные вопросы, например:

— Какую вы власть признаете?

— Признаете ли Советскую власть?.

(Согласно об'явления выехать могли лишь большевики и сочувствующие им, т. е. лица, признающие Советскую власть).

— Зачем едете в Совдепию?

— Ваше сословие, специальность, где проживали, партийность, есть ли в Совдепии родственники, кто они, где живут и т. д. и т. д.

Много мытарств испытывали записавшиеся, попав в лапы контр-разведки. Лишь незначительная часть их, безусловно безвредная для белых, после тщательной фильтровки, получила возможность выехать в Советскую Россию.

Мне лично пришлось видеть картину их отправления из Архангельска: партию уезжающих, под усиленным конвоем, провели по улицам Архангельска и по С. Двине до вокзала. Этапом командовали белые русские офицеры. Конвоиры шли с обнаженными шашками, точно вели самых закоренелых преступников. Не сладка, вероятно, была уезжавшим такая прогулка: у многих, наверное, в мозгу копошилась жуткая, тревожная мысль:

— А вдруг... Вместо родины да английские пулеметы. От белогадов всего можно ожидать!

Знаменитый приказ генерала Марушевского о выезде желающих в Сов. Россию был издан 10 апреля 1919 года.

Незадолго до ареста Закемовского я с ним встречался раза два в квартире Дорогобозова на Поморской. Он тогда жаловался, что шпики не дают ему проходу— слежка идет отчаянная.

—„Наверно, скоро арестуют... Вызывают в полицию повесткой." Вид у него был истомленный, измученный. Мне показалось тогда, что и к собственной судьбе своей, к возможному аресту, он относится безучастно. Он устал.

Арестовали его на старой квартире, где была раньше наша типография. Он направился туда, также, как Рязанов, чтобы из'ять кое-что из оставшегося там. Раньше он арестовывался неоднократно, но как-то благополучно отделывался. На этот раз его, Прокушева, Теснанова и других в числе 12 человек ждал военно-полевой суд.

Судили их в ночь под первое мая.

Вот, что рассказал мне об этом суде тов. Желудовский, находясь в карауле тюрьмы.

—„Часов в 10 вечера к нам в караульное помещение ввели двух женщин. Одна была Близнина, другая Матисон. Вид был бодрый, неунывающий.

—„Сегодня нам суд будет"—сказала одна из них.

Другая добавила:

—„Да. И последняя прогулка—Май на мхах встречать будем".

Обе стали разговаривать и шутить с ополченцами-караульными, как будто их ничего впереди не ждало.

Через некоторое время из мужского корпуса вывели десять заключенных, среди *) них я увидел Прокушева, Теснанова. Поместили их в нижний этаж того же корпуса, в темную камеру.

Часов около 12-ти в тюрьму прибыли прокурор Дуброво и три офицера в английском обмундировании. Офицеры были пьяны, прокурор трезв, лет 35-ти. Одежда на

---

*) Среди этих десяти были: Дмитрий Аристархович Прокушев, Карл Эдуардович Теснанов, Сергей Александрович Закемовский, Фриц Эрнестович Антынь, Ян Юрьевич Розенберг, радио-телеграфист Иванов. Фамилии остальных трудно сейчас установить по документам тюремного архива, т. к. по рапорту начальника тюрьмы за 1—2 мая значится убывших 16-ть человек и кто из них судился в ночь под первое мая—неизвестно.

нем была штатская. Проходя в контору, прокурор увидел среди караульных домовладельца Корельского, с которым очевидно был знаком раньше, остановился и разговорился. До меня долетели обрывки их разговора:

— „Да нужно с корнем вырывать ... красная зараза... Я раньше безразлично смотрел, а теперь, когда, знаете, моя жена в Режице натерпелась от них, я теперь иначе стал... Именно с корнем...“

В первом часу начался суд.

Первым провели Теснанова, вторым Прокушева, третьим какого-то молодого высокого человека. *)

Так одного за другим через каждые 7-8 минут выводили на суд. Через полтора часа суд кончился. Одну из женщин **) увели обратно в корпус, другую оставили на крыльце конторы под охраной конвоя.

Осужденных мужчин опять по одиночке перевели в камеру смертников и поставили надежных ополченцев, в том числе Корельского. На суд и с суда они шли одинаково бодро.

Ночь была пасмурная. Стлался холодный туман. Было жутко, тоскливо, безрадостно.

Часа в три, на рассвете, вывели всех на двор. Вокруг конвой. Оставленная на крыльце женщина сиротливо сидела на ступеньках, зябко кутаясь. Два конвоира взяли ее под руки, хотели поднять на ноги. Она оттолкнула их и твердо прошла в кольцо к своим.

Я приблизился к группе осужденных, смущенный. Что-то хотелось сказать, сделать, выразить сочувствие... Тут были Прокушев, Теснанов, Закемовский, которые меня знали еще на воле...

Прокушев, улучив минуту и не обращаясь прямо ко мне, прошептал:

—„Всем привет, прощальный. Осторожно сообщи жене. Поддержи товарищей“...

---

*) Радио-телеграфист Иванов; под какой фамилией он числился в тюрьме—не установлено.

**) Матисон; суд приговорил ее к расстрелу, но „помиловал“, заменив расстрел 20-ти летней каторгой—за несовершеннолетие.

Теснанов, боясь за меня, остановил Прокушева.

Через 10 минут из конторы вышел комендант города Чаплин.

—„Пошли“...

Ворота настежь. Кому то из осужденных стало дурно. Теснанов взял его под руку, поддержал:

—„Не падай духом... Умирать идем“...

Еще раз обменялись прощальными взглядами. Они пошли в недалекий, но вечный свой путь...

Минут через 40 до тюрьмы долетел звук первого отдаленного залпа, за ним второй. Потом затрещали одиночные безпорядочные выстрелы и смолкли...

Все было кончено...“

А вот как описывает Иван Боговой последние минуты осужденных*) по дошедшим до него рассказам от арестованных, которые рыли яму и при расстреле стояли невдалеке от место казни:

—„Поставили в ряд на краю ямы. Поодаль от ямы стояла группа арестованных, которые под ударами плеток и прикладов, рыли могилу для своих товарищей.

Пока расставляли приговоренных к расстрелу и взвод солдат, т. Теснанов успел крикнуть группе стоящих поодаль, окруженных конвоем арестованных товарищей:

—„Товарищи, передайте всем сидящим в тюрьме товарищам, наш последний привет. Расскажите им, как мы встретили 1-е мая“...

И офицеру:

—„Знайте палачи, мы умрем, но наше дело останется живым .. Придут, товарищи, они отомстят за нас“...

Офицер занервничал, заторопился:

—„Готово... Прямо по цели... взводом... паль-ба...“

Движение, винтовки вскинуты:

—„Взвод.. Взво-о-о-о-д...“

Взвод прицелился.

Спокойны осужденные. Гордо смотрят они на направленные в них в упор дула винтовок... Вот... вот... сейчас грянет залп и оборвется нить жизни. Умирать не страшно, когда знаешь, за что умираешь.

Из десятка грудей вырывается дружное:

*) В настоящее время описание И. Богового подтверждается документами

—„Да здравствует Советская Респ...“

„Пл-лиии...“—выкрикнул офицер и отпустил шашку.

Нестройный залп. Эхо ответило где-то на окраине.

Шеренга стоявших на краю ямы подалась вперед и бесформенной массой упала в яму. Часть убита на повал. Часть ранена. Стоны... проклятия...

Резкая команда: „Добить!“...

Заработали приклады, штыки, каблуки...

Когда на мхах расстреливали наших товарищей, одни из ополченцев, охранявших тюрьму, торжествовали, другие же имели какой то виноватый подавленный вид. Очевидно, им было не по себе: они чувствовали себя причастными к убийству, к пролитию невинной крови наших погибших товарищей.

На другой день утром мы узнали от очевидца, что 1-е мая, праздник труда, был обагрен кровью борцов за счастье трудящихся, что 11 человек наших товарищей—не стало. Многим, пережившим кровавые дни белогвардейского гнета, и теперь памятен этот страшный день.

Так было ликвидировано ядро нашей организации. Вновь создать и наладить работу было уже невозможно. Связи рассыпались.

Я продолжал скрываться, работая маляром и проживая то в городе, то на Исакогорке. В мастерскую Союза часто заглядывать избегал. От шпиков в эту пору не было прохода.

Когда наиболее активные товарищи из нашей подпольной организации были арестованы, над оставшимися нависли тяжелые тучи: мы каждую минуту ожидали ареста. Придешь, бывало, на квартиру, а хозяева говорят:—сегодня приходили контр-разведчики... Под видом квартиронанимателей.

Иногда при заглядывании в „сомнительные“ квартиры контр-разведчики придумывали и другие предлоги — и вообще не стеснялись в средствах, как выследить и поймать тех, кого им надо. Они использовали для своих целей—и уличных детей, и торговцев, и проституток, и прислугу, и домовладельцев... Иногда они действовали так открыто, что нахальство их всем бросалось в глаза: например, в вечерние часы, когда рабочие шли по домам,

шпики стояли на окраинных улицах по углам, под видом газетчиков и следили за прохожими. Это повторялось изо дня в день, трудно поверить теперь, но это было так.

Я был выслежен окончательно и за мной всюду шествовали по-пятам шпики. Близость ареста казалась неизбежной. Было ясно, что контр-разведка пока не арестует меня из своих соображений, надеясь использовать, как клубок ниток.

Как то встретился с Чуевым. Задумали бежать через фронт. Сапрыгина уже не было в Архангельске; как потом оказалось, он уехал на Печору,

Стали готовиться к побегу и мы, оставшиеся.

V. Побег из Архангельска и арест.

В конце июня 1919 г. все было готово к побегу. Собрались бежать я, Чуев, Дорогобузов, Груничев и Махоньков (последние два дезертировали из белой армии). С конспиративной квартиры Закемовского были взяты с большим трудом при помощи кровельщика Копалина спрятанные там архив организации, печать и бомбы. Копалин оказался агентом контр-разведки и о плане нашего побега сообщил туда. В нашей квартире после этого долго рылись, рыли даже во дворе землю, но ничего кроме старых прокламаций не нашли.

Бежать нам помог некий Афоня Федосеев из дер. Косковой горы, находящейся верстах в 50-ти от Архангельска вверх по Двине. Афоня снабдил нас документами для проезда на пароходе и взялся увести наши вещи. Дорогобузов, Груничев и Махоньков выехали в Коскову гору на неделю ранее нас с Чуевым. Мы остались в Архангельске, чтобы достать карту Архангельской губернии и денег от строительных рабочих.

Через неделю я, Чуев и с нами Афоня ехали на пароходе в Коскову гору. Там ждала нас контр - разведка, предупрежденная о побеге Копалиным. В Коскову гору контр-разведчики прибыли на особом катере. Случайно наш пароход пристал к берегу на версту ниже деревни. Мы вышли все трое. Какой-то мальчик сообщил Афоне, что его в деревне ищут солдаты. В то же время мы заметили

вдали едущих к пароходу велосипедистов. Инстинктивно почуяв недоброе, мы наскоро простились с Афоней и направились в глубь леса. В лесу разыскали наших спутников и отправились в путь. Афоню же долго допрашивали о нас шпики. Он был потом арестован и в конце концов очутился на Иоканьге.

По карте мы взяли направление на Косковские озера. Шли по компасу.

Первое время шли бодро, чувствовали себя превосходно. Донимали только кучи комаров. Шли обычно днем и вечером, а под утро укладывались на мягких мхах. Иногда по утрам бывали холодные утренники. В дороге, во время остановок, в озерах, которых на пути встречалось много, да в небольших лесных речушках ловили рыбу. Удочки и лески наши были запасены еще в Архангельске. Ловля рыбы значительно экономила скудные запасы провианта, но все же эти запасы постепенно таяли, пока, наконец, на девятые сутки не исчезли окончательно в наших желудках их последние остатки. Пришлось питаться одной рыбой. Но и то не долго. Все удочки были порваны о зацепы в озерах. Пробовали „глушить“ рыбу гранатами, но и тут ничего не вышло. Очевидно взрывы гранат, брошенных в воду, были недостаточно сильны: раздавался только гул по озеру, вырывался вверх водяной столб, а рыбы на поверхности не появлялось.

Стали питаться ягодами, сырыми грибами, древесной корой.. Силы быстро начали таять. Отощали, ослабели, еле двигали ноги...

На 18-й день на одном из озер в лесу заметили старика рыбака. Я и Чуев отправились к нему просить хлеба. Старик сказал, что хлеб у него в кошеле на другой стороне и что он сейчас привезет. Чуев хотел сесть на плот и плыть за хлебом вместе со стариком, но я, чтоб не напугать старика, отговорил Чуева.

„Привезет“—говорил я Чуеву.

Старик уехал и не вернулся.

Сил идти голодным дальше—не было. Решили добыть хлеба в близлежащей деревне Гбач на р. Пинеге. Я и Чуев, как более бодрые, пошли. Остальные остались в лесу. У Чуева и у меня с собой было по нагану.

Деревня была не особенно далеко. По задворкам пробрались в один из беднейших по виду домов. Попросили хлеба. Вместе с хлебом нам дали и молока. Мы бросились уничтожать и то и другое. В это время дом, где были мы, окружили белогвардейцы; часть их ввалилась в избу и мы оказались среди наведенных на нас со всех сторон винтовок. Оказывать сопротивление было бессмысленно. Да и все внимание было поглощено едой. Мы, не отрываясь, не прожовывая, глотали кусок за куском. В замешательстве нас сразу забыли даже обыскать. Обыск был поверхностный, однако у меня нащупали наган. Вытащили. Наган у Чуева не заметили.

Солдаты приняли нас за красноармейскую разведку и с угрозами требовали указать, где скрываются остальные красноармейцы. Очевидно, рыбак уже успел сообщить в деревне, что нас не двое. Мы стояли на своем, что идем только двое.

Постепенно в избу набрались и крестьяне.

Из толпы кто-то крикнул:

— „Обыскать их!..“

Вторичный обыск. Нашли наган и у Чуева, да еще по две пачки патронов.

Толпа зашумела:

— „Убить их, краснокожих!“

— „Чего с ними таскаться—пристрелить!..“

Раздавались советы и более миролюбиво настроенных:

— „Представить по начальству... Там рассудят...“

Вдруг толпа притихла. В избу протискался офицер молодой прапорщик. Он увел нас к себе, напоил чаем и допрашивал главным образом о том, кто еще с нами был. Мы отвечали одно—„нас двое“.

После допроса нас отправили из Гбача в Пинегу в сопровождении двоих партизан из крестьян. В Пинеге передали в англо-русский контроль, во главе которого стоял отличавшийся высшей жестокостью граф Новицкий—офицер английской службы, бывший в Канаде на усмирении негров.

Наших конвойных он жостко встретил:

— „Зачем вы эту сволочь привели? Не могли в кустах приколоть!“...

И затем, разглядывая нас, пробурчал:

— „Где-то я эту сволочь видел... Ну да ладно!.. Я с'умею разделаться... Разместить по одиночкам!..“

Мы очутились в клоповнике. Деньги отобрали. Выдавали $^1/_4$ ф. хлеба и $^1/_2$ фунта гнилой сайды в сутки.

Начались допросы.

Мой первый допрос прошел мирно. На втором, когда я продолжал упорствовать, что мы шли только вдвоем и к родным—я получил сзади крепкий удар прикладом в спину, затем другой, третий... Сбитый с ног в дверях, я под ударами покатился вниз по леснице...

На допросе я мельком услышал, что еще двое попались. Мелькнула мысль—если взят архив, карты — конец ясен.

На следующем допросе отвечал то же, прибавив только, что шли вчетвером.

На одном из первых допросов на столе перед Новицким лежало что-то накрытое сверху салфеткой. Думал—евангелие. Во время допроса офицер, обращаясь к Новицкому, спросил:—„Открыть“.

Новицкий махнул рукой:

— „Нет, ему не нужно“...

Так это и осталось для меня загадкой.

Допросы длились обычно часа по четыре подряд. Спрашивали от кого шел, куда, какие поручения были, кого знаешь в Архангельске. Я указывал обычно фамилии „именитых“ граждан—купцов, попов, заводчиков... Тогда прикрикивали:

— „Из рабочих кого знаешь?..“

Все допросы сопровождались жестокими избиениями, вплоть до потери сознания. Записей допроса никаких не велось.

Особенно мучителен был один допрос. Новицкий, засучив рукава с остервенением бил меня по голове, по лицу, в бешенстве выкрикивая:

— „Говори сволочь!..“

Бил долго... Устал, задохнулся... Отдохнул и... снова принялся бить. По лицу у меня струилась кровь, в глазах ходили зеленые круги, я еле стоял на ногах...

Устал и Новицкий. Вызвал офицера и солдата.

— „Подзаймитесь с ним!..“

Опять пытка.. Сначала приставили револьвер к виску, потом опять бить. Били рукояткой нагана по голове, какой-то стальной линейкой... Я упал... В ход пошли сапоги...

Новицкому должно быть надоело.

— „Я иду к генералу. Вы продолжайте... разделаемся после“...

Схватили за палец на правой руке, поволокли по полу...

Дали передохнуть, отдохнули сами... Потом опять допрос, опять избиение...

Ушел наконец, и офицер. Со мной остался один солдат.

— „Признаться бы вам, ребята, откровенно,—дипломатически начинает он:—себя мучить не будете и других не заставите так с Вами поступать. Голодать не будете... Дадут службу... ведь, поди, семейства у вас. Я вот сам от красных“...

— „Это все верно, говорю,—но что же сказать, если того, что им нужно, не было?..

Опять появился Новицкий и офицер.

— „Ну, скажешь?

— „Что я могу сказать? То, что требуете от меня, не было, не было!.. Лучше покончите со мной, не мучьте!..“

— „Знаем мы, что с вами делать!..“

Отвели в одиночку. Рядом сидел Чуев. Вскоре ко мне в камеру ввели крестьянина Лыткина, арестованного за то, что его сын из Архангельска бежал к красным. В одиночку Чуева была щель. Я нацарапал обломком стекла небольшую записку, выжидая удобного момента для передачи. Надзиратель Семенов, уже отличившийся убийством одного арестованного крестьянина, обнаружил мое намерение, ворвался в камеру избил меня, а отобранную записку передал в контр-разведку. Вскореявился Новицкий—накричал, нашумел. С перепугу старик Лыткин заплакал и стал проситься в другую камеру. Просьбу его, конечно, не удовлетворили, а охрану нашей камеры усилили особо приставленным полицейским.

После побоев я совершенно разболелся: изнуренный, обезсиленный, я еле в состоянии был двигаться по камере; временами от изнеможения терял даже сознание.

Мой изуродованный палец, за который меня возили при допросе, по полу, сильно разболелся: началось нагноение. Один из надзирателей, очевидно сжалившись, позвал ко мне без ведома контр-разведки врача, что здешними порядками не разрешалось. Врач дал совет больше быть на воздухе (?) и велел придти в больницу. Новицкий, узнав о посещении врача, отдал приказ не оказывать никакой помощи.

В районе Пинеги в то время было затишье. Контр-разведка тяготилась бездельем. В пересыльной сидели только мы с Чуевым, да в комендантской сидело еще человека четыре. Поэтому то одного, то другого из нас постоянно таскали на допросы. Впрочем, кроме нас у контр-разведки было и еще дело. Ежедневно с утра на дворе обычно собиралась толпа из окрестных крестьян за получением пропусков... на полевые работы. Дело в том, что никто из крестьян в это время не имел право выходить за околицу своей деревни без специального на то разрешения, а как раз был самый разгар полевых работ: стояло жнитво. Поэтому все крестьянство с утра тянулось толпами в контр-разведку за получением пропуска на свое поле. Иногда откуда-то сверху раздавался грозный окрик Новицкого и толпа испуганно шарахалась со двора.

Как-то в начале августа меня вызвали на допрос и продержали всю ночь. На допросе я должен был рассказывать всю свою биографию, с самого детства. Я, конечно, рассказал, выбросив из нея всю нелегальщину. Мое долгое отсутствие в эту ночь в камере было принято как расстрел и все оставшиеся ждали той-же участи и для себя.

На следующий день нам выдали по полфунта хлеба и отправили в Архангельск. Надо полагать, что наша отправка произошла по вызову из Архангельска, иначе проще было бы с нами покончить расстрелом в Пинеге. Отправили пять человек: Чуева, Дорогобузова, Махонькова, меня и еще одного солдата Старкова, бежавшего из Дайеровского полка, здоровеннейшего молодого детину. Наш прежний пятый спутник Груничев так и не нашелся. Он вероятно после наших арестов, где нибудь погиб

Сопровождали нас три конвоира. В напутствие был отдан приказ—дорогой не разговаривать.

До Устьпинеги шли пешком. Дорогой Дорогобузов рассказал, что его в Леуново арестовала толпа крестьян. Архив организации и печать он успел бросить в болото. Дайеровец строил планы побега: предлагая нам на одном из привалов убить конвоиров и бежать. Но мы были настолько бессильны, что не могли бы и вдвоем справиться с одним конвоиром.

На второй день, вечером пришли в Усть-Пинегу. Здесь стоял Английский штаб. В селе нас встретили солдаты—англичане. Наше появление вызвало среди них непонятное для нас движение—они засновали по селу. Вскоре прибежали переводчик и офицер, взяли нас от русского конвоя, отвели за село к биваку английских солдат, которые жили в палатках, и приставили свой караул. Мы не понимали—что все это значит. Наши конвоиры были тоже не меньше нашего удивлены.

Всю ночь, голодные и холодные, мы просидели у бивака под открытым небом.

Английские солдаты то и дело подходили к нам, что-то толковали, возмущенно кричали, показывали на лес руками, очевидно угрожая расстрелом. Иногда тот или иной, отстранив часового, давал кому нибудь из нас пинка... Мы сидели среди них, как затравленные зверки.

Утром повели на допрос к английскому генералу. Допрашивал через переводчика, каждого в отдельности. Спрашивал то же, что и в Пинеге, но... без побоев. Еще до допросов мы поняли, что нас приняли за „Дайеровцев“. Да один из нас пятерых и был дайеровцем. Не за долго перед тем в Дайеровском полку, состоявшем под командованием английских офицеров, было восстание. Восставшие перерезали англичан—офицеров и часть полка разбежалась. Нам стало понятно—для чего нас перехватили англичане от русского конвоя и тот прием, которым нас угостили в прошлую ночь.

Пробыли мы у англичан недели полторы. Убедившись очевидно, наконец, что мы не Дайеровцы, нас под конвоем русских отправили дальше, в Архангельск. Последнюю ночь, когда уж решено было нас отправить и когда убедились, очевидно, что мы не дайеровцы,—отношение к нам резко изменилось. На нас не кричали, устроили нам

палатку, послав в ней на землю брезенты, принесли консервов, сигарет, шоколаду. Один пожилой солдат долго возился около палатки, заделывая края ея, что бы не дуло.

Наконец мы в Архангельске, в „Финляндке". Здесь опять допросы...

В тюрьме нас допрашивал какой то полковник. Прежде, чем допросить нас, он вел агитацию, говоря, что большевикам не устоять—силы их слишком слабы, а их со всех сторон окружают крупные хорошо с'организованные и великолепно вооруженные силы. При допросе этот офицер вел себя тактично и не проявлял грубости. Протокол он написал очень краткий. Между прочим он спросил меня, знаю ли Рязанова. Я ответил, что не знаю—и это было записано им в протоколе. Странно было, что он не настаивал на том, что я должен был знать Рязанова, т. к. это хорошо было известно контр-разведке и все донесения последней были у него под руками. У других товарищей, арестованных по одному и тому же делу, он также мало допытывался о всей подноготной их дела и нам стало ясно, что нас допрашивал во всяком случае эсер, а не монархист. Впрочем все эти допросы производились тогда больше для виду. В то время уже началась горячка расстрелов, причем в большинстве случаев расстреливали солдат, как пленных красноармейцев, так и своих—за восстание, за подстрекательство и агитацию, за отказ идти на фронт и т. д.

По следственным материалам мне стало ясно, что нас пытаются связать с подпольной организацией...

Потянулись томительные тюремные дни. Режим и питание в тюрьме были еще сносны, но нервировали страшно постоянные расстрелы. Аккуратно два раза в неделю, после военно-полевых судов, заседавших в тюремной конторе, из наших рядов выхватывали обреченных...

Расстрелы производились при таких условиях: в известный день вся тюрьма уже знала, что сегодня будет военно-полевой суд, уже с утра тюремная администрация одевалась, как на парад—по праздничному; в тюрьме шла какая то суета—тюремщики шныряли, хлопотали, точно готовились к великому празднику. Помещение тюремной конторы подготовлялось для суда.

Среди арестованных шли разговоры, что „сегодня будет Шемякин суд“ Нервы у всех были напряжены до крайности, особенно у следственных: никто из них не был гарантирован, что его не отправят на этот „Шемякин суд“. Ведь бывали случаи, что человека, арестованного за пустяки или даже не знающего, за что он арестован, выводят на военно-полевой суд и он больше не возвращается в тюрьму.

Спокойнее всех чувствовали себя осужденные на каторгу, хотя были случаи, что и их, отменяя каторгу, предавали военно-полевому суду. Вся тюрьма волновалась и нервничала.

Военно-полевой суд происходил всегда вечером, часов в 8, когда уже начинало темнеть: к тюрьме, пыхтя, подкатывали автомобили и высаживали палачей, которые шли в тюремную контору. Затаив дыхание, тюрьма в жуткой тишине, ждет—за кем то сейчас придут, чья то будет сегодня очередь погибнуть на кровавых мхах.

Вот слышен топот нескольких пар ног... Это идут за подсудимыми... Слышно, как подходят к какой то камере. Визжит в скважине замка ключ. Надзиратель выкликает по фамилиям: такой то, такой то—одевайся выходи.

Если вызванный медлит одеваться или тихо зашнуровывает ботинки, его торопят:

— Ворочайся живее. Не надо шнуровать. И так живет.

Палачи знали, что вызванный все равно пойдет на мхи, а умереть он может даже и в незашнурованных ботинках и даже босиком.

Снова топот ног—арестованных уводят. Снова тишина и томительное ожидание—кого то выхватят сейчас из наших рядов, кто-то будет новой жертвой.

Несколько раз тюремщики уходят и снова возвращаются за обреченными на смерть.

Недолго длится военно-полевой суд... С наступлением полного ночного мрака, к тюрьме гремя и дребезжа, под‘езжал грузовой автомобиль... Открывались тюремные ворота, осужденных выводили на автомобиль и он увозил их по направлению ко мхам.

Еще немного ожидания—и в ночной тишине где то на мхах гремит залп. Затем одиночные выстрелы... Все кончено... Страшное дело совершилось.

Нам в губернской тюрьме сидеть пришлось не долго, но и за такой короткий срок из нашей камеры вызвали на военно-полевой суд человек восемь и никто из них не возвратился.

За последнее время стали расстреливать от 5 до 12 человек за одну ночь.

В те дни, когда тюрьма узнала о знаменитом побеге из Мудьюжской каторжной тюрьмы, она с нетерпением ждала известий,—кто бежал, сколько человек бежало.. Строились даже предположения, что бежавшие двинутся на Архангельск и попытаются соединиться с сидящими в губернской тюрьме, взяв таковую приступом. Но вскоре все надежды изчезли, как дым: в тюрьму привели нескольких беглецов с Мудьюги и посадили в одиночки. Со дня на день они стали ожидать себе расстрела

Услышали мы также весть, что на Мудьюг выехала следственная комиссия, вернее шайка палачей, чтобы учинить там суд и расправу. Так оно и вышло: несколько человек, из которых некоторые были вовсе непричастны к побегу, были расстреляны на берегу моря...

Белый террор гулял во всю: расстреливали везде, где только было можно расстреливать: на фронте, в губернской тюрьме, на Мудьюге, в уездных тюрьмах.

С уходом „избавителей“ союзников, местные власти растерялись. Чувствуя, что почва под ними окончательно колеблется, они пустили в ход последнее средство—свинец, а дальше полуостров смерти Иоканьгу.

VI. На Иоканьге.

Месяца через полтора по прибытии нашем в Архангельскую тюрьму, Дорогобузова и Махонькова отправили заложниками в Англию, а еще через неделю из тюрьмы была отправлена партия арестованных человек в триста на Иоканьгу. Отправился и я с Чуевым.

Это было 26 сентября.

Рано утром, часов в пять, вся тюрьма была поднята на ноги. Выдали хлеб, по фунту на человека. Все насторожились. Что будет? Строились разные предположения... С рассветом раздалась команда:

— „Одева-айсь, выходи! С собой ничего не брать!“

Зашумели, задвигались... Многие наученные горьким опытом, кое-что забрали: кто чашку, кто ложку сунул в карман. Одеты были в разную рвань, тряпье, очень легко, по летнему. Некоторые имели лишь рваные арестантские бушлаты поверх рубах, иные не имели и этого.

На дворе выстроили; окружил большой отряд конвойных, вооруженных винтовками и гранатами. Командует офицер с провалившимся носом. Устроили перекличку. Тяжело больных посадили на подводы. Гнусавым голосом офицер прокричал напутствие:

— „Во время хода не разговаривать, в стороны не смотреть, назад не поворачиваться!.. Замечу — открою огонь!“

Раскрылись ворота и быстрым шагом, в рваной обуви и валенках, зашлепали по лужам и грязи триста пар ног. Шли к Смольному Буяну. Многие не в силах были идти так быстро. Слышались стоны, окрики конвоиров— „не разговаривать“, да с панели неслась гнусавая угроза офицера „открою огонь“. Изредка встречались прохожие, останавливались, рассматривали нас. Офицер набрасывался:

— „Арестую! Вместе пойдешь!..“

К Смольному Буяну тянулись родные и знакомые, услыхавшие об отправке арестованных. Никого из них конечно, не допустили.

Всю партию загнали на пароход и заперли в трюм.

Трюм был загружен мокрыми с илом бревнами, на которые мы и уселись, вплотную прижавшись друг к другу: ни лечь, ни пройти не было никакой возможности— такая была теснота.

Темно, холодно, сыро, грязно, духота и теснота невообразимая. Пароход вывели на реку и поставили на якорь. После полудня пошли вниз по Двине.

На острове Мудьюге нагрузили каторжанами второй трюм и опять пошли морем.

Куда? мучительно старались разрешить мы. Ответа не было. Только слышался глухой плеск моря. То волны лизали борты парохода.

Некоторые высказывали предположения, что везут заложниками в Англию.

Духота страшная. Безнадежно раскрываются рты, вздымаются измученные груди, втягивая в себя испорченный воздух; глаза стекленеют, головы обволакиваются туманом, кружатся. Люк открывается редко и то не для проветривания.

Так двое суток.

За всю дорогу через люк нам бросили на всю партию три банки „бишек" (бисквит), по две-три бишки на брата.

В конце вторых суток пароход остановился. Раздалась команда: „Выходи!"

На верхней палубе начальник Мудьюжской тюрьмы Судаков, с своими сподвижниками. Знакомых по Мудьюге он встречал возгласом: „А, сволочь, попался!.."

Мудьюжская тюрьма после побега из нее заключенных ликвидировалась и вместо ея теперь открывали новую на полуострове Иоканьга по Мурманскому побережью. Туда нас теперь и водворили с мудьюжанами. До нашего приезда сюда уже были завезены дисциплинарники, которые и подготовляли тюрьму к приезду арестованных. Их молчаливые фигуры, склоненные над работой, были видны с парохода. Нас выстроили, пересчитали и повели к жилищам.

Кругом голые скалы. Растительности никакой. Дует пронизывающий ветер, да с моря надвигается туман. Холодно, жутко. То и дело слышится тюремное выражение: „придется загнуться". В нем определение неизбежности смерти...

На полуострове было несколько строений: громадный фанерный барак, уже занятый дисциплинарниками, несколько неуклюжих амбаров и складов и конусные землянки, осыпанные щебнем.

Нас разместили в землянки. Внутреннее устройство ее таково: вокруг стен нары шириной в рост человека, по средине саженный проход с досчатым полом. Под нарами пол земляной. По средине печь и лампа коптилка. В углу у входа ничем не отгороженная 40 ведерная „параша". Стены с большими щелями в углах, в небольших окнах стекла выбиты.

В землянку загнали около двухсот человек. На нарах, даже вплотную, всем поместиться нельзя. Некоторые приспособили доски под крышей—устроили „голубятню", иные разместились прямо на полу, в проходе.

Первый день проморгали голодом—ничего не дали. Утром атмосфера в землянке была ужасная. Параша текла, содержимое разливалось по полу, под спящих...

Выдали по 1/4 фун. консервов и с полфунта хлеба на человека.

Для удобства получения пайка арестованные разбились на десятки и каждый десяток выбрал себе старшего.

Тюремный день был таков:

До полудня выкликали трех человек за хлебом. Принесенный хлеб делился по десяткам. Старший десятка, получив хлеб, тщательно делил его на десять равных частей, взвешивая каждый паек на самодельных, специально приспособленных для этого весах. В это время все стояли вокруг и, затаив дыхание, молча смотрели на его работу, следя, чтобы никто не мог получить больше другого. И все же, несмотря на такой контроль, многим казалось, что его паек меньше, чем у другого.

Получив паек в 1/2 ф. твердого, как камень, хлеба, каждый задумывался—что ему с ним делать: с'есть ли сразу или в несколько приемов. Некоторые с'едали сразу, другие растягивали на весь день, но все равно результаты получались одинаковые—вечно пустой желудок, вечно мучительный голод. Ведь „суп", который приносили в полдень, нельзя было назвать даже бурдой. Это была голая вода, в которой плавало несколько микроскопических кусочков сала и несколько крупинок. Все мясо или сало, весь жир с'едался начальством, конвоем, поварами, а арестантам доставалась одна соленая вода, покрытая кой где маленькими блестками жира... И все же даже такой „суп" считался драгоценностью и при самом строгом контроле разливался равными порциями в „посуду", каковой служили различные банки из под консервов, найденные в помойных ямах. Еду давали один раз в день. Затем приносили ушат кипятку—и больше ничего. Снова мучительное ожидание завтрашнего пайка, долгие часы голода и мучений.

Немудрено, что все мысли и разговоры вертелись вокруг одного и того же—вокруг пищи. Как бы поесть, хотя раз, но досыта.

Многие, чтобы не расходовать зря энергию, старались лежать и не шевелиться. Впрочем и ходить то было трудно в такой тесноте. От истощения у многих кружилась голова. Силы таяли с каждым днем—лица желтели, носы заостривались, глаза точно проваливались в глазные впадины.

Зимний день на Мурманском побережье бывает не больше 5—6 часов, а все остальное время царит грозная непроглядная полярная ночь. С наступлением сумерок на на первых порах, конвой выгонял арестованных на двор, на поверку. Только в это время арестованные и могли дышать чистым воздухом и видеть окружающую природу—голые угрюмые скалы вокруг и над ними мрачное темное небо. После проверки снова всех, как стадо, загоняли в барак и снова тянулись жуткие часы голода, тоски и отчаяния.

Что будет впереди—никто не знает, но для всех понятно одно, что мы заживо погребены, что мы погибли.

Первое время после поверки можно было еще посидеть несколько часов, но вскоре и этого не стало. Начался непрерывный сон или, вернее, кошмар. В продолжении 18 часов в сутки нам запрещалось вставать с нар. 18 часов в сутки мы должны были спать, очевидно для того, чтобы сделать организм более восприимчивым к цынге.

Начальника тюрьмы можно было видеть на поверке не иначе, как с револьвером в руках и с большой толстой палкой, висевшей на ремне.

Всегда его сопровождали подручные, готовые всякий момент наброситься, как звери, на попавшуюся им жертву.

И так потекли дни за днями—среди грязи и тьмы паразитов, среди холода, молчания и неподвижности, не жизнь, а сплошной кошмар, наполненный горячным бредом.

VII. Иоканьгские будни.

Всем было ясно, что „загнуться придется“. Это был особый вид истребления—„измором“. Для расстрелов нужны были формальности, видимость какой-то „законности“, да и толков много они вызывали у населения... Здесь же медленно, но верно тюрьма делала свое дело.

Всего на Иоканьгу было доставлено на трех пароходах около полутора тысяч заключенных, которые были размещены в двух бараках и трех землянках.

На работу брали, только из „Американского“ барака, где помещалось около 600 человек. Остальные круглые сутки сидели под запором. Работа заключалась в обслуживании тюрьмы и в постройке нового барака. Связи между бараками и землянками почти не было.

Кроме голода, холода и несметного числа паразитов был еще и ужасный режим: из бараков не выпускали, прогулок и бани не было, стража держалась вызывающе.

Я сказал, что бани не было. Разве можно было назвать баней то, когда мыться гонят сразу по 40 человек и почти половине не достает шаек? Одни только успеют оплеснуть свое тело водой, другие только успеют раздеться, как уже раздается команда—„одеваться“.—И большинство, не успев помыться, идет обратно с проклятиями в душе, с бешеною ненавистью к палачам, придумавшим такое издевательство.

Белье наше не стиралось и вряд ли даже кипятилось: скорее, оно только замачивалось и потом сушилось. Были и такие случаи, когда одна партия, помывшись, оставляла грязное белье в бане, а другую заставляли одеть это же белье—с глумленьем и насмешками. Что только мог придумать подлый изощренный в жестокостях мозг палачей—тюремщиков, все было пущено в ход с целью развить среди нас смертность. И все это происходило еще в первые дни. А что было дальше?

Среди арестованных начался ропот, перешедший в открытые возмущения. Стали поговаривать о восстании. Все равно—в таких условиях долго не выживешь! Это чувствовалось каждым из нас. В нашем десятке, помещавшемся в центре землянки, частенько велись разговоры на эту тему. Выдвигались всевозможные проэкты...

Нужно сказать, что среди арестованных было порядочно уголовных и даже белогвардейцев, попавших на Иоканьгу по недоразумению—„своя своих не познаша“. Поэтому было неудивительно, что в число организаторов восстания попало несколько и сомнительных лиц.

Подготовка к восстанию проходила довольно открыто. Нашлись добровольно согласившиеся вести переговоры с часовыми. В другие бараки были посланы воззвания. Особенно старался за восстание некто Климовский, оказавшийся потом предателем. На одном из наших совещаний о восстании мнения разделились—одни были сторонниками начать восстание во время поверки, другие—ночью, при помощи подговоренных часовых. Большинство остановилось на первом. Поверка сначала начиналась с „американского“ барака, где сидели дисциплинарники, затем переходила к нашей землянке. Мыслили так: как только поверка начнется у землянки, часть заключенных бросается на конвой и надзирателей и разоружает их; другие бросаются в караульное помещение и захватывают остальных конвойных; на обязанности остальных заключенных—обезоружить часовых у бараков, выпустить всех заключенных, захватить Судакова и прекратить работу радио-станции. Если бы побег удался—предполагали захватить вооружение, продовольствие, одежду и отправиться по Мурманскому побережью за фронт.

Были выдвинуты и руководители восстания: Соколов П. Ив , Васильев, флотский лейтенант и другие— одни военными руководителями, другие по хозяйству и т. д.

Были также распределены роли во время восстания—что кому делать и намечен способ действия во время похода: захват ж/д станций, набеги, добыча вооружения и продовольствия. Все участники восстания и похода должны были подчиняться строгой военной дисциплине.

И несмотря на то, что впереди были тысячи опасностей—непроходимые дебри, голые скалы, дикие тундры, полярные морозы, болезни и пули белых—все же этот план манил и захватывал всех арестованных. Ведь не все ли равно, где погибать—здесь ли от голода, цынги и истязаний, или там под открытым небом от мороза, болезни или в бою с врагом. Иного выхода не было.

Так толкало нас отчаяние. Но червь ли сомнений в исход восстания, жажда ли жизни с ея отдаленными надеждами на лучшее или что-то другое—удерживали от решительного шага. Незаметно просачиваясь, поползли неопределенные слухи, что скоро положение улучшится, что увезут в Архангельск. . Число приверженцев побега начало таять...

К тому же и действительно вскоре положение некоторых арестованных несколько улучшилось: пришел пароход из Архангельска, многие получили посылки. Пошли разговоры, что будут часто приходить пароходы, будут посылки, воскресли надежды на лучшее..

Всем этим пользовались предатели и, шушукаясь по ночам, стали подбивать малодушных перейти на их сторону, т. е. оставить мысль о побеге и безропотно повиноваться во всем палачам. В воздухе стали носиться различные слухи... Чувствовалось, что то неладное... Было об'явлено всем участникам заговора, что все разговоры о восстании прекращаются, особенно с посторонними, интересующимися подробностями. Среди последних было не мало продажных душонок, извещавших тюремщиков о каждом нашем шаге. И хотя все кругом замолкло, всем было ясно, что нас продали.

Мысль о восстании пришлось оставить.

Тогда у некоторых из заключенных явилась мысль—бежать через подкоп.

Выбраться через подкоп можно было лишь одному или двум десяткам и то при условии, что удастся снять часового. Но что предстояло дальше? Далекий неведомый путь по голым угрюмым скалам, лютая стужа и гибель. Правда, плохо верилось в удачу: слишком мало было сил для того, чтобы выбраться с каменистого пустынного полуострова голодным и раздетым людям. Порой казалось, что—там, на угрюмых, скалистых берегах, средь снежных бурь и ветра нас сторожит смерть. Но... было все равно!..

Подкоп повел татарин Габасов.

Но вскоре и этот план рухнул: кто то донес по начальству, что из нашей землянки ведется подкоп.
Снова в воздухе запахло чем то неладным. Ночью около нашего окна стали появляться конвоиры. Старый тюремщик Мамай во время поверки стал обходить землянку и, вероятно, заметил оседавшую землю... Чувствовалось, что вскоре что то должно стрястись. Так оно и случилось.

Седьмого ноября, в неурочное для посещений время, в нашу землянку вошел помощник начальника тюрьмы с толпой конвоиров и вызвал по списку двенадцать чело-

век: Чуева, Соколова, Подшивалова, Пробушевского, Баландина, Филиппова, Майкова, Носова, Малыгина, Хамеляйнена, Габасова и меня. Мы стали собираться. Среди остающихся слышались восклицаниия:

— „Эх, счастливчики!.. В Архангельск увезут!..“

Мы же понимали в чем дело: все мы собрались бежать. Было ясно, что наше намерение стало известно начальнику через сидящих вместе с нами предателей (потом оказалось, что этим делом в нашей землянке занимались Шишков, Коробов и др.).

Нас привели в холодный пустой барак. Через некоторое время к нам втолкнули еще пятерых—одного из них Губинского (председатель сельсовета со ст. Шелекса, вскоре же умершего), с раздавленным животом, из которого вываливались внутренности. Это была работа палача Судакова, начальника тюрьмы, только что произведенная им на дворе. Вслед за ними врывается сам Судаков и винтовкою в руках и с ним целый отряд. Началось избиение. Били прикладами, рукоятками револьверов, свалившихся—сапогами. Хамеляйнену—Судаков раздробил прикладом кость ноги, отчего он впоследствии умер, а Соколову старший надзиратель Грачев, правая рука Судакова, пробил рукояткой нагана голову...

Во время избиения Судаков приговаривал—„а, сволочи... Вам бежать, бежать!..“ Бил прикладом по ногам и наставлял дуло винтовки в грудь.

В этот день был праздник Николая чудотворца, и кроме того жена Судакова была именинница. Весело праздновали палачи: и сам Судаков и конвоиры—все были пьяны.

Выходя после избиения из землянки, Судаков сказал конвоирам: „без моего разрешения ни пить, ни есть им не давать. Пусть дохнут с голоду или замерзают. При малейшем шорохе открывайте по ним стрельбу“.

Сутки мы просидели голодом, без воды. Вечером на другие сутки какой то сердобольный дежурный, вероятно, на свой риск, помимо Судакова, приказал занести нам ушат с похлебкой и велел как можно быстрее уничтожить содержимое ушата. И без его приказания мы моментально бы сделали это: изголодавшиеся, иззябшие, мы жадно нанулись на это пойло и в один миг очистили ушат.

Снова настала жуткая томительная ночь. Холодно... В щели всюду дует. Теплой одежды нет... Некоторых выгнали раздетыми, босиком. Пришлось делиться с ними последним тряпьем.

Ужас закрадывался в сердце... Никто не знал, что ждет нас впереди..

Ночью слышали беспорядочную стрельбу. Стреляли по баракам. Стали ждать и своей очереди. На утро выяснилось: стреляли по „американскому“ бараку; убито человек 10, много ранено; от ран многие потом умерли. Все это мы узнали от переведенных в наш барак из „американского“ офицера Васильева и других.

С этих пор режим стал еще суровей: Судаковым был отдан приказ при малейшем шорохе в бараке открывать по нем стрельбу. Поверка производилась на дворе, около барака.

Порядок поверки был таков: нас было человек 30, конвоиров приходило человек 40. Нас выгоняли на снежный двор, многих босиком, и выстраивали в шеренгу. Судаков ходил из конца в конец и, тыча некоторым под нос наганом или концом палки, говорил речь, приблизительно такого содержания:

— А, сволочи. Бежать хотели?. Сгною... Заморю... Убить меня хотели?.. Но всевышний господь спас меня. Я комендат Иоканьгского полуострова, я царь и бог. Ваша жизнь в моих руках. Достаточно мне сказать этим молодцам—пли,—вас не станет.

Конвоиры в это время держали ружья на изготовке.

— Но расстрелять вас—продолжал Судаков:—слишком много чести для вас будет. Я вас и так заморю. Заживо сгною. Выдайте виновников — тогда иной разговор будет. Я знаю, что вы не все виновны... А не выдадите—ну, тогда, сволочи, держитесь.

Он, издеваясь, подолгу держал нас на морозе, то угощая нас длинными речами, то просто осыпая нас руганью и всевозможными угрозами. Многие не имели совершенно никакой обуви и стояли на снегу босые.

В одном Судаков был прав: среди нас, действительно были чужие—малодушные нестойкие люди, с сомнительным прошлым. Если бы они знали инициаторов заговора, они несомненно продали бы их, но, к счастью, они этого не знали.

Кончив речь, он делал знак—и нас снова загоняли в землянку—пинками и ударами прикладов.

Размер нашей землянки был 10—12 кв. саж. Внутренность ея представляла такой вид: когда-то здесь были двойные нары, но затем были сломаны и от них остались жалкие остатки, на которых мы кое-как приспособились спать. Лежавшие на досках избегали поворачиваться с боку на бок, так как при этом доски скрипели, а достаточно было малейшего шороха, чтобы по землянке стали стрелять. Большинство спало на полу.

Ночью некоторые бредили. Часовые снаружи, слыша их бред, кричали:—Сволочи! Не сметь разговаривать! Стрелять буду!

Каждую минуту мы ждали, что вот, вот начнется пальба. Куда деваться? Хорошо еще, если сразу убьют. А если только ранят? Сколько тогда страданий, нечеловеческих мук. Было отчего сойти с ума.

Однажды нас выгнали всех в баню и, конечно, помыться не дали. В ту же ночь услышали, что вверху над нами под крышей кто то сидит и слушает наши разговоры. Не знаю, что мы говорили тогда, но вряд ли шпион мог услышать что нибудь серьезное: все были настороже и не говорили лишнего слова.

Люди с уголовным прошлым, посаженные в нашу землянку с целью шпионажа, не выдержав ужасных условий, в каких мы находились и, боясь за свою шкуру, стали просить конвоиров, чтобы их отправили к начальству. Просьба их была, конечно, уважена. Мы снова ждали пыток и избиений; но оказывается предателям не о чем было доносить—они указали только—у кого находится жалкий ножичек. Был сделан обыск и все эти вещицы были у нас отобраны. Серьезного повода для новых пыток и издевательств палачу Судакову с его сворой так и не представилось, за исключением установленнойсистемы—избиения прикладами.

Как-то приехал тюремный инспектор Гумберг. Человек 10 из нас он вызывал на допрос по поводу нашей подготовки к побегу, но ни от кого ничего не добился.

Однажды во время пребывания на Иоканьге Гумберга, ночью опять послышались выстрелы. Обстреливали сосед-

нюю половину нашей землянки, при чем одного из заключенных убили. Не удовлетворившись обстрелом, ворвались в барак и произвели избиение, которое произошло таким образом: в землянку ворвалось несколько десятков конвоиров, скомандовавших: „все закрывай головы!“ Начали бить прикладами. Во время избиения один старик нечаянно поднял голову и за это получил такой удар прикладом по голове, что вскоре после этого умер. Ждали и мы своей очереди. Слышим палачи толпой валят к нашему бараку Раздается голос Судакова, спрашивает у часового: а эта сволочь не собирается бежать?—„А вот в этом углу господин начальник, иногда разговаривают“ ответил часовой.

Ну, думаем, пропали! И вдруг—к нашему счастью, они прошли мимо. Никаких видимо причин для избиений не было. Избивали так просто, по системе, чтобы показать тюремному инспектору, что арестованные неспокойны и что с ними нужно вести борьбу.

На следующий день к нам на поверку явился вместе с Судаковым и Гумберг.

— „Вы опять мутите, теперь уж через стенку! Из-за вас опять человека убили!“ и т. д.

И ушел.

А Судаков принялся грозить, что нас следовало бы по настоящему-то расстрелять, но так как среди нас могут оказаться и невинные, то расстреливать он не будет, а... так сгноит всех.

После поверки всех загнали в барак и опять жестоко избили. Больше всех в этот раз пострадали офицер Васильев и Пробушевский. Васильев был избит кулаками, а Пробушевского начальник бил палкой до тех пор, пока вся палка не изломалась.

Так мы сидели суток около сорока, почти ежедневно слушая речи Судакова и получая зубатычины и удары прикладов. И даже стали привыкать к ним. Лишь где-то в глубине души таилась надежда, что когда нибудь всем этим издевательствам будет конец.

Прошло еще несколько дней.

Из нашего барака вызвали Соколова, Чуева, Васильева (офицера), Габасова, Гроссмана, Подшивалова, Малыгина, Решетникова и др., всего тринадцать человек.

Когда отобрали 13 человек, остальных перевели в другую землянку, а эти 13 человек некоторое время сидели в той же землянке—и лишь дней через десять их увезли в Александровск.

Все они были отправлены пароходом в Александровск на Мурмане, как оказалось потом, на военно-полевой суд. Впоследствии они остались живы до переворота.

Среди арестованных в каждом из бараков находилось по одному, а то и более предателю, докладывавшему по начальству о всем, что делается в бараке. Стали несколько осторожнее. В нашем бараке занимался предательством какой то уголовный. Он обнаглел до того, что самолично избивал арестованных. „Пришить“ *) же его, — значило подвергнуть весь барак обстрелу и жесточайшим побоям. Было бессмыслено платить такой ценой за „гада“, тем более, что вместо него администрация подсунет нового.

После открытия заговора поверка ни в одной землянке уже не производилась и никого на двор больше не выпускали.

За хлебом из нашего барака ходил вышеупомянутый уголовник, который брал еще 2 человек по своему усмотрению. Режим оставался все тот же. С улицы постоянно слышались угрозы часовых открыть огонь по бараку. Кроме площадной брани и названия „сволочи“ мы не слыхали от конвоиров никаких других слов и 18 часов в сутки, не видя света, должны были лежать во мраке измученные, больные, голодные.

Лишь одно повседневное занятие помогало нам коротать время—это истребление насекомых, которых было так много, что работы хватало на каждый день.

Через некоторое время нас перевели из барака во вновь выстроенную тюрьму. Постройка ее только что была закончена, лес сырой, промерзлый. С нашим водворением в ней от сырости со стен начало течь. Внутреннее убранство обычное, только нары в два этажа.

Перевод в эту тюрьму происходил таким образом: однажды под вечер к нам пришел сам Судаков во главе многочисленного конвоя.

---

*) „Пришить“—означает на тюремном жаргоне „убить“.

Раздалась команда: —„Одевайтесь! Вещи все забирай с собой!“

Мы быстро оделись и захватили с собой все тряпье. И вот нас погнали к вновь выстроенной тюрьме, окна которой были обнесены густыми сетями колючей проволоки. Даже низ фундамента был весь опутан этой проволокой, чтобы нельзя было сделать подкоп.

Прежде, чем завести нас в помещение, был произведен обыск, причем все лучшие вещи отбирались конвоирами. Хорошо, если арестованный попадал на обыск к более или менее добросовестному солдату—у него еще кое что оставалось, но если нарывался на подлеца, то лишался самых необходимых в тюрьме вещей.

Во время обыска Судаков с палкой и наганом в руках бегал между нами и кричал:

—„Теперь, сволочи, не убежите. Теперь вы будете сидеть в надежном месте!“

Действительно, надежнее этой могилы ничего было придумать. В землянках хоть сквозь щели виден был свет и несло чистым воздухом, а здесь мы были закупорены, как в бочке.

Начальство ввело новые порядки. Во главе каждой камеры администрацией ставились „старосты“ из арестованных. Это новое начальство было не лучше оффициального. В нашей камере старостой был назначен предатель Шишков. Он заявил нам, что при малейшем шорохе в камере, по его сигналу немедленно откроют по камере пулеметный огонь. Этим он, очевидно, старался застраховать свою жизнь от покушений с нашей стороны. Шишков ежедневно ходил к начальнику Судаку для обучения его детей церковному пению, за что получал различные подачки, тут же попутно он докладывал и о об арестованных. У Судакова обучал детей иностранным языкам и другой предатель—Коробов.

Мы и тут были уверены, что достаточно малейшего повода—и по нашей новой тюрьме тоже откроют стрельбу. Захотят—и перестреляют всех нас. И мы должны были держаться крайне осторожно, чтобы не подвергнуть себя убийству и новым пыткам.

В тюрьме все, кроме дисциплинарников, круглые сутки находились в камерах под замком. Прогулок не было. Камер было семь, с одним общим корридором. В корридоре стояли часовые. Печей не топили—тюрьма согревалась телами и дыханием заключенных.

Вследствие плохого питания, отсутствия воздуха и движения и крайней скученности началась цынга. Даже дисциплинарники, работавшие целыми днями во дворе и те начали болеть цынгой. С опухшими ногами, с кровоточащими язвами на деснах, закутанные в лохмотья, пластом валялись люди на нарах. Спертый воздух никогда непроветриваемых камер, напитанный испарением тел и зловониями параши, наполнился еще запахом заживо разлагающихся тел. Стали массами умирать. Администрация решила выпускать на работу кроме дисциплинарников и из других камер, но немногие уже могли ходить. Все обессилели, все лежали... Когда выносили парашу за нее брались уже шесть человек, но и у шестерых было мало сил: они падали, разливали ее содержимое и стража тут же нещадно избивала их за это.

Стали отделять цынготных в отдельную камеру.

Произошло это так: однажды в барак ввалились конвоиры и с ними фельдшер—„коновал"—как звали мы его, тоже один и ревностных помощников Судакова.

„Коновал" стал производить осмотр заключенным:

— Открой рот.

Арестованный открывал рот и „коновал" смотрел на десны. Если были признаки цинги, он командовал:

— В лазарет.

Многие из больных, думая, что их на самом деле перевозят в лазарет, обрадовались. Но вскоре же им пришлось глубоко разочароваться: их перевели лишь в отдельную камеру тюрьмы, где попрежнему и оставляли их догнаивать. Врачебной помощи не было, ухода никакого. Смерть пировала в этой камере. Вновь заболевавшие старались скрывать свою болезнь, только бы не попасть в эту зачумленную камеру, откуда был один выход—в сарай...

Те, кто мог двигаться, при каждом удобном случае старались выйти из нашей тюрьмы-могилы и подышать чистым воздухом. Это было возможно в том случае, когда в корридор тюрьмы заходили конвоиры и приказывали—

из такой то камеры одеться пяти человекам и выходить. Куда идти—не говорили, но все знали, что на какую то работу. Какая бы то ни была работа, но все же она была счастьем: ведь можно было двигаться и дышать чистым воздухом.

Памятен такой случай: из нашей камеры вызвали на работу 4 человек, в число их попал и я. В сопровождении двух конвоиров мы пошли, взяли большие сани и пошли к цынготной камере.

И вот тут то мы узнали, на какую работу нас вызвали.

Когда мы открыли дверь цынготной камеры, на нас пахнуло таким ужасным запахом, что мы едва не упали в обморок. Большинство из арестованных, находящихся в этой камере, уже не могли вставать и испражнялись под себя. Умершие лежали на нарах вплотную вместе с живыми, причем живые были не лучше мертвецов: грязные, покрытые струпьями, в рваном тряпье, заживо разлагающиеся—они представляли кошмарную картину.

Начали отделять мертвых от живых и выносить их на сани. Всего мы вынесли 5 человек. Оставшееся после них тряпье разобрали те, кто еще мог шевелиться. Даже в таком ужасном положении, в каком находились эти „живые мертвецы", каждая тряпка была дорога.

Уложив трупы на сани, мы повезли их вслед за конвоирами, сами не зная—куда.

Оказалось, что привезли их к сараю, служившему „мертвецкой".

Когда двери сарая раскрылись, нам представилась такая картина: в сарае навалена огромная куча трупов...

Исхудалые, грязные, одетые в разное тряпье тела лежат, как попало одни лицом вниз, другие вверх, третьи боком. Отовсюду торчат руки и ноги... Из щелей сарая дует—и эта куча трупов местами занесена снегом.

Ужас сковал наши сердца. Волосы поднимались дыбом, когда пришлось, затаскивая новые трупы, ступать по головам и по лицам умерших.

— Ступай смелее!.. Жалеете, сволочи, своих!.. Сами тут будете! Пересыпая эти слова площадной бранью, конвоиры подбодряли нас пинками и ударами прикладов.

Кое как мы кончили эту страшную работу: все пять трупов были втащены в сарай и навалены сверху на занесенную снегом кучу. Иногда в этой куче насчитывалось до 70 неубранных трупов.

VIII. Конец Иоканьги.

Так барахтались изо-дня в день между жизнью и смертью свыше тысячи человек.

Кое-кто все же работал, даже из числа заболевших цингой, стараясь остатками сил отдалить или побороть болезнь.

Дрогнули, должно быть, и звериные сердца... Режим стал несколько легче, реже стали побои, пища улучшалась. Все работавшие в тюремной конторе были помещены отдельно в лазарет. Жили они и лучше и сытее нас. Среди них были Клюев, Коробов, Оверин, Шишков, Рухлов и др., а впоследствии был и Бечин.

Приутих и Судаков.

Часто с тюремного двора можно было видеть его стоящим на горе и зорко всматривающимся в морскую даль. А однажды, работая, мы его увидели в сопровождении Бечина. Они о чем то разговаривали. По лицу Бечина скользила улыбка; Судаков выглядел растерянным. В это время на радио-станции был выкинут красный флаг.

Это было около обеда. Все почувствовали, что что-то совершилось..,

Во время обеда в коридор тюрьмы вошел Бечин и др. в сопровождении конвоиров и об‘явил, что в Архангельске советская власть, но.. арестованным еще придется некоторое время побыть на старом положении. Вся тюрьма зашумела, как улей. Все единодушно потребовали освобождения...

Замки пали...

Мы свободны!..

Один из заключенных, больной, в этот момент сказал: „Наконец то дождался!“—открыл широко глаза и умер. Так мы встретили свободу.

Многие от радости плакали.

Устроили собрание, избрали Комитет. В Комитет вошли: Бечин, Цейтлин, Шевченко, Клюев и еще несколько человек. Из арестованных образовали красный отряд.

По радио стало известно, что на ледоколах из Архангельска идет Миллер.

Организованный из освободившихся заключенных Красной Иоканьгской отряд нес караульную службу и охранял вновь арестованных. Ночью выставлялись наружные посты, главным образом в то время, когда Миллер со своим штабом приближался к Иоканьге, устанавливались пулеметы, а на Сольном острове было поставлено орудие, но для этого орудия, кажется, не было снарядов.

Иокальгский полуостров был на военном положении.

Миллер прошел мимо.

Комитет вел повседневную работу, разрешая текущие дела. В то же время велось строгое расследование всех преступлений, совершенных б. администрацией, конвоирами и предателями из среды арестованных.

Большое внимание комитетом уделялось вопросу о скорейшем выезде с Иоканьги, т. к. малейшее промедление в этом деле грозило смертью многим из б. арестованных. Цынга свирепствовала во всю и косила людей направо и налево. Каждый день смерть уносила то одного, то сразу нескольких товарищей.

Из цейхауза разобрали запасы одежды; многие были буквально голы. Продовольствия вволю; у некоторых даже начались желудочные заболевания.

Все из б. арестованных, которые могли еще работать, получили то или иное задание.

Были приняты меры, по оказанию помощи больным: слабых перевели в лазарет, могущих ходить посадили на больничную диэту.

Больным устраивались ванны и выдавалось чистое белье и одежда.

Баня была каждый день и все, кто желал, могли в ней мыться.

Питание стало нормальным, но цынга все же брала свое: многие не могли есть. В качестве лекарства от цынги употребляли за неимением хвои сосновое смолистое дерево, которое заваривали кипятком и этот отвар больные сами делали и пили.

Все работы по обслуживанию больных, которые были не под силу б. арестованным, несли теперь б. конвоиры: они заготовляли дрова, топили печи, носили тяжести и т. п.

По радио Комитет сносился с Архангельском. Ожидали вывоза нас с Иоканьги. В то же время началось следствие. Арестовали многих конвоиров и человек до пятнадцати из среды заключенных, обвиняемых в предательстве.

Работа Комитета и особенно его мягкость в отношении наших мучителей страшно не нравилась нам членам Компартии. Главным образом возмущал всех „домашний“ арест изверга Судакова. Поэтому, помимо Комитета, коммунистами было устроено свое, партийное собрание, на котором бесповоротно была осуждена политика Комитета и было вынесено постановление перевести Судакова из под домашнего на строгий арест в помещение караула. На собрании были выдвинуты из товарищей следователи для расследования измен и предательств в тюрьме. На этом собрании присутствовал и член К-та—Шевченко, как партиец.

Собрания у нас происходили в сапожной мастерской. На собраниях членов РКП присутствовали т. т. Долгобородов Ив., Шевченко, два товарища из Политуправления Красной Армии и другие, всего около 15 человек.

Перед нами стоял вопрос о переизбрании Комитета, ввиду его излишней мягкости по отношению к палачам и предателям. Но этот вопрос так и остался неразрешенным в виду того, что люди, вошедшие в Комитет, до этого находились в лучших условиях, чем мы, и были здоровее. Мы же все были больны и не могли вести никакой работы.

Ограничились тем, что дали т. Шевченко строгий наказ провести постановление собрания в жизнь.

Судаков совсем пал духом, когда его перевели под строгий арест в караульное помещение. Он осунулся, опустился, растерялся и трусливо дрожал за свою судьбу, за свое семейство. Иногда Бечин старался успокоить его, говоря, что в Совроссии расстрелов нет и ему нечего беспокоится. Грубый, жестокий тюремщик, способный самым бессердечным образом измываться над беззащитными арестованными, превратился во что-то пресмыкающееся: вид

рабский, услужливый. Помню: однажды, стоя на часах с товарищем, я вслух заметил, что нужно бы было подмести пол. За перегородкой немедленно раздался вкрадчивый просительный голос Судакова:

— „Я подмету, товарищи“!?

Ему разрешили; и он без метлы, руками, очень ловко и скоро убрал сор, все время приговаривая, что и он тоже работать может и работал.. Картина была неприятная. Было стыдно за него.

Несмотря на ряд радиотелеграмм, летевших одна за другой в Архангельск и Мурманск, пароходов все еще не было, 10 суток мы жили в ожидании. Из Архангельска ледоколов так и не дождались.

Пришло два парохода с Мурмана с медперсоналом и медикаментами. Началась погрузка заключенных. Большинство пришлось нести на носилках. Оба парохода были заполнены сплошь цынготными. За время суточного перехода до Мурмана умерло 24 человека.

В Мурманске для выгрузки больных с парохода был мобилизован почти весь город и все лошади. Лазареты были переполнены.

Когда вывели с парохода арестованных, толпа, и главным образом женщины, набросились на Судакова. Полетели камни, палки... Трудно было сдержать толпу, чтобы она не учинила над Судаковым самосуда...

Но вот, наконец, мы и в Мурманске.

Умершим за время перехода с Иоканьги в Мурманске около 24 человекам были устроены торжественные похороны—с музыкой, с красными знаменами, при стечении огромной толпы народа.

Эти похороны мы видели из окон нашего лазарета. Как бились наши сердца, когда мы снова, по прошествии 20 месяцев, услышали звуки революционных гимнов и увидели красные знамена революции!

В лазарете нас посетил командующий Мурманским фронтом т. Иванов и местные представители Советской власти. Они беседовали с нами и утешали, что теперь наша жизнь спасена.

Особенно врезалось нам в память посещение лазарета иностранцами, представителями от норвежских рабочих.

Войдя в палату и увидя опухших, посинелых, покрытых язвами людей, у которых даже рты не закрывались из за распухших десен и языков, иностранцы онемели от ужаса и удивления.

Придя в себя, они начали спрашивать обо всем, что их интересовало.

Кто то об'яснял им, кто то переводил, а они все записывали—и потом ушли, получив наглядный урок, как были гуманны и великодушны культурные европейцы союзники по отношению к русскому народу.

Из Мурманска нас развезли по лазаретам. В каждом лазарете, где лежали узники Иоканьги, этого полуострова смерти, оставались следы в виде умерших от цинги людей, в каждом лазарете мы оставляли то одного, то другого из своих товарищей, которых не в силах были спасти от смерти ни медицина, ни природа, ни внимание со стороны людей. Я был отправлен в Тихвино, а затем в Вологду, где пролежал в лазаретах около двух месяцев.

Кто остался в живых, тот никогда не забудет этого проклятого полуострова страданий, ужасов и смерти и вечно будет помнить имена тех, кто погиб там и отдал свою жизнь за счастье народа.

Юрченков (Васильев).

ПРИЛОЖЕНИЕ К ВОСПОМИНАНИЯМ.

Юрченкова (Васильева).

Приложение к воспоминаниям
Юрченкова—(Васильева).

Из дел переписки временного Исполнительного Комитета Иоканьги и временного Исполнительного Комитета Профессиональных Союзов.

Приводим несколько документов в виде поданных и полученных комитетом телеграмм, из которых видно—какую жизнь вели б. арестованные в течение 10 дней после освобождения до выезда из Иоканьги.

Телеграмма 1-ая.

АРХИСПОЛКОМ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИЗ ИОКАНЬГИ.

20 февраля 1920 г. Экстренно.

Иоканьгская тюрьма освобождена без эксцессов. Начальник арестован командой караула по нашему соглашению. Временно избрали комитет для руководства, шлите указания и сведения об убежавшей власти. Просим Петрова к аппарату для переговоров, назначьте часы.

Бечин, Рухлов, Клюев.

Телеграмма 2-ая.

ИОКАНЬГА, 20 февраля 1920 г.

Исполнительный Комитет во главе 10 чел. Председатель Бечин, тов. председателя Рухлов, секретарь Клюев, зам. секретаря Софронов, членов 7—Донцов, Карионов, Шевченко, Цейтлин, Киприянов, Канев, партийный один.

Примечание. Исполнительный Комитет был избран на митинге, устроенном после освобождения из тюрьмы. Список кандидатов в Комитет был предложен группой, которая была в последнее время на особом положении, т. е. из тюрьмы была переведена в лазаретный барак.

Об освобождении она узнала за несколько часов вперед и, значит, сумела наметить кандидатов. В Комитет был проведен один только коммунист т. Шевченко.

Продолжение телеграммы 2-й.

Сообщите было признано 2 фунта находим необходимым для поддержания здоровья увеличить паек заключенных до нормы получаемой стражей, имеется до 1200 пуд. муки, крупы 350 пуд., рису 85 пуд., овощей сухих 100 п., консервов 40.000 банок, сала шпик 800 пуд., сала топленного 60

пуд., свинины копченной 30 пуд., чая 7 пуд., сахару 60 пуд, соли 180 пуд., кислоты лимонной 25 пуд., пикулей 20 пуд. и разных 20 пуд. Всего хватит по норме на 3 месяца, и при увеличении на два фунта месяца на 4.

Оружия: 1 пулемет, 100 винтовок, 7 револьв., патронов руж. 900006. Медикаментов никаких. Необходимо прислать спирта, вина и медикаментов, а также врача и 2-х фельдшеров, иначе много умрет. Всего 576 чел., из них тяжко больных 205, остальные все больны цингой, умирает по 7 чел. в сутки. Быв. стражи 100 чел.

Примечание. При условии выдачи по $2^8/_9$ фунта на человека, освободившиеся могли просуществовать 3 месяца, а при выдаче $2^1/_6$ фун.—четыре месяца.

Миллеровским правительством была установлена следующая норма: первое время хлеба выдавали по полфунта на человека, последнее время стали выдавать по фунту, при чем, хлеб был крайне плохой — сырой, скверно выпеченный. Никто его не вешал и при раздаче, арестованные заботились лишь о том, чтобы все получили поровну. Прочие продукты не поддавались никакому учету: их было вряд ли больше 6–8 золотников на человека.

При таком пайке белогвардейцы могли бы продержать арестованных до 16 месяцев и даже больше, если принять во внимание, что смертность увеличивалась и количество арестованных таяло с каждым днем.

Медикаментов не было. При таком положении дела, месяца через 2—3 и совсем не потребовалось бы продовольствия, потому что арестованные все бы умерли.

Цель, которую преследовали палачи, была вполне достигнута ими: уже около 200 человек было похоронено на Иоканьге и смертность увеличивалась с каждым днем.

Телеграмма 3-я.

СРОЧНО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА ПЕТРОВУ.

Исполком Иоканьги находит, что необходимо погасить огни на маяках Святоноском, Городецком и Орловском, а также необходимо в снежную погоду прекратить действия сирены на маяках Святоноском и Городецком; телеграфируйте, когда вышла Канада; в зависимости от этого и нужно отдать распоряжение о погашении огней на маяках.

Председатель Бечин.

Исполком Иоканьги. Распоряжение, соответственно Вашей телеграммы отдано.

Товар. председателя И. Д. Петров.

Примечание: Бегство Миллера было предусмотрено б. арестованными Иоканьги. Предполагалось, что Миллер зайдет в Иоканьгу, чтобы захватить администрацию тюрьмы и учинить с арестованными расправу.

Телеграмма 4-ая.

ТЕЛЕГРАММА АРХАНГЕЛЬСКОМУ ИСПОЛКОМУ.

Иоканьгский Исполком сообщает, что в связи с расстрелами, происшедшими на Иоканьге с 7 на 8 ноября, замешано много лиц, как из среды заключенных, так и из среды бывшего караула Иоканьгской ссыльно-каторжной тюрьмы, которые, несомненно, являются виновниками этих расстрелов. Исполком Иоканьги находит необходимым произвести еще целый ряд арестов лиц, причастных к расстрелам. Аресты, с одной стороны, вызываются частью потому, что виновность этих лиц несомненна, с другой стороны ввиду того, чтобы виновников предохранить от расправы над ними со стороны бывш. арестованных и в третьих дабы иметь возможность виновников предать суду.

В случае вывоза в Архангельск или Мурманск должны ли мы взять с собою имеющиеся продукты, одежду, лошадей, одним словом, все имеющееся имущество, принадлежащее тюрьме.

Если да, поставьте своевременно в известность нас о приходе парохода, чтобы мы имели возможность все заранее приготовить, дабы не задерживать пароход погрузкой. О количестве продовольствия Вам сообщено. Одежду и белье выдаем неимущим. Сколько остается ее для отправки в Архангельск, сообщим дополнительно.

Мурманский Исполком запрашивал нас, сколько людей возвращается сейчас. Ему ответили. Сообщаем и Вам, что вывезти всего нужно с детьми 682 человека.

Исполком Иоканьги полагает, что следует арестовать:

Георгия Дмитриевича Коробова.

Вячеслава Петровича Дубицкого.

Сергея Климовского.

Александра Васильевича Грачева, бывшего конвоира, находящегося в настоящее время в Архангельске.

Потрудитесь ответом на нашу просьбу, давать ли нам сведения маякам о проходящих судах в Белом море. Нас интересует М и н и н. Немедленно телеграфируйте, когда нам зажечь створные знаки Иоканьгской бухты, на случай захода парохода за нами.

Председатель Исполкома Бечин.

П р и м е ч а н и е. Коробов был коммерсант и крупный делец, имевший при белогвардейцах крупное коммерческое предприятие в Мурманске и даже сносившийся с заграницей. На Иоканьге он сидел за ссору на коммерческой почве с военным командованием, за сопротивление отдать товары у него на Мурмане. Вместе с ним сидели его доверенные и приказчики, всего 5 человек, тоже за темные дела, связанные с убийством компаниона Коробова.

Из заграницы и из Мурманска Коробов часто получал большие посылки, содержимым которых он делился со своими избранниками, главным образом с Петровым который ему впоследствии в Архангельске пригодился.

После заговора, когда все было покончено, он был посажен в нашу землянку и отсюда подтвердил в своих показаниях Судакову о главных заговорщиках. Эти доносы были обнаружены на Иоканьге, после освобождения заключенных. В это время он был уже в Архангельске, будучи вывезен туда ранее.

Ранее также был вывезен с Иоканьги и Петров; Архангельские общественные деятили, в лице того же Петрова ставшие во главе Правления до образования Революционого Комитета, сомневались в виновности Коробова, Иоканьгскому исполкому пришлось рассеивать эти „сомнения", в особенности доказывать Петрову несомненную виновность Коробова.

Грачев был подручным Судакова и чинил с арестованными жестокие расправы.

Дубицкий и Климовский были арестованы за то, что „продавали" заключенных.

Эти два лица за преданность палачу-начальнику Иоканьгской тюрьмы Судакову были вывезены в Архангельск до освобождения.

Телеграмма 5-ая.

22 февраля 1920 г.

ИСПОЛКОМУ ИОКАНЬГИ.

Кого Комитет найдет нужным арестовать. Имущество нужное остающимся в Иоканьге учреждениям оставьте, получив расписки в передаче такового. Дубицкий, Климовский, Грачев будут арестованы. Коробов пока на свободе. Сообщите в чем последний подозревается.

Телеграмма 6-ая.

АРХАНГЕЛЬСК, ИСПОЛКОМ.

ОТВЕТ АРХАНГЕЛЬСКОМУ ИСПОЛКОМУ.

Коробов подозревается в ложных показаниях о побеге с Иоканьги; в деле об этом имеются его показания, говорящие о том, что побег организовывался определенными лицами. За побег в Мурманск вывезено 13 человек, говорят они расстреляны.

Примечание. Когда Миллер бежал, первые дни в Архангельске власть была в руках так называемых общественных деятелей, во главе с председателем совета профессиональных союзов Петровым.

Эта власть не верила в виновность Коробова и запрашивала Иоканьгский Комитет — в чем обвиняется Коробов. Последний, не будучи арестован, сумел удрать из Архангельска.

Когда нас, Иоканьгских сидельцев, везли в санитарном поезде из Мурманска в глубь России, мы встретили Коробова на Мурманской ж. д., пробирающимся в Мурманск со своими людьми. Очевидно, он сумел убедить общественных деятелей, что он не виновен и они не арестовали его, хотя Иоканьгский комитет, по настоянию б. арестованных, требовал его ареста.

Продолжение телеграммы 6-й.

Последним сведениям Минину, вооруженному лучше Канады, удалось бежать; последняя возвращается в Архангельск. По вопросам имеющим характер военный, обращайтесь по адресу Штаб Военкому; он же осведомит и о времени прибытия к Вам парохода. Пароходам, идущим Мурманск, приказано зайти к Вам.

Иоканьга, Кольчугу, по радио на № 1.

Хозяйственном и техническом отношении попрежнему подчинены службе Связи.

Телеграмма 7-ая.

АРХАНГЕЛЬСК, ИСПОЛКОМ.

ИЗ ИОКАНЬГИ. 23 февраля 1920 г.

Доводим до сведения, что по осмотре острова Сольного на нем оказались 2 76 м/м. пушки японского образца в полной исправности со всеми принадлежностями, кроме снарядов.

Примечание. На острове Сольном подготовлялись орудия на случай встречи с Миллером, но Миллер прошел мимо.

Запрашивали ли Мурманский Исполком? Что Мурманская радиостанция ответила Минину на его запрос? Наша станция плохо слышит Мурманскую. Завтра избираем следственную комиссию для допроса арестованных нами. Где находится Ярославна, и кто на ней из бежавших? Одежда, обувь почти выданы неимущим, остатки полагаем вывезти Архангельск для обмундирования белогадов, находящихся в Архангельской тюрьме. Продовольствие полагаем вывезти все как на пути Архангельск, так и Мурманск. Исполком Иоканьги сообщает имена товарищей, павших жертвами империалистов в ссыльно-каторжной Иоканьгской тюрьме. Товарищи убитые в ночь с 7 на 8 ноября по вине нескольких административных лиц: Кулаков Павел Яковлевич, Ляпунов Павел Андреевич, Смычников, Степан Андреевич, Мартюшев Артемий Макарович; умерли от ран: Качкин Сергей Иванович, Новоселов Михаил, Ефремов Григорий, Терентьев Павел Родионович, Судьин Иван Иванович, Попов Василий, Попов Яков, Воробьев Николай; умерли от цынги: Филатов Николай, Садовников Николай настоящее имя Латухин Прокопий, Патолицин Василий, Щербинин Иона, Левкин Сергей, Иванов Иван, Едемский Дмитрий. Малышев Василий, Рудаков Александр, Иванов, Шапов Иван, Агафонов Федор, Иванов, Осмынин Илья, Вокуев Платон, Уткин Федор, Андреев Андрей, Попов Авраам, Поташев Иван, Обоев Егор,

Нестеров Иван, Кашутин Антон, Кисляков Василий, Бабиков Кирилл, Севастьянов Никита, Кожевин Иван, Ярославцев Сергей, Палкин Иван, Козицын Дмитрий, Черемный Егор, Тонких Владимир, Малыгин Федор, Овцин Василий, Медников Федор, Дерябин Яков, Терентьев Козьма, Казарин Арсений, Филиппов Василий, Канев Степан, Попов Александр, Вокуев Михаил, Устинов Киприян, Чистяков Николай, Кулаков Ефим, Терентьев Афанасий, Матерехин Алексей, Артеев Пантелей. Васильев Андрей, Буров, Желанский Иван, Наговицын Яков, Михайлов Александр, Иванов Иван, Ралин Никанор, Филиппов Никадр, Аншуков Александр Прелый Арсений, Рочев Дмитрий, Суханов Никифор, Судаков Петр, Бычков Александр, Бекетов Карп, Сямптонов Иван, Рошев Федор, Рехачев Иван-Григорьевич, Носов Игнатий, Рочев Анисим, Сметанин Степан, Шульгин Кирилл, Носов Федор, Халтурин Михаил, Фимин Василий, Фортиков Василий, Варте Яков, Веселов Николай, Ануфриев Павел, Кононов Константин, Мальцев Алексей, Чупров Илья, Рочев Владимир, Сидорович Иосиф, Клюквин Николай, Иванов Антон, Чуркин Петр, Блохин Андрей, Алесанко Василий, Захаров Алексей, Хемеляинен Петр, Тушев Георгий, Андреюк Лаврентий, Романовский Павел, Рябов Осип, Петухов Александр, Артеев Игнатий, Дуркин Михаил, Шилов Андрей. Умерли от дизентерии Петухов Михаил и Сажин Егор; умерли от упадка сил, Берзин Эдуард, Фуртиков Александр; от дряхлости Челышев Александр; от воспаления брюшины Окулов Семен, воспаления тонких кишек: Ануфриев Филипп, туберкулезом: Воронов Николай, от острого катара кишек Рочев Николай, тоже Попов Гавриил, от порока сердца Луканов Георгий; от воспаления роговой оболочки Шекин Иван; от плеврита Третьяков Иван Федорович, от воспаления легких Котцов Василий; от болезни сердечных мышц Бурлаков Макар; Имена т. т. увезенных Александровск и поступивших в распоряжение особого суда участь которых нам неизвестна; говорят они растреляны, будто бы как организаторы Иоканьгского побега, Васильев Вячеслав, Подшивалов Виктор, Чуев Виктор, Носов Николай, Малыгин Александр, Соколов Павел, Майков Иосиф, Габасов, Вакнавас, Решетников Дмитрий, Гросман Лохман, Андреев Филипп, Ебергард Вячеслав, Колицкий Михаил. Ставим Вас в известность что из числа умерших есть лица и не товарищи нам, но тем не менее они всетаки были жертвами произвола руководителя Миллеровской шайки.

Председатель Иоканьгского Исполкома Бечин.

Примечание. Список умерших, сообщенный телеграммой Иоканьгского комитета от 23 Февраля 1920 г. далеко не полон. Под конец смертность значительно усилилась и до 2-го Марта умирало от 7 до 9 чел. в сутки.

Телеграмма 8-я.

АРХАНГЕЛЬСК ИСПОЛКОМ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПЕТРОВУ

23 февраля 20 г.

Нижеприведенная депеша за № 219 случайно перехвачена Иоканьгской радией с Козьмы Минина.

№ 219—23—2—11—10 сл. Мурманск. Донесите срочно о положении Мурманска и на фронте. Адмирал Иванов. О чем доношу всем. Бечин.

Примечание. Умирающий хватается за соломинку. Миллеровский штаб еще пытался осведомляться о положении дел на Мурманском фронте, но в Мурманске белогвардейская власть уже не существовала. Переворот в Мурманске произошел на два дня позже, чем в Архангельске и много офицерства было схвачено, чего в Архангельске не было сделано; не кому было.

Телеграмма 9-я.

АРХАНГЕЛЬСК ИСПОЛКОМ.

24 февраля 1920 г.

Почему вернулась команда обратно в Арх. и где находится л/к Пожарский, Русанов, Сибиряков и Таймыр? Какие сведения имеете о Минине? Почему не отвечаете на наши телеграммы? Где Соловей Будимирович? Мурманск сообщает, что заботится о нашей доставке.

Полагаем, что больных лучше отправить Мурманск меньшее время в пути. С Городецкого нам известно, что Минин 10 ч. 30 мин. утра сегодня под парусами быстрым ходом по чистой воде шел по направлению N. Все время дымит. По нашему рассчету он должен быть около Святого носа в 4 часа дня, но Святоносовский маяк его не видал. Отвечай. Бечин.

Примечание. В этот день около Иоканьги проходил Миллеровский штаб. В Иоканьге все были наготове.

Продолжение телегр. 9.

Скажите, нужно ли зажечь створные знаки Зинбухты? Привет всем и от всех. Ответьте на вопрос, куда по Вашему лучше направится больным. Не забудьте на дорогу послать спирт и медикаменты.

Примечание. Ввилу того, что все были больны, необходимость заставляла отправиться лучше в Мурманск; этот путь короче и в отношении льдов безопаснее.

Телеграмма 10-я.

АРХАНГЕЛЬСК, ИСПОЛКОМ.

25 февраля 1920 г.

Товарищи, все бывшие заключенные Иоканьгской ссыльно-каторжной тюрьмы просят Вас принять самые решительные меры к подаче нам средств к выезду. Каждый день из наших рядов умирают товарищи в страшных мучениях, ибо условия здесь до того ужасны, что нет возможности исправить их; люди заморенные с осени не поддаются никакому лечению, да и лечить то нечем. Квартирные условия ужасны: нельзя исправить. Каждый день заболевают все новые и новые лица, крепившиеся до сих пор. Каждый заболевший знает отлично, что его ждет братская могила, потому что не было случая, чтобы заболевший цынгой поправлялся. Лазарета, где лежат больные, боятся хуже смерти. Этот барак самый лучший подготовки на тот свет, ибо попавший туда не выходит живым обратно. Каждый день уносит 5 — 7 человек. Жутко смотреть на все. Сознание убивает здоровых тем, что они ничем не могут помочь больным. Фельдшер сам скоро свалится с ног; несмотря на увеличение пайка заболевания не прекращаются и заболевшие не поддаются лечению. Примите все от Вас зависящие меры и увезите нас.

Председатель Исполкома Бечин.

Примечание: Тот ужас и все те пытки, которые перенесли заключенные на Иоканьге, все это отразилось и на моральном и на физическом состоянии людей. У всех был упадок сил и полное изнеможение, все были больны. Но несмотря на ужасную картину гибели людей, оставшиеся крепились, питая надежду, что скоро все выедут с полуострова смерти и будут спасены. Одна за другой подавались телеграммы о скорейшем вывозе.

Телеграмма 11-я.

АРХАНГЕЛЬСК, ИСПОЛКОМ.

Мы сегодня получили шифрованную телеграмму из Мурманска на имя начальника радиостанции следующего содержания: случае получения приказания оставить Иоканьгу, рекомендую Вам и Судакову и надежной команде на буксире идти в Мурманск. Мурм. фронте все благополучно. Архангельск перешел Совроссии, подпись.

Капитан Миллер и полковник...

22-11 17 ч. 42 мин. Задержана Александром, за что ему спасибо.

Как думаешь, не дурно?

Телеграмма 12-я.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ Товарищу ПЕТРОВУ.

ИЗ ИОКАНЬГИ.

26 февраля 1920 г.

Мы получили сообщение из Мурманска о выходе завтра пароходов „Керети" и „Колгуева", пока не знаю куда они пойдут. Возможно, что их маршрут в Архангельск и необходимо в помощь сильный ледокол. Даю исполкому телеграмму, постарайся, чтобы вывести нас всех. Здесь ужасная смертность. Умирает до 9 человек в сутки Сегодня умерло 7. Ну из телеграммы увидите и все сообщите нам подробно. Скорее вывозите, противном случае все погибнем на Иоканьге. Может есть какие вопросы? Говори, жду. Сообщите какие новости в Архангельске.

Иоканьгский Исполком.

Телеграмма 13-я.

АРХАНГЕЛЬСК, ИСПОЛКОМ.

Копия ПЕТРОВУ.

ИЗ ИОКАНЬГИ.

26 февраля 20 г.

Весьма срочно.

Сообщили телеграммой из Мурманска о выходе завтра двух пароходов Керети и Колгуева; не знаем куда они будут направлены в Архангельск или в Мурманск. Просим, если возможно, вывести всех в Архангельск и к выходящим пароходам дать в помощь один из более сильных ледоколов Это вынуждают нас ужасные мучения и смертность людей, которых ежедневно умирает от 5 до 9 человек; сегодня умерло семь: Бабиков, Фролов, Копченов, Жанин, Корняков, Весыс, Демьянович и, если не представится возможным погрузить и вывести не только больных, но и здоровых, остающиеся люди обречены через неделю две такой же участи. Результат сообщите срочно: подробно сколько пароходов выйдет, куда направлены и заберут ли всех и вести или нет в Архангельск имеющиеся запасы продовольствия, одежду, имущество и можно нет сдать взятое имущество для тюрьмы обратно Базстройке. Противном случае кому сдать имущество.

Иоканьгский Исполком.

Примечание: 6-ти месячное пребывание на Иоканьге в невыносимых ужасных условиях, заставляло всех желать, чтобы их лишь бы вывезли— куда, безразлично. Мечта всех манила туда, откуда были вывезены— в Архангельск. Была забота об имуществе и продовольствии, как с ним поступить.

Телеграмма 14-я.

АРХАНГЕЛЬСК, ИСПОЛКОМ.

26 февраля 1920 г. ИЗ МУРМАНСКА.

Иоканьгский Исполком просит Вас, товарищи, сообщить, какого числа выйдут пароходы; также сообщите арестован ли старший надзиратель бывшей тюрьмы Черняев; если арестован, отправьте с отходящим пароходом к нам на Иоканьгу. Кстати сообщаем как часто мы производим похороны 7/2 похоронили 36, 9/2 хоронили 14, 13/2 хоронили 8, 16/2 хоронили 12, 20/2 хоронили 16, 25/2 хоронили 21 и к 8 часам вечера померло еще 4 человека. Из этого Вам видно, почему мы каждый день запрашиваем о пароходе и Вас и Архангельск. Ведь невозможно зайти в барак; только и разговора-скоро-ли пароходы, какие сведениа о них, почему они не идут. Люди больные с истрепанными нервами хотят одного лишь: только бы пароход, а там возможно поправятся. Здесь же на выздоровление нет никаких абсолютно надежд: одни умирают на глазах, другие заболевают. Процент умирающих увеличивается, также как и процент заболеваемости, расстраивается желудок у многих. Многие лишаются аппетита; наверно, скоро дойдет до того, что некому будет варить пищу и доставлять дрова. По сведениям фельдшера кандидатов на братскую могилу сто двадцать три человека (123) которые умирают каждый день, кроме этого еще имеется больных около 280 человек, чуть шевелящих руками. Картина ужасна. Мы убедительно просим приложить все усилия к тому, чтобы возможно скорее вывезти нас отсюда с полуострова смерти.

Председатель Иоканьгского Исполкома Бечин.

Примечание: Этот период был периодом поголовного заболевания-цынгой всех заключенных. Особенно обессилевшие и изголодавшиеся захворали еще раньше, а к моменту освобождения уже все были больны и смерть косила заключенных направо и налево.

Телеграмма 15.

Срочно.

АРХАНГЕЛЬСК РЕВКОМ С. ПОПОВУ.

Нами получено сообщение о выходе из Мурманска в Иоканьгу Керети и Колгуева, на которых в первую очередь сделаем посадку серьезно больных 250 чел.; остальных 400 и 20 семейств, если придется возможным, также необходимо вывезти хотя в Мурманск. Народ изболел и измучился. Ужасная смертность. За последние три дня умерло 20 чел. Весьма желают выезда в Архангельск. Из Архангельска сначала получено сообщение, что дано распоряжение

в Мурманск Пожарскому и Седову следовать Архангельск с заходом в Иоканьгу. Это более бы устраивало остальных 400 чел., но после этого нам стало известно, что ледоколам Пожарскому и Седову дано распоряжение следовать в Архангельск, без захода в Иоканьгу. Это сообщение ставит опять же в ужасное положение ныне освобожденных: попасть в Архангельск с уходом Пожарского и Седова опять нет никакой надежды. Положение малость улучшится в Мурманске. Просим Вашего распоряжения о вывозе более здоровых 20 семейств и 400 человек в Архангельск; что касается ледоколов Русанова, Таймыр, и Сибирякова, то они находятся во льдах около Орловского и не известно скоро ли придут Иоканьгу. Ждем ответа и распоряжения.

Иоканьгский Исполком.

Примечание. В эти дни Иоканьгский Исполком вел переговоры с Губревкомом и скорее достиг положительных результатов.

Копия.

Телеграмма 16.

ИОКАНЬГА ИСПОЛКОМ.

Отдано распоряжение ледоколам Таймыру и Русанову зайти в Иоканьгу и взять всех заключенных доставки Мурманск 98. Предгубревкома Попов.

Примечание. Учитывая то обстоятельство, что в Мурманске нельзя было избавиться от цынги, все хотели попасть в Архангельск, но путь туда был долог и труден. Поэтому Губревком предпочел отправить больных в Мурманск, откуда их можно отправить по железной дороге в глубь России. Кроме того в отношении продовольствия и медицинской помощи Мурманск являлся благоприятным местом.

Копия.

Телеграмма 17.

МУРМАНСК РЕВКОМУ.

Ближайшие дни в Мурманск пребывают ледоколы Сибиряков, Таймыр и Русанов, на которых следует партия заключенных из Иоканьги. Примите соответствующие меры по приему и обезпечению всем необходимым.

Предгубревкома Попов.

С подлинным верно:

За секретаря Ревкома Едемский.

Примечание. Мурманский Ревком принял все меры, чтобы разместить всех больных в больницах и лазаретах и обеспечить им медицинскую помощь.

Телеграмма 18. Срочно.

МУРМАНСК РЕВКОМ.

Подтверждаю необходимость снабдить Кереть и Колгуева, отвозящих в Мурманск больных, медперсоналом на 300 чел. так как больным Иоканьги нужна медицинская помощь и уход в пути 118. Аргубревком.

Примечание. Из Мурманска на пароходах прибыл медицинский персонал—врач, фельдшера и обслуживающий персонал и были привезены медикаменты и продовольствие.

Телеграмма 19-ая.

НАЧАЛЬНИК ОХРАНЫ ВОДНОГО РАЙОНА И МОРСКОГО ТРАНСПОРТА
1 марта 1920 г.
№ 134.
Арх-ск, Псковский, 95.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГУБРЕВКОМА.

Сообщаю, что ледокольные пароходы РУСАНОВ, СИБИРЯКОВ и ТАЙМЫР 1 марта вышли из Иоканьги, забрав оттуда всех людей в Мурманск, куда прибудут 2 марта.

Об их разгрузке в Мурманске и их срочной нагрузке грузами продовольствия и в первую очередь, медикаментами, мною сделано распоряжение моему помощнику Военмору Фролову.

Военный моряк М. Николаев.
Делопроизводитель
Военный моряк Чухарев.

Телеграмма 20-ая.

Из 4—88. № 19. Срочно.

1/III 15 часов.

АРХАНГЕЛЬСК, ГУБИСПОЛКОМУ.

Все погружены на Колгуеве и Таймыр для отправки в Мурманск 15 часов последний пароход оставил благополучно Иоканьгу.

Подписал: За председателя Исп. К-та Клюев.

Передал Точилов.
Принял Ясинский. 1/III 23 часа.

Примечание. Архангельским Губревкомом были даны распоряжения л./п. Русанову, Таймыру и Сибирякову зайти в Иоканьгу за б. заключенными. Эти ледоколы, судя по телеграммам, были во льдах.

Также было дано распоряжение в Мурманск—Керети и Колгуеву; откуда пришли Колгуев с медперсоналом и Таймыр, которые и вывезли всех б. заключенных. Седов и Пожарский 2/III 20 г. вышли из Мурманска в Архангельск с частью перешедших на них бывш. Иоканьгских заключенных.

В Мурманске для встречи бывших арестованных Иоканьги было мобилизовано все население города, которое и развозило арестованных по лазаретам. Последние все были переполнены.

За теплое и внимательное отношение к измученным больным узникам Иоканьги, медицинский персонал получал от них благодарность через печать.

Большое внимание оказывали больным и представители Сов. власти, посещавшие больных в лазаретах и принимавшие все меры к скорейшей отправке их в центр.

Телеграмма 21-ая.

В АРХАНГЕЛЬСКИЙ ГУБПРОДКОМ.

Настоящую копию Губревком препровождает Вам для сведения и распоряжения, в части касающейся снабжения имеющей прибыть из Мурманска в Архангельск партии до 300 чел. бывших заключенных в Иоканьге за революционную деятельность, необходимыми продуктами питания.

За Председателя Р. Пластинина.

За Секретаря Грачев.

3 марта 1920 г.

№ 185, 6, 7.

Примечание. В тот же день 2-го числа по прибытии в Мурманск небольшая часть бывших арестованных из наиболее здоровых направлена на пароходах в Архангельск (в числе их было около 100 человек бывших конвоиров).

Телеграмма 22-я.

РАДИО-ТЕЛЕГРАММА.
ПОЖАРСКИИ, СЕДОВ, ИЗ АРХАНГЕЛЬСКА.

Архангельские рабочие, готовящиеся встретить 3-ю годовщину свержения царизма, вместе с рабочими всей Советской России, с нетерпением ждут Вашего приезда и надеются — в их среде вы забудете все те страдания, которые вы переносили под игом белогвардейских бандитов.

Предархгубревкома Попов.

Секретарь Р. Пластинина.

Примечание. Из полуторых тысяч людей вывезенных в сентябре 1919 г. в Иоканьгу, могли в Архангельск вернуться лишь 127 человек, за исключением вывезенных до освобождения в разное время в Архангельск, Мурманск и др места. Остальные или были похоронены на берегах Ледовитого океана или остались лежать по разным лазаретам Сов. России. Такова была расправа Миллера с рабочими.

В числе 99 вновь арестованных из бывших заключенных было как будто 27 человек, остальные были все конвоиры и администрация тюрьмы. Нижеприведенная телеграмма подтверждает это.

Телеграмма 23-ая.

НАЧАЛЬНИК
Охраны Водного Района
и
Морского Транспорта.
10-го марта 1920 г.
№ 957.
Арх—ск, Псковский 95.

ПРЕДГУБРЕВКОМУ.

Сообщаю для сведения, что на прибывающих в ближайшие дни в аван-порт ЭКОНОМИЯ ледоколах ПОЖАРСКИЙ и СЕДОВ находятся 127 освобожденных из Иоканьгской тюрьмы, 99 чел. вновь арестованных Иоканьгским Исполкомом и 59 разных других пассажиров.

Военный моряк Николаев.

Комиссар (подпись).

Телеграмма 24.

АРХАНГЕЛЬСК АРХГУБИСПОЛКОМ.

13 марта 1920 г.

Ко дню прихода Пожарского и Седова Иоканьгский Исполком просит вас, если это окажется возможным, приготовить тридцать мест для больных иоканьгцев в Архангельском лазарете Красного Креста по Троицкому проспекту в доме Шарвина. Для этих тридцати человек нужны перевязочные средства. Кроме этого нужно пять лошадей для перевозки винтовок, пулеметов и продуктов. На первое время для пятидесяти человек нужны общежитие или квартиры где можно было бы временно до приискания занятия или выезда на родину поместиться. Для ста арестованных нужен конвой и место в тюрьме.

За председателя Иоканьгского Исполкома Шевченко.

Примечание. Только для пятидесяти чел. понадобилось общежитие Вот подтверждения того что из всех освобожденных только 50 чел. могли без помощи двигаться.

Телеграмма 25.

Вологда Петрозаводск, Череповец. Уездисполкомам: Мурманск, Кемь, Тихвин, Званка Начстанциям.

Передать только.

Архгубисполком просит Вас не задерживать и не чинить препятствий, а оказывать содействие т. т. иоканьгцам, следующим из Мурманска в Архангельск, Мурманскому Исполкому вменяется в обязанность снабжать всех этих иоканьгцев удостоверениями, что они действительно, в Мурманск были вывезены из Иоканьги для лечения и дальнейшего следования Архангельск

Предархгубисполкома С. Попов.

Примечание. На всех перечисленных пунктах, где оставались тяжело больные, не могущие ехать дальше, им оказывалось всевозможное содействие и медицинская помощь.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	Строка.	Напечатано.	Следует читать.
14	14 стр. снизу	Равнялось одному голосу	Равнялось трем голосам.
64	8 стр. снизу	Кто таки мы.	Кто такие мы.
65	16 стр. сверху	Франсис	Френсис.
91	3 стр. снизу	1919 г.	1920 г.
114	11 стр. снизу	Антынов	Антынь.
152	8 стр. сверху	Стали ждать и своей очереди.	Стали ждать и мы своей очереди.
158	14 стр. снизу	За конвоирами.	С конвоирами.

